МИХАИЛ БРАГИН

От Москвы до Берлина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемая вниманию читателей книга статей и очерков писателя — военного корреспондента Михаила Брагина займёт достойное место в литературе о войне. Автор знает военное дело, изучал вопросы военной истории, а на войне прошёл с танковыми соединениями их боевой путь до Берлина. Эти данные позволили М. Брагину сочетать в статьях и очерках правильный анализ сложных вопросов боя с правдивым литературно-историческим описанием образа действий и подвигов советских воинов. Живые страницы книги Михаила Брагина "От Москвы до Берлина" повествуют о битвах Советской Армии с немецко-фашистскими войсками под Москвой, Сталинградом, Курском, Киевом, в Прибалтике, Восточной Пруссии и, наконец, в Берлине. Советская Армия изумила мир своей боевой силой, своим воинским мастерством, самоотверженностью и бесстрашием. Она показала своё неоспоримое превосходство над гитлеровской армией, считавшейся до 1941 года сильнейшей в мире и даже "непобедимой".

- Михаил Брагин
  - Предисловие
  - На Бородинском поле (октябрь 1941 года)
  - Великое сражение под Сталинградом
  - Удар на Дону
  - Июльская битва
  - Советские танкисты в битве за Киев
  - Маневр и удар танковых соединений
  - Майор Хохряков в боях
  - В танковом штабе на Висле
  - Прорыв к морю
  - Кантемировцы
  - Крах Восточной Пруссии
  - Советские танкисты в Берлинском сражении
  - Содержание
- notes
  - 1
  - 2

Михаил Брагин
От Москвы до Берлина
(Статьи и очерки военного корреспондента)

Предисловие

Живые страницы книги Михаила Брагина "От Москвы до Берлина" повествуют о битвах Советской Армии с немецко-фашистскими войсками под Москвой, Сталинградом, Курском, Киевом, в Прибалтике, Восточной Пруссии и, наконец, в Берлине. Советская Армия изумила мир своей боевой силой, своим воинским мастерством, самоотверженностью и бесстрашием. Она показала своё неоспоримое превосходство над гитлеровской армией, считавшейся до 1941 года сильнейшей в мире и даже "непобедимой".

Как известно, война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Вероломное нападение дало врагу преимущество внезапности. Немецко-фашистские захватчики использовали военные и экономические ресурсы почти всей Европы. Гитлеровская армия была заблаговременно отмобилизована и превосходила Красную Армию в численности и боевой технике, особенно в танках и авиации. Бросив против Советского Союза 170 дивизий, десятки тысяч танков и самолётов, немцы надеялись в полтора — два месяца "покончить" с Советским Союзом.

Однако враг жестоко просчитался.

Большевистская партия, наше правительство, товарищ Сталин всегда готовили страну к активной обороне.

Советский народ, осуществляя планы сталинских пятилеток, превратил нашу страну в могучую социалистическую, индустриальную и колхозную державу. Под руководством товарища Сталина была проведена огромная работа по строительству вооружённых сил, оснащению их боевой техникой, по обучению и воспитанию воинов Советского государства.

В дни Великой Отечественной войны опасность ещё теснее сплотила советский народ вокруг коммунистической партии, вокруг товарища Сталина, ещё более прочной стала дружба народов СССР. На призыв вождя "Всё для фронта, всё для победы!" советские патриоты ответили массовым трудовым героизмом. Силы нашей родины росли.

В огне Отечественной войны выковалась наша армия, которая вскоре стала грозой для немцев. Своей героически стойкой, активной обороной советские вооружённые силы изматывали врага, истребляли его живую силу и технику, созвали стратегические планы германского командования и, развернув могучее наступление, сокрушили армию фашистской Германии и

её союзников. Боевая слава советских вооружённых сил достигалась путём самоотверженных усилий наших воинов — пехотинцев., артиллеристов, танкистов, лётчиков и моряков, кавалеристов, сапёров, связистов. Она слагалась из боевых дел советских полков и дивизий, корпусов и армий, из героических подвигов миллионов советских патриотов на фронте в бою и в тылу в труде. Наши генералы и офицеры непрерывно и успешно совершенствовались в искусстве вождения войск, в сложных условиях современного боя.

Советская Армия — самая культурная армия в мире — воевала и училась, училась и сражалась и преодолевала небывалые трудности, прорывая укреплённые рубежи, форсируя водные преграды, наступая в снежные заносы зимой и в распутицу весной; смело прорывалась в тыл врага, молниеносно маневрировала и штурмовала укреплённые города и крепости. Советская Армия победила потому, что она вела войну справедливую и всю свою мощь направила на достижение благородной цели: освобождение советской отчизны и всего человечества от гитлеровских варваров. Советскую Армию привели к победе гений и воля Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, его полководческое искусство. "Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. По указанию товарища Сталина активная оборона советских войск сочеталась с подготовкой контрнаступления. Наступление сочеталось с прочной обороной. Товарищ Сталин мастерски разработал и применил новую тактику маневрирования, тактику одновременного прорыва фронта противника на нескольких участках, рассчитанную на то, чтобы не дать противнику собрать свои резервы в ударный кулак, тактику разновременного прорыва фронта противника на нескольких участках, когда один прорыв идёт вслед за другим, рассчитанную на то, чтобы заставить противника терять время и силы на перегруппировки своих войск, тактику прорыва флангов противника, захода в тыл, окружения и уничтожения крупных вражеских группировок войск. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства". ("Иосиф Виссарионович Сталин, Краткая биография", изд. 2-е, исправленное и дополненное).

Великая Отечественная война явилась величайшим испытанием всех материальных и духовных сил нашего народа, прочности и жизненности советского социалистического строя, стойкости и мощи Советской Армии,

Итог испытаний — величайшая всемирно-историческая победа.

Перед писателями и историками, особенно перед участниками Великой Отечественной войны, стоит первостепенной важности задача — писать как можно полнее и лучше о героической борьбе советского народа и Советской Армии.

Предлагаемая вниманию читателей книга статей и очерков писателя — военного корреспондента Михаила Брагина займёт достойное место в литературе о войне. Автор знает военное дело, изучал вопросы военной истории, а на войне прошёл с танковыми соединениями их боевой путь до Берлина. Эти данные позволили М. Брагину сочетать в статьях и очерках правильный анализ сложных вопросов боя с правдивым литературно-историческим описанием образа действий и подвигов советских воинов.

В очерке "На Бородинском поле" рассказано о сражении 1812 года и о том, как в 1941 году на Бородинском поле советские бойцы приумножили славу русских солдат. При этом подчёркнуто, что разным эпохам соответствует и разная тактика боя и что советских бойцов в их борьбе за Москву поддержало социалистическое государство всей своей огромной мощью. Знакомясь со статьями "Великое сражение под Сталинградом" и "Удар на Дону", читатель увидит, как было совершено окружение войск Паулюса, получит представление о масштабе операции и роли в ней различных родов войск, особенно танковых.

В статье "Июльская битва" показано сражение на Курской дуге (Орловско-Курское направление). Гитлеровские генералы пытались в этой битве применить идею Канн, о которой твердил немецкому генералитету Шлиффен; старались массировать свои удары, но в борьбе с Красной Армией это не спасло немецко-фашистскую армию от поражения. Статью заключает правильный вывод: "Переход в контрнаступление в процессе обороны требует высшего военного искусства от командиров и отличной подготовки войск. Это искусство использовать до дна возможности обороны и искусство сочетать оборону с наступлением — непревзойдённое качество победоносной сталинской стратегии, идеями которой проникнуто оперативное искусство нашего генералитета".

Очерки и статьи "Советские танкисты в битве за Киев", "Майор Хохряков в боях", "Кантемировцы", "В танковом штабе на Висле" и "Прорыв к морю" изображают ход мышления и действий рядовых танкистов, командира батальона и командующего фронтом. Статья "Манёвр и удар танковых соединений", несмотря на её специфичность, понятна массовому читателю и её с пользой

прочтут также советские офицеры. Статья рассказывает, как применяются в современной операции большие массы танков, раскрывает природу танкового боя, объясняет успехи танковых соединений, как результат взаимодействия всех родов войск. Значительный интерес представляет статья "Крах Восточной Пруссии". В ней говорится, как из Восточной Пруссии впервые пошла раздутая сомнительная слава Гинденбурга и Людендорфа. Автор показывает, как по тем же полям, по которым шла в 1914 году русская армия, обречённая царизмом на поражение, наступала победоносно в 1945 году могучая армия Советского государства.

Гитлеровские генералы, ученики Людендорфа и других носителей военной идеологии Германии, потерпели полное поражение в самой цитадели пруссачества, на родине германского милитаризма, а Красная Армия пришла туда как армия-освободительница народов, порабощённых фашизмом.

В заключительной главе "Советские танкисты в берлинском сражении" сделан упор на освещение роли танковых соединений в операциях нескольких фронтов, показывается их место в наступлении от Вислы до Одера и в окружении Берлина, раскрывается значение темпа и глубины наступления и молниеносного манёвра.

В большинстве статей и очерков действия соединений и частей, офицеров и генералов показаны на фоне армейской и фронтовой операции. Благодаря этому яснее становится оперативное значение и смысл того или иного действия или подвига, и читатель видит, как все действия наших войск от Москвы до Берлина совершались во исполнение гениальных планов Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Говоря о работе собственных корреспондентов газет, М. И. Калинин сказал: "Вы должны не распыляться, а бить в одну цель…, чтобы каждая корреспонденция представляла ценность, чтобы в ней была определённая мысль. Тогда её не сдадут в архив и она принесёт пользу… Если говорить по совести, то каждая такая большая корреспонденция должна быть произведением долговечным, чтобы в будущем человек мог выпустить сборник своих корреспонденции, чтобы их можно было читать в будущем…"

Статьи и очерки Михаила Брагина написаны на фронтах в горячие дни боев и выдержали испытание времени; их будут читать, потому что они раскрывают смысл боевых действий, показывают искусство советского командования и героизм советских воинов.

В целом книга отражает яркие моменты исторических битв

Великой Отечественной войны, описанием которых всегда будет интересоваться советский читатель.

А. В. СУХОМЛИН,
гвардии генерал-лейтенант,
кандидат военных наук.

На Бородинском поле (октябрь 1941 года)

Так же поднялось солнце над Бородинским полем, и так же, как много лет тому назад, поле искрилось росинками тающей осенней изморози. С Шевардинского кургана открывался к западу чудесный вид на Смоленскую дорогу, на линию лесов, синевшую по всему горизонту, а далеко-далеко на западе белели стены старинного Колоцкого монастыря.

И так же, как в тот грозный 1812 год, оттуда, с запада, доносился отдалённый гул артиллерийской стрельбы.

У высоты, близ села Бородино, остановился командир 32-й стрелковой дивизии полковник Полосухин.

Он поднялся на холм, увенчанный памятником Кутузову с орлом, широко распростёршим крылья, и поглядел вокруг. По всему полю, насколько охватывал глаз, на безмолвных холмах застыли, как одинокие часовые, памятники полкам и дивизиям, сражавшимся в Бородинской битве.

Полосухин по карте наметил план рекогносцировки. Штабные командиры ещё не прибыли из Можайска, и времени оставалось много. Полковник решил осмотреть поле Бородинского сражения.

Он пошёл дорогой, по которой 129 лет тому назад, в такой же осенний погожий день, медленно катилась карета Кутузова, производившего рекогносцировку. Несколько десятилетий спустя здесь же, осматривая поле битвы, проезжал на открытых дрожках автор "Войны и мира".

Берёзовой аллеей Полосухин прошёл к маленькому белому домику Бородинского музея, одиноко стоявшему среди поля. Его встретила сторожиха, подала ему книгу посетителей, в которой полковник написал, что он — командир дивизии, прибыл с востока, а в графе "Цель посещения Бородинского поля" ответил: "Приехал Бородинское поле защищать". Полосухин оказался последним посетителем музея, который потом варварски сожгли фашисты.

На стене музея висела такая же карта местности, как и та, что была у него в руках, и стрела, показывающая движение Наполеона от Смоленска к Москве, совпадала со стрелой направленного Гитлером удара на Москву от Смоленска через Гжатск — Бородино — Можайск.

Полосухин остановился у бронзового изваяния Кутузова, точно хотел понять, что пережил, о чём думал гениальный полководец в те тяжкие дни. Статуя прекрасно передавала

характерные черты старого генерала: спокойствие и невозмутимую уверенность. Подпись на постаменте повторяла суровые слова Кутузова: "Стойте, как часовые… Позади Москва".

В следующей комнате Полосухин увидел портреты командиров кутузовских дивизий — Лихачёва, Неверовского, Коновницына… Полосухин знал, что Лихачёв защищал высоту с батареей Раевского, и враги назвали эту батарею редутом смерти или могилой французской кавалерии. А когда ценой страшных потерь французы ворвались на батарею, старый генерал Лихачёв расстегнул на груди мундир и пошёл на врага. Одновременно на флешах Багратиона вёл бой Неверовский. Туда направил Наполеон свой главный удар, бросив в бой три пехотных и три кавалерийских корпуса и сосредоточив огонь четырёхсот орудий, чтобы проломить левый фланг русской армии, обойти её главные силы и уничтожить. На флешах погибла гренадерская дивизия Воронцова. Её сменила третья пехотная дивизия Коновницына. Семь атак Наполеона, одну за другой, отразил Багратион, бросая в контратаку дивизию Неверовского и лично водя в бой свою кавалерию…

И только когда Багратион пал смертельно раненный и были сданы флеши и батарея Раевского, — наступил кризис сражения. Полковник Вольцоген — немец на русской службе — в панике доложил Кутузову, что всё погибло и надо отходить. Но полководец прогнал немца и приказал войскам готовиться к контратаке; он подавил волю Наполеона и заставил его очистить Бородинское поле.

Мягкий свет солнца освещал картины Верещагина, изображающие эти бои; солнечные блики оживляли краски, ожили люди на картинах… За окнами музея лежала та же местность. Полосухин переносился в далёкое прошлое и ясно видел, что стойкость солдат в обороне, их порыв в контратаке, грозная сила русской артиллерии, умение и храбрость командиров решили тогда тяжкий бородинский спор.

Тут же рядом на картинах полыхало зарево над Кремлём, на Красной площади расстреливали русских людей, и это напоминало о том, что делает враг, если впустить его в дом. Русские люди жгли свои жилища вместе с ворвавшимся в них врагом. И крестьянин-партизан Герасим Курин, и старостиха Василиса показались Полосухину, сыну крестьянина, родными и близкими. Эти люди вместе с армией разгромили врага в 1812 году. Покидая музей, командир дивизии заметил выгравированные строки: "Да, были люди в наше время… Богатыри…" История входила в жизнь Полосухина в сегодняшний октябрьский день 1941 года.

* * *

Полосухин объезжал Бородинское поле, и ему стало особенно ясно, что даёт ценного опыт Бородинского боя. И здесь, на Бородинском поле, он наглядно увидел тактику разных эпох, особенности современного военного искусства.

Бородинское сражение 1812 года протекало на фронте всего лишь в 4 километра. В 1941 году в битве за Москву фронт от Калинина до Орла достиг 400 километров, и одновременно развернулись сражения на гигантском фронте от Мурманска до Чёрного моря. Наполеон привёл к генеральному сражению за Москву 135 тысяч солдат, а германское командование бросило против Советского Союза трёхмиллионную армию, нацелив главные силы на Москву.

Грандиозны стали и масштабы борьбы, и одновременно роль бойца, значение мелких подразделений и всей дивизии не только не уменьшились, но возросли.

Первое, что привлекло внимание полковника Полосухина, были дороги, прорезавшие Бородинское поле. Они, точно кровеносные сосуды к сердцу, тянулись к Москве, вливались в русло Арбата, вели к воротам Кремля. Чтобы перехватить дороги, выгодно было занять позицию для обороны на Бородинском поле. В 1812 году в этом и заключалось его значение.

Опыт нынешней войны уже научил, что враг наступает по магистралям. Было ясно, что, встретив оборону у Бородина на магистрали Минск — Москва и ГжатскМосква, немцы будут прорываться по Бородинскому полю, чтоб снова выйти на дороги. Значение дорог не только сохранилось, но усилилось, обрело новое качество, а бои за них — особую остроту. Танки и моторизованные части в случае прорыва у Бородина могли бы быстро привести противника к Москве. До Москвы осталось лишь 120 километров. Поэтому как ни велик был масштаб войны, но обстановка и условия требовали от каждого солдата и подразделения небывалого героизма и самоотвержения.

В 1812 году 4-километровый фронт у Бородина обороняли 120 тысяч солдат Кутузова. Ныне 12 тысяч солдат 32-й стрелковой дивизии заняли оборону на широком фронте, достигшем 40 километров. Автоматика, новые возможности артиллерии, танки, авиация, автомобили, железные дороги заставили разредить фронт, занять громадные пространства и неизмеримо умножили силы войск. И то, что боевые порядки на Бородинском поле стали во сто крат реже, умножило ответственность каждого бойца и мелкого подразделения.

Полосухин проходил полями, поднимался на высоты,

осматривал овраги, прикидывал расстояния до деревень, до лесов — оценивал местность. Часть схемы расположения 32-й дивизии легла на ту же карту, на которой некогда генерал-квартирмейстер Кутузова начертил схему расположения русской армии. Конечно, схемы эти немыслимо было сравнивать, настолько они различны, но тактические особенности местности были по-новому использованы и сейчас. За высотой, где находилась батарея Раевского, Полосухин решил поставить свой артиллерийский дивизион для стрельбы с закрытых позиций. Но на самой высоте были подготовлены огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. На местах, где стояли лицом к лицу с врагом русские пушкари, становились лицом к лицу с врагом советские артиллеристы. В лощинах, в кустарниках и в Утицком лесу, где некогда были разбросаны егеря, расположились пехотные подразделения 32-й дивизии.

Советским артиллеристам и пехотинцам предстоял не только огневой бой на дальних расстояниях, но и ближний бой, бой в упор — артиллерийская дуэль лицом к лицу и штыковой удар грудь с грудью. И здесь, на этом древнем поле бородинской славы, переходили к нашему красноармейцу стойкость русских солдат в обороне, их активность в контратаках, взаимовыручка и личный героический пример — всё, чем был славен в бою солдат России. Но красноармейцу было ещё более тяжко, чем русскому солдату прежних войн. В эпоху Наполеона и Кутузова были однодневные сражения (главные схватки у Бородина продолжались десять часов), а ныне операции, в которых так усилилась боевая техника, тянулись месяцами, и всё это время человек не покидал зоны огня и смерти. Так, в новых условиях, при новой технике в октябре 1941 года должны были сказать решающее слово защитники Москвы.

У гранитных памятников Бородина политработники, большевики рассказывали бойцам 32-й стрелковой дивизии о бессмертном наследии прошлого, и 1812 год входил в сегодняшний день героизмом русских солдат, их боевыми традициями, их любовью к родине. Политработники, большевики говорили защитникам Москвы о нашей Великой Отечественной войне, в которой дело идёт не только о независимости нашей родины, но о самом существовании Советского государства, о жизни и смерти нашего народа. Каждый сознавал себя защитником своей родины, своей советской власти, своего народа. И это налагало на бойцов ответственность, ещё небывалую в истории России. Воспоминания о героях Бородина, мысли о сегодняшнем дне слились в сознании защитников Москвы воедино, сделали их волю к борьбе непобедимой.

У переднего края обороны Полосухин, закончив рекогносцировку, ждал подхода головных батальонов своей дивизии. На его глазах рабочие, студентки, домохозяйки Москвы заканчивали работы на строительстве укреплений. Через Бородинское поле протянулись окопы, надолбы, перед ним был противотанковый ров. Полосухин знал, что лучшие люди Москвы встали на её защиту. Уже подходили организованные МК ВКП(б) коммунистические батальоны Москвы, прибыла и заняла позицию южнее Бородинского поля школа политработников. Знал он также, что к Москве с Урала, Дальнего Востока по приказу товарища Сталина идут новые и новые резервы.

И Полосухин со всей силой ощутил, что иная, чем в 1812 году, Москва стояла за его плечами. Это была не Москва Растопчина, который обманул Кутузова, не дав ему обещанных подкреплений, и прислал шанцевый инструмент для рытья укреплений назавтра после Бородинской битвы. За плечами Полосухина была пролетарская Москва, снабжавшая его дивизию боеприпасами, готовившая для неё укрепления, поддерживавшая своих защитников всей своей огромной мощью. Это была Москва, где спокойно, мудро и властно управляло Верховное Главнокомандование, собиравшее резервы для отпора врагу. Задачей 32-й стрелковой дивизии было удержать противника, обеспечить подход и развёртывание наших сил у Можайска. Враг был уже близко. Враг бросил в бой массу войск в районе Вязьмы и развивает успех. Гитлер прокричал на весь мир о том, что он сделал всё возможное для подготовки удара, что удар этот сокрушит Красную Армию и в ближайшее время Москва; будет в руках немцев.

Полковник мысленно отбрасывал всё, что являлось измышлением фашистской пропаганды, но и его расчёт показывал, что операция, начатая немцами 2 октября, сейчас достигла своего развития, когда сил у противника ещё много и удар его опасен.

Дождавшись подхода головных батальонов, Полосухин уехал на командный пункт.

* * *

К вечеру на автомагистрали Минск — Москва, двигаясь по два в ряд, появились немецкие танки с открытыми люками. Они двигались без охранения. Это было необычно, и расчёты наших противотанковых орудий заколебались. В это мгновение к панораме одного орудия уже припал сам командир батареи, у

другого стал политрук батареи. Выстрелы рванули тишину; один головной танк замер, другой задымил, продвинулся немного вперёд и, объятый пламенем, остановился. Шедшие сзади танки стали его обходить, но противотанковые орудия били в упор. Танкистам негде было развернуться, так как магистраль здесь пролегала в глубокой выемке, и скоро в этом дефиле оказался железный барьер из шести подбитых танков и двух штабных автомашин.

Магистраль была заперта. К немецким танкам подошла мотопехота и, встретив организованное сопротивление, завязала упорный, но малоуспешный бой. Тогда фашисты перенесли удар севернее, вышли на фланг батальона у магистрали. Батальон погибал, но не отходил. Здесь сражались комиссар полка Михайлов, начальник штаба полка Плаксин, секретарь партбюро Евсеев. Немецкие автоматчики просочились к окопам, ударом по каске оглушили политрука Ильященко и потащили в плен. Он пришёл в себя, крикнул:

— Товарищи, не выдавайте!

Но бойцов, бросившихся ему на помощь, вражеские автоматчики прижали огнём к земле. Боясь поразить политрука, бойцы не стреляли. Тогда политрук скомандовал:

— Командир взвода, огонь!

После длинной-длинной очереди всё затихло… Когда командир взвода медленно поднял голову, он увидел своего погибшего политрука и 17 расстрелянных немцев-автоматчиков.

Не добившись здесь успеха, враг двинулся полем, обошёл батальон и снова вышел на магистраль, стремясь к Можайску.

К участку прорыва примчались комиссар дивизии Мартынов и секретарь дивизионной парткомиссии Ефимов; здесь уже расположился на огневых позициях гаубичный дивизион орденоносца майора Чевгуса, подошёл посланный Полосухиным разведывательный батальон капитана Корепанова. И на новом рубеже, на магистрали, завязался упорный, кровопролитный трёхдневный бой.

Враг перенёс удар в район Шевардино. Полосухин направил к Шевардинскому редуту батальон капитана Щербакова и батарею старшего лейтенанта Нечаева. Они дали противнику приблизиться, а потом Нечаев скомандовал: "Беглый огонь!" Батарея непрерывно и беспощадно била по лощинам, где скопились немцы, и сотни трупов в куцых мундирах завалили подступы к Шевардину. Немцы ответили огнём миномётов, артиллерии, самолётов и снова пошли в атаку. Щербаков поднял в контратаку батальон и удержал высоту, увенчанную Шевардиноким редутом. Тогда противник снова пошёл в обход.

Нечаев слышал, как бой перемещался всё глубже в тыл, но продолжал корректировать стрельбу. До него донеслась команда: "Гранаты к бою!", и он понял, что враг у его наблюдательного пункта. В тылу загорелась деревня Шевардино, проволочная связь, проложенная по улице, перегорела; тогда этот участок заняли связисты и голосом стали передавать по цепи команду Нечаева. Связисты погибали, на их место становились другие, и снаряды снова и снова обрушивались на врага. Немецкие автоматчики просочились к редуту. Пехотное охранение, которое оставил Нечаеву Щербаков, всё вышло из строя. Командир охранения лейтенант Хомуха с выбитым глазом просил Нечаева пристрелить его, а самому советовал уйти. Но Нечаев со связистами отбился от противника гранатами, и снова полетели слова команды, цифры артиллерийских расчётов, и продолжался горячий боевой труд артиллериста.

Бессмертная слава артиллериста Тушина, увековеченная в "Войне и мире", перешла на Шевардинском кургане к советскому артиллеристу Нечаеву.

Через два дня немцы, снова отбитые на магистрали, бросили в бой танки, авиацию, мотопехоту, прорвались по краю Бородинского поля и захватили станцию Бородино. Развивая успех, немецкая мотопехота СС рванулась по тылам дивизии на Смоленскую дорогу, к Можайску. Немцы зверски перебили обозников и коней и вышли к деревне Татариново, где лежали наши раненые. Дорогу пехоте СС преградили зенитчики. Никто из фашистов не ушёл живым. Они были скошены струями огня счетверённых пулемётов.

Наступила осенняя ночь. Резко похолодало. Уже пятые сутки сражалась дивизия. Полосухин знал, что враг проник в глубину обороны дивизии, отрезал некоторые подразделения, сидит у него на тылах, и казалось бы, что надо срочно "выходить из окружения". Но сражения показали, что дивизия даже в этих условиях является боеспособным организмом: батальоны и дивизионы в окружении продолжают драться, очаги борьбы взаимодействуют, и это составляет цельный тактический фронт обороны дивизии, хотя на карте и на местности он разорван. Действовала вера командира в стойкость своей дивизии.

В последний день боёв немцы бросили 60 танков на район знаменитой в 1812 году батареи Раевского, где ныне стояли батареи капитана Беляева и старших лейтенантов Зеленова и Гольдфарба. За ночь выпал снег, и на белом поле Бородина ясно чернели танки, а на скатах бородинских холмов стояли выдвинутые на открытые позиции противотанковые орудия. Это был смертельный поединок.

Скоро по белому полю стали метаться горящие немецкие танки. Ветер тянул чёрную пелену дыма над всем Бородинским полем. Семь уничтоженных танков замерли в секторе орудия наводчика Куликова, восемь — в секторе орудия Зарецкого. Следующая волна танков подошла близко. Орудийные расчёты, мужественно выдерживая натиск, продолжали вести огонь, раненые не покидали орудий.

129 лет тому назад молодой артиллерист-прапорщик, посланный Кутузовым с приказом к войскам, указал им направление атаки, и в этот момент ему оторвало ядром руку. Тогда он поднял другую руку и показал, куда следовать войскам.

Комсомолец-артиллерист Отрада не знал об этом подвиге, но когда снарядом из танка ему оторвало руку, он продолжал работать уцелевшей рукой, пока не упал без сознания. Около 40 немецких танков, сожжённых, изуродованных, застыло рядом с гранитными памятниками на поле Бородина, и эти танки стали памятниками бессмертной славы наследников 1812 года.

Глубокой ночью 32-я дивизия получила приказ отойти на новый рубеж. Полосухин напомнил командирам, что Устав нашей армии учит с боем выходить из боя, а не бежать из окружения. Разбившись на отряды, на руках подтянули артиллерию на сто метров к шоссе, которое было заполнено танками и автомашинами противника, закрыли орудия простынями. В придорожной канаве, в трёх шагах от врага, ночью засели истребители танков со связками гранат. И когда Полосухин отдал приказ, над шоссе на протяжении двух километров встала стена огня, охватившего танки, автомашины и немецких солдат. С криком "ура" пошла в штыки пехота; перекатывая орудия, не прекращая огня, перевалила дорогу артиллерия.

Дивизия ушла на северо-восток, оставив на дальних подступах к Москве, на славном Бородинском поле, 117 сожжённых и подбитых немецких танков, 200 автомашин, десятки орудий и миномётов и 10 тысяч убитых и раненых немецких солдат и офицеров. Дивизия встала в обороне на ближних подступах к Москве.

Над Бородинским полем поднялась новая вечная слава героев борьбы 1941 года.

Западный фронт.

Великое сражение под Сталинградом

Сталинградское сражение закончилось.

Пройдут годы и десятилетия.

Сталинградская эпопея будет изучена, описана и воспета. Она останется навеки в сознании нашего народа как символ его военной мощи, символ героизма советских людей, их любви к родине, ненависти к врагу. Для врагов она останется чёрным призраком поражения и гибели.

На берегах Волги столкнулись главные силы Советского государства с главными силами фашистской Германии. В этой битве притупилось, а затем сломалось остриё, направленное противником в грудь Сталинграда. Здесь были задержаны, остановлены, обескровлены, а затем и разгромлены десятки отборных дивизий, предназначенных для удара в глубь нашей страны — на Москву.

Сталинградская операция стала ярчайшей главой военной истории, она обогатит теорию военного искусства. Это сражение будут изучать в военных академиях как пример стойкой обороны, как невиданный в истории войн образец уличной борьбы, как пример операции на полное окружение и уничтожение противника.

В истории Великой Отечественной войны, вслед за описанием обороны Сталинграда, будет рассказано, как Советская Армия перешла от обороны к наступлению, захватила инициативу в свои руки, окружила и отрезала 22 немецких дивизии, как это сражение переросло в битву за полное уничтожение большой вражеской группировки, окружённой под Сталинградом, и положило начало широким наступательным операциям на других направлениях.

Германские войска, прорвавшиеся к Сталинграду, вышли на Волгу, охватили город полукольцом, простреливали все переправы, по которым он сообщался с Заволжьем.

В ноябре 1942 года немцы сообщили, что им осталось захватить район заводов, что они блокировали часть наших войск в самом городе и скоро сбросят всех большевиков в Волгу. Гитлер похвалялся в рейхстаге, что он прочно стоит на Волге.

Однако советские воины продолжали борьбу в Сталинграде и наносили немцам колоссальный урон. В самые критические дни обороны Верховное командование сосредоточило севернее Сталинграда сильную группировку, которая ударами во фланг

нанесла потери противнику, заставила повернуть его крупные силы на север, облегчила положение Сталинграда. С восточного берега Волги защитников Сталинграда поддержала наша дальнобойная артиллерия. Гитлер вынужден был подтягивать всё новые дивизии, истощать резервы. Немецкому командованию пришлось пойти на ослабление флангов наступавшей на Сталинград группировки. Оно исходило из того, что левый фланг немецких войск и глубокие тылы прикрывались течением Дона. В междуречье от Волги к Дону немцы захватили командные высоты и создали мощную оборону; правый фланг обеспечивался их войсками, ранее занявшими территорию южнее Сталинграда. Кроме того, разветвлённые пути сообщения позволяли фашистам маневрировать резервами, сосредоточивать их для контрударов на опасных направлениях.

Весь прилегающий к Сталинграду театр военных действий изобиловал аэродромами, с которых немцы в любой момент могли массированными ударами авиации задержать наши войска до подхода своих наземных резервов.

Главный просчёт Гитлера заключался в том, что он недооценил силы Красной Армии, считая её неспособной перейти в наступление, и переоценил силы своих войск. Гитлер полагал, что 62-я армия, оборонявшая Сталинград, не в состоянии долго удерживать город и нужно лишь ещё одно усилие, чтобы сбросить её в Волгу. Пойдя на стратегическую авантюру, устремившись одновременно и на Волгу и на Кавказ, без достаточных для того возможностей, Гитлер, как зарвавшийся игрок, бросал всё новые тысячи своих солдат в сталинградскую мясорубку.

Но войска Сталинградского, Юго-Западного и Донского фронтов активной обороной и контратаками сковывали врага. В городе шли тяжёлые уличные бои. Медленно продвигались немцы от дома к дому, от порога к порогу, из цеха в цех. Они пускали в бой танки и огнемёты, со всех фронтов стянули сапёров, привезли из Германии полицейские части, специально обученные уличным боям. В приказе войскам было объявлено, что захват районов завода "Красный Октябрь" последний этап войны в 1942 году.

Бойцы 62-й армии под командованием генерал-лейтенанта Чуйкова продолжали оказывать героическое сопротивление бешеному натиску врага. Гитлеровцы наседали. Положение в Сталинграде было тяжёлым.

Верховное Главнокомандование разработало мудрый стратегический план. Были выбраны такие направления главных ударов и такой момент, которые определяли успех контрнаступления.

Стратегическое предвидение нашего Верховного

Главнокомандования, глубокий анализ обстановки позволили раскрыть замыслы противника. Было ясно, что удар Красной Армии под Сталинградом, городом, где были собраны лучшие дивизии Гитлера, вызовет со стороны немецкого командования контрмеры большого масштаба. Нужно было предусмотреть и провести операции такого размаха, которые парализовали бы попытки врага наносить нам контрудары.

Крупные силы были выделены для обеспечения флангов наших войск.

Было решено ударами по сходящимся направлениям в большой излучине Дона (с севера на юго-запад, на город Калач, и из района озёр южнее Сталинграда тоже на Калач) разгромить войска Гитлера на флангах его группировки, дерущейся в Сталинграде, выйти ей в тыл, окружить и уничтожить.

Предстояла труднейшая операция. Общее соотношение сил непосредственно у Сталинграда не давало нам преимуществ. Но искусное сосредоточение ударных группировок привело к численному перевесу наших сил на главных направлениях. Одновременно Верховное командование подготовило резервы для развития операции. Но местность, прорезанная течением Волги, Дона, Чира и других рек, создавала для наступательных действий наших войск особые трудности. Форсирование рек всегда считается сложным делом, требующим специальной подготовки войск. В Сталинградской операции пришлось форсировать Дон, причём второй раз — в глубине обороны противника. Дальнейшее развёртывание операций предстояло в междуречье, когда войска и тылы были разделены Доном и Волгой.

Военная наука считает прорыв обороны противника трудной операцией, требующей большой мобильности и подготовки войск. Окружение врага предъявляет к войскам и командованию исключительно высокие требования. И прорыв и окружение осуществимы, но только при большом искусстве командования, силе и храбрости войск.

Под Сталинградом эти операции следовали одна за другой и одна из другой вытекали. Прорвав оборону, войска наносили охватывающие удары и окончательно окружали противника. Это требовало от руководителей высокого искусства управления и предельно точного расчёта, ибо удар с двух направлений наносили группировки трёх фронтов и только полная координация их действий обеспечивала успех. Задержка движения одной группировки или неудача другой вели к срыву всей операции. Наши войска действовали на большом пространстве, разделённом лагерем противника.

История войн знает примеры окружения разбитых в бою и

отступающих армий. Известны случаи, когда в окружение попадали войска на местности, не дававшей им возможности маневрировать в бою, выйти из боя. Под Сталинградом же предстояло окружить армию, которая сама была способна вести наступление на местности, дававшей ей преимущества. Уничтожению подлежали боеспособные, обстрелянные войска, руководимые генералами, которые воевали против нас с первого дня войны, воевали во Франции, Бельгии, Польше. Многие из них участвовали в первой мировой войне. Они командовали дивизиями и корпусами, сражавшимися против нас с первого часа вероломного нападения.

Так, например, 8-й германский армейский корпус начал свой разбойничий путь в СССР в 03 часа 05 минут утром 22 июня 1941 года.

Корпус ворвался в Гродно, прошёл Минск, Смоленск, Гжатск. Был крепко бит частями 32-й стрелковой дивизии и нашими танковыми бригадами у Бородино в октябре 1941 года. Был отведён за Днепр и долго готовился к боям 1942 года.

Рядом с ним — 16-я танковая дивизия, входившая в танковую армию Клейста, прошедшая через Сокаль, Дубно, Кировоград, Днепропетровск, Ростов. Она была бита под Ростовом в ноябре 1941 года, снова пополнена и введена в действие. Брошена была под Сталинград и 3-я мотодивизия, входившая в танковую армию Гудериана, сформированная в Берлине. Она дралась под Москвой, под Тулой, под Воронежем и первая ворвалась в Сталинград.

Все гитлеровские дивизии были кадровыми, оснащёнными богатейшей техникой, укомплектованными солдатами в возрасте 20–35 лет, с опытным офицерским составом.

Эта армия представляла собой большую силу, способную к решительному отпору. Нужно было стальное кольцо, чтобы её сковать, и тяжёлые удары, чтобы её уничтожить.

* * *

Расчётливо и упорно готовились наши войска к выполнению плана Верховного Главнокомандования. План был дан, и теперь успех его осуществления зависел от наших бойцов и командиров. В самые критические дни обороны Сталинграда товарищ Сталин предвидел и планировал переход Красной Армии в наступление. Ещё в начале оборонительных боёв у Сталинграда наши войска вели упорные бои, чтобы сохранить плацдармы за Доном для последующего наступления. Теперь это облегчало устройство переправ.

Началась подготовка к форсированию Дона, но занятый противником берег командовал над нашим, и работу приходилось вести по ночам. На реках начался ледостав, переправляться на паромах было невозможно, передвигаться по тонкому льду — опасно, наводить мосты — очень трудно. Левый берег Дана покрыт мелкой зарослью, болотист, весь в озёрах; далее на север лежат зыбучие пески. В песках и болотах вязли машины и лошади; люди изматывались. Приходилось прокладывать мосты протяжением в десятки километров, а так как вокруг была безлесная степь, то материал возили издалека. Чтобы дезориентировать противника, строили десятки переправ в разных местах.

Тысячи дорожников, сапёров, инженеров работали не покладая рук под осенним дождём, под порывами холодного ветра, гулявшего на Дону. Труд, труд поистине титанический, предшествовал операции.

В последние недели перед наступлением наши войска, частными операциями отвоёвывали у противника высоту за высотой, балку за балкой, расширяя плацдармы за Доном и Волгой. Сюда вывели войска, которые были сжаты точно пружина, чтобы ударить вперёд. Одновременно была подготовлена немедленная переброска на. эти плацдармы новых резервных дивизий.

Штабы работали днём и ночью, планируя бои, организовывали глубокую разведку. Командиры соединений и родов войск съезжались, договаривались о взаимодействии друг с другом, особенно в глубине обороны противника, ибо только совместными действиями пехоты, артиллерии, танков, кавалерии и авиации можно было выиграть сражение.

Сосредоточение крупных войсковых масс, особенно кавалерии, не укрылось от противника, и он обрушил на район сосредоточения и пути, питавшие операцию, сотни самолётов. Танки и коней укрыли в балках и зарослях. Были усилены средства противовоздушной обороны. Люди зарылись в землю от ожесточённых бомбёжек фашистской авиации.

На плацдармах наши войска приблизились вплотную к переднему краю обороны противника. Немецкие лётчики, не допуская возможности такого сближения, даже не искали в этом месте наши войска.

* * *

19 ноября утром, когда над Доном стлался туман, войска

начали прорыв. После артиллерийской подготовки стрелковые дивизии и танковые полки прорыва рванулись в атаку.

Наступательный порыв охватил наших бойцов. В результате многочасовой борьбы на переднем крае пехота и танковые полки прорыва ворвались в тактическую оборону противника и серией дробящих фланговых ударов разъединили, окружили и уничтожили (а частью взяли в плен) дивизии противника, прикрывавшие левый фланг немецкой группировки у Сталинграда. Чтобы ликвидировать прорыв, противник бросил сюда несколько немецких дивизий, но безуспешно. Они были остановлены нашими войсками, обеспечивавшими прорыв. В прорыв вошли наши крупные танковые и кавалерийские соединения и устремились в тыл противника, к Калачу. Навстречу им немцы двинули из резерва свои танковые дивизии. Но наши танкисты отразили контратаки врага и продолжали путь. Наше танковое соединение, завязав частью сил бои с танками противника, главными силами обошло его, устремилось к переправе на Дону, с ходу захватило её и ворвалось в Калач.

В те же дни готовилось и 20 ноября началось наступление из района озёр южнее Сталинграда. Войска Сталинградского фронта вели тщательную разведку противника. Когда пленённому румынскому генералу Димитриу, командовавшему 20-й пехотной дивизией, показали на опросе карту, составленную нашими разведчиками, и предложили уточнить тогдашнее положение его дивизии, он изумлённо ответил, что наша разведка точней отражает положение, чем оперативная карта его штаба.

Советское командование правильно определило слабые места обороны противника и сосредоточило на них сокрушительные удары. Так, например, на участке 20-й румынской пехотной дивизии артиллерийской подготовкой был почти уничтожен её сапёрный батальон, занимавший оборону, и в открывшуюся брешь пошли наши тяжёлые танки. Они вышли на огневые позиции 40-го артиллерийского полка Димитриу и, как засвидетельствовал румынский генерал, не оставили целыми даже колёса, не только орудия. Другая группа танков, войдя в брешь, атаковала с тыла два полка 20-й дивизии, и, как сказал тот же Димитриу, от его полков "осталась пыль". Когда ему на допросе предложили уточнить смысл этих слов, генерал ответил: "Это значит, что у меня этих полков будто и не было".

Всю эту картину наблюдал сосед генерала Димитриу — командир 297-й немецкой пехотной дивизии генерал-майор Мориц фон Дреббер. Он характеризовал происшедшее словами: "Дурхбрух (пролом) русских". Дреббер видел движение русских танков, обходящих фронт немецкой группировки. Танки

совершали смелое, но опасное для себя обходное движение почти безнаказанно. Очевидно, у немецкого командования нечем было здесь контратаковать. Во всяком случае 297-я немецкая дивизия получила приказ: загнув фланг, перейти к обороне.

Правильно выбранный момент окружения противника обеспечил успех. Враг продолжал ещё атаки Сталинграда, но уже истощал свои резервы и не мог поддержать фланги. Правильным был и удар с двух направлений, ибо противник, метнувшись в контратаку против донской группировки, не мог выделить много сил для контратаки наших войск, наступавших из района озёр южнее Сталинграда. Успех обеспечило и правильно выбранное нашим Верховным Главнокомандованием направление главных ударов, вынуждавшее немцев к боям с перевёрнутым фронтом и заставлявшее их для спасения положения бросать свои резервы наспех, по частям. Формула — решающие силы в решающем месте в решающий момент — нашла в сталинградской операции своё полное выражение.

В результате наше механизированное соединение, наступавшее из района южнее Сталинграда, также прорвалось к Калачу. Танкисты, прибывшие с берегов Волги, пожали руки танкистам, прорвавшимся с Дона, и 23 ноября замкнули стальное кольцо позади немецкой группировки, штурмовавшей Сталинград. Подоспевшие кавалерия и пехота упрочили это кольцо. Операция окружения была блестяще завершена. Предстояла задача разгрома и уничтожения окружённых войск противника.

* * *

Среди войск противника царила растерянность. Немцы отходили к Сталинграду. Одни немецкие генералы считали необходимым немедленно оставить Сталинград и пробиваться к Ростову, но другие считали, что это окружение не опасно и будет ликвидировано в несколько дней.

Из Берлина последовал грозный окрик: "Держаться до последнего патрона!" Гитлер взывал к окружённым войскам, требовал от них стойкости и дал клятву, что он их освободит. Он выдал своим войскам отпущение грехов, объявив, что в неудаче повинны румыны, а не немцы, Маниак, возомнивший себя полководцем, своей авантюрной стратегией привёл немецкие дивизии к разгрому. Он долго скрывал истинное положение своих окружённых войск и от населения Германии.

Гитлеровское командование делало отчаянные усилия, чтобы

спасти положение. Ещё в период нашего наступления к Калачу было установлено, что из Ростова по железной дороге спешно перебрасываются поезда с подкреплениями. Вскоре у Котельникова и в районе Тормосина были сосредоточены крупные силы немецких танков и пехоты. Этим войскам дали звучное наименование — группа "Дон". Всей операцией по освобождению окружённой группировки, объединяя действия 6-й армии, 4-й танковой и группы "Дон", руководил фельдмаршал Манштейн, отозванный для этого с другого фронта.

Манштейн стремился ударами двух групп, главным образом из района Котельникова, двумя клиньями расколоть кольцо наших войск, окружавших группировку, и соединиться с ней в районе окружения. К юго-западному сектору окружения и к району Карповки были выведены отборные части из окружённых дивизий. Они должны были в тот момент, когда Манштейн подойдёт на 15–20 километров, ударить ему навстречу на юг и соединиться с ним. Задача ставилась не только деблокировать свои войска, но одновременно разбить советские войска, которые, по плану немцев, должны были оказаться между молотом и наковальней.

Это была серьёзная опасность. Наземные силы немцев поддерживала авиация, сосредоточенная "а многочисленных близко расположенных аэродромах. Опасность могла ещё более усугубиться, если бы гитлеровское командование приняло решение оставить Сталинград и всей массой 22 дивизий прорываться к Ростову. Но Гитлер не хотел уходить из Сталинграда. Свои дальнейшие планы ударов на Москву и на Баку он связывал с удержанием Сталинграда. Он боялся подорвать веру в силу германской армии среди государств-сателлитов и в самой Германии. Немцы не раз похвалялись, что они не боятся окружения. Письма солдат из окружения отражали в тот период веру в обещания офицеров и в пророчества "фюрера" о предполагаемом разгроме русских.

* * *

Советское командование ещё в ходе окружения сразу прикрыло с запада, юго-запада и юга свои войска, блокировавшие противника. Части прикрытия в напряжённой борьбе задерживали продвижение группы Манштейна.

Подведенные Верховным Главнокомандованием свежие гвардейские соединения, как лавина, спустились с севера на юг, отбросили части Манштейна, взяли Котельниково и погнали всю

группу "Дон" на Ростов.

Надежды окружённых фашистов на разгром наших войск рухнули, надежды на освобождение таяли. Но противник ещё надеялся продержаться; снабжаясь авиацией с близлежащих аэродромов, рассчитывал отсидеться до нового крупного наступления своих войск, которые немцы стягивали откуда только было возможно.

К этому времени, по приказу нашего Верховного Главнокомандования, уже пришли в движение другие фронты, и резервы врага заметались. Сталинградская операция перерастала в ряд операций, ей содействующих и одновременно преследующих свои большие оперативные цели. Началось наступление на Центральном фронте, на юге, на Воронежском фронте. Сокрушительным ударом Юго-Западного фронта на всём среднем течении Дона была взломана вражеская оборона, разгромлены итальянцы (8-я армия), остатки румынских дивизий (3-й армии) и ряд немецких дивизий.

Это были бои с решительным исходом. Можно с уверенностью сказать, что на всём пространстве от Сталинграда до Миллерова все войска противника были уничтожены, взяты в плен или разгромлены. Были захвачены важнейшие станции на железнодорожной рокаде Воронеж — Ростов и железной дороге от Сталинграда до Тацинской, парализованы все тыловые базы противника. С очищением этой территории было сорвано аэродромное базирование немцев и фашистская авиация прогнана на отдалённые от Сталинграда аэродромы.

В рейд по тылам были брошены танковые части. Одна из них — часть генерала Боданова — захватила на аэродроме у станции Тацинская 350 самолётов противника, летавших оттуда на Сталинград. Обстановка в воздухе резко изменилась. После освобождения от противника местности в районе Сталинград Миллерово между окружённой под Сталинградом группировкой Гитлера и его глубокими резервами легло огромное пространство-великий фактор стратегии всех войн. Успешная операция Юго-Западного фронта лишила немецкое командование возможности оказать помощь окружённым 22 дивизиям со стороны Среднего Дона, поставила под удар с фланга и тыла группировку Манштейна.

* * *

Войскам Паулюса был предъявлен ультиматум. Ультиматум был отклонён.

Немецкое командование обмануло своих солдат, заверяя их в приказах, что помощь идёт, что она близка. Офицеры непрерывно вели пропаганду, утверждая, что нужно лишь продержаться до весны, а на Дону она будто наступает в феврале…

Потом офицеры объявили, что Манштейн ушёл на Средний Дон и нужно продержаться до его возвращения. Командир 16-й танковой дивизии напоминал своим танкистам, что они испытали более тяжёлые времена (поражение у Ростова) и должны сейчас терпеть. Командир 3-й моторизованной дивизии вспоминал, что дивизия ни разу не несла поражений, не будет она разбита и теперь.

Прошло рождество, к которому Гитлер обещал армии Паулюса освобождение; миновал Новый год, а помощи всё не было. Солдаты голодали, не стало хлеба, но зато пошли слухи, что полки СС уже в Калаче. Солдат тешили наградами. Они всё ждали, верили в какое-то чудо, в новое какое-то оружие, которое пришлют на самолётах "Ю-52".

Чтобы отвратить наш артобстрел, немцы поместили на своём переднем крае лагерь военнопленных. Советские артиллеристы видели в стереотрубы, как медленно передвигались по загону, ограждённому колючей проволокой, наши люди, видели, как они пытались подняться и падали обессиленные, видели десятки пленных, распростёртых неподвижно на снегу, под открытым небом.

* * *

После отклонения ультиматума советского командования наши войска готовились повести дело на уничтожение противника. Всю ночь сосредоточивались пехота, танки и особенно артиллерия. Над степью плыл гул машин, царило оживление. В логове противника притаилась тишина. Казалось, будто только что состоялся суд и вынесен справедливый и беспощадный приговор. И врагу не уйти от кары!

В эту ночь, когда полная луна обнажила осаждённый лагерь противника, думалось о том дне, когда перед судом народов, вот так пойманные и зажатые в кольцо, предстанут Гитлер и его приближённые. А пока под Сталинградом стояли его слуги. Тут были целые дивизии мародёров и убийц.

Наши бойцы завоевали право привести в исполнение приговор. Они прошли долгий, тяжёлый путь борьбы с оружием в руках против немецких дивизий. У многих остались семьи на территории, захваченной этими дивизиями, многие принесли

сюда боль своих ран, полученных в боях с немцами, жгучую горечь утраты близких, память о погибших боевых друзьях.

Наступил момент, когда советские воины особенно сильно ощутили великие, справедливые цели войны, ради которых они идут на жертвы, напрягают усилия, достигают высот военного искусства.

Там, в нескольких километрах впереди, сквозь светлую ночь угадывается ждущий Сталинград.

Перед ним — враг. Наступил час возмездия.

* * *

К рассвету сосредоточение войск было закончено. Сотни орудий подняли свои жерла. Полукружьем стояли и видны были в степи на огромном пространстве наши танки. Они ждали сигнала. Возле них группировались десанты автоматчиков, рассматривавших высоты противника, куда им предстояло ворваться первыми и проложить дорогу пехоте. А пехота лежала в снегу, далеко впереди, подобравшись к самым передовым укреплениям противника, готовая к броску.

Наконец, загремели первые выстрелы из орудий разных калибров. Сотни батарей выбрасывали по цели новые и новые тонны раскалённого металла. Затем к резким ударам артиллерийских батарей присоединился характерный шум гвардейских миномётов. Стайки мин, ясно видимые после залпа, взлетали кверху, оставляли за собой струи огня, похожие на лисьи хвосты, и продолжали стремительный, нарастающий в скорости полёт. На территории врага поднимались к небу облака дыма, укрепления противника превращались в обломки, бежали и падали немецкие солдаты.

Вслед за артиллерийской подготовкой пехота, танки и артиллерия пошли в наступление. Немцы не могли их сдержать. Артиллерия шла в наступление в боевых порядках пехоты, разбивая укрепления, громя живую силу противника. Наши герои-артиллеристы обнаруживали цели, подкатывали орудия — иногда целые километры по снегу под огнём — и, уничтожив цель, двигались дальше.

Невозможно было остановить и нашу пехоту. Ещё в 1941 году немцы задерживали её на укреплённых узлах и резервами контратаковывали наши части, вклинившиеся в промежутки между узлами сопротивления. Сейчас у немцев оставалось всё меньше резервов, а главное, как они сами признавали, русскую пехоту в этом году на узлах сопротивления не удержишь. Не

спасала и сплошная линия укреплений. Они её создавали, но наши войска взламывали, проникали вглубь и ударами в стороны уничтожали врага.

И снова просчиталось немецкое командование. Окружённая территория выдавалась на запад мешком. Казалось логичным, что снова ударами с севера и юга по сходящимся направлениям, параллельно течению Волги У Сталинграда, русские будут отрезать мешок под самое основание. Но командование Донского фронта решило наносить удары со всех сторон. С востока 62-я армия Чуйкова шаг за шагом выбрасывала немцев из Сталинграда; наши другие соединения били с севера, северо-запада, с запада, юго-запада и с юга. Противник не знал, где наносится главный удар. Его отряды, специально созданные и сведённые из других частей для контратак, бросались с одного направления на другое. При успехе наших войск на одном из направлений командование Донского фронта быстро перегруппировывало туда силы, сосредоточивало там артиллерию с танками и развивало наступление.

Под огнём нашей артиллерии и пехотных дивизий противник отходил, оставляя на высотах и в балках сотни убитых.

Приказы немецкого командования за отступление требовали показательных расстрелов не только солдат, но и офицеров. Но обречённого врага ничто не могло спасти. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск и полным уничтожением сил противника.

* * *

Во время первой мировой войны, 8 августа 1918 года, немецкой армии на Западном фронте был нанесён сокрушительный удар. Немцы назвали 8 августа "чёрным днём Германии".

Под Сталинградом стоят солнечные, ясные дни и светлые ночи. Белая-белая степь, освобождённая, привольная, расстилается перед победителями, перед Сталинградом. Радость победы разлита вокруг, а немцы называли день их разгрома "чёрным днём германской армии".

Гитлеровской армии уготованы новые чёрные дни, которые приведут немецких оккупантов к изгнанию из пределов нашей Родины и к полному их разгрому.

Бойцы, офицеры, генералы Красной Армии, твёрдо убеждённые в правоте своего дела, верят в свои силы, в силы народа и своей страны. Они преисполнены веры в гениальное

руководство Верховного Главнокомандующего, которое привело к беспримерной в истории военного искусства победе.

Сталинград.

Удар на Дону

Ещё летом 1942 года немцы вышли на Дон и укрепились на его правом берегу. Рубеж Дона имел для них огромное значение. Он прикрывал левый фланг и глубокие тылы гитлеровских войск, действовавших против Сталинграда. Располагаясь на среднем течении Дона и занимая охватывающее положение в отношении нашего Воронежского фронта, фашистские армии могли быть нацелены на его тылы и в глубь страны — на Тамбов, на Саратов. Не случайно немецкое командование всё время не прекращало борьбы за переправы на Дону, за островки, участки мелководья, которые облегчили бы постройку мостов, и прилагало усилия к захвату плацдармов на левобережье.

После сокрушительных ударов наших войск под Сталинградом рубеж Дона в среднем его течении приобрёл особенное значение для противника, так как он прикрывал территорию, с которой возможно было наступление немцев в восточном направлении против наших войск, сражавшихся с группировкой Гитлера у Сталинграда. Дон был крупнейшей водной преградой на южном направлении, выходящем к Ворошиловграду и Ростову. Несмотря на крайнюю нужду в резервах, немецкое командование оставило в обороне на среднем течении Дона отлично укомплектованные кадровые итальянские и немецкие дивизии. Многие офицеры и солдаты уже воевали на советско-германском фронте прошлой зимой и сейчас встречали вторую зиму. Дивизии располагались в обороне довольно плотно, позади первой укреплённой линии была вторая, на которой были сосредоточены для контратак ударные фашистские отряды, в резерве находились немецкие части. Весь правый берег Дона был сильно укреплён инженерными сооружениями, населённые пункты и высоты были превращены в мощные опорные пункты. Как перед передним краем, так и в глубине его обороны располагались минные поля. Войска генерала Кузнецова, наступавшие на главном направлении, стояли перед трудной задачей взломать оборону противника, развернувшись на плацдарме за Доном и питая операцию из-за реки.

В Придонье было мало маскирующих укрытий. Прошедшие метели, которыми изобилует в этой полосе декабрь, замели почти все пути подвоза, питавшие фронт. Войска преодолевали эти трудности, и было решено, взломав оборону противника, рассечь его фронт и, наступая на рубеж Миллерово — Тацинская, отрезать пути на юг и на запад, окружить и уничтожить все гитлеровские дивизии, противостоящие на правобережье Дона.

Борьба предстояла упорная и ожесточённая.

Ещё до начала боёв было установлено, что по численности стрелковых войск силы обеих сторон почти одинаковы, а в ходе операции стало ясно, что соотношение в танках — в нашу пользу и преимущество артиллерии — на нашей стороне. Но немцы превосходили нас в авиации.

Движение через Дон под огнём противника представляло большие трудности, тем более что лёд был незначительной толщины и малейшая оттепель, которая и началась на третьи сутки операции, обнажала воду.

В то же время рубеж Дона прикрывал расположение наших войск и позволял нашему командованию, сняв войска с второстепенных участков, сосредоточить на решающих направлениях на узком участке фронта силы, значительно превосходящие противника. Это было смелое решение, и оно стало одним из главных слагаемых победы.

Ранним декабрьским утром над берегами Тихого Дона загрохотала артиллерийская канонада. Массированные удары разрушали укрепления на берегу противника, подавляли его огневые средства, уничтожали его живую силу. За несколько минут до конца артиллерийской подготовки войска повели огонь из всех видов своего оружия; загремели залпы. Штурмовые самолёты начали атаку. Одновременно стрелковые войска, расположенные на плацдарме, прижимаясь к огневому валу, перешли в атаку, и за ними на всём фронте начали переправу через Дон основные силы. Вот они вцепились в кромку правого берега. В этот момент ожили уцелевшие огневые точки противника. Из глубины на переправы обрушился его артиллерийский огонь, в воздухе появились немецкие самолёты. Завязалась кровопролитная борьба на плацдарме и по берегу Дона. После нескольких часов боя наша пехота вклинилась в передний край противника и в глубине встретила новые укрепления — опорные пункты, отдельные огневые точки, густые минные поля. Борьба затягивалась.

Стало ясно, что наступает тот критический момент начала операции, в котором определяется её развитие, а зачастую и результат. Продолжая бой, войска вели кропотливую, опасную, кажущуюся в эти часы особенно медленной работу по расчистке минных полей. В то же время было принято решение, требовавшее от войск новых жертв. Стоя в одном километре от колючей проволоки противника, командующий Юго-Западным фронтом генерал Ватутин ввёл в бой новые части, не ожидая полной расчистки проходов в минных полях. Находясь у переднего края, он представлял себе развитие событий в глубине

обороны противника. Он знал, что чем дольше топтание на месте, тем больше потерь понесут наши войска в глубине обороны противника, и что жертвы, которые неизбежно будут понесены в начале боя, при решительном штурме спасут во много крат больше жизней в дальнейшем и принесут победу. Наоборот, каждая потерянная нами минута даёт возможность противнику подвести резервы и укрепить оборону.

Приказ был дан. Войска генерала Кузнецова, выполняя его, ворвались в глубину вражеской обороны, где упорное сопротивление противника продолжалось. У немецких солдат был приказ: ни шагу назад от рубежа Дона. Когда нами был захвачен важнейший узел обороны, противник контратакой вернул его обратно и прижал часть наших войск к Дону. Ударом соседних полков противник был снова выбит и отброшен.

Теперь, когда виден весь ход боёв на Дону, особенно интересно посмотреть и оценить действия наших войск в те решающие дни так, как их ощущал на себе противник.

Среди пленных офицеров нам удалось найти тех, чьи батальоны и полки сопротивлялись наступлению войск генерала Кузнецова на Богучарском направлении. В маленьком домике, в казачьей станице, собраны 13 майоров и подполковников и три полковника. Большинство из них — итальянцы. Немцев мало, они руководили сопротивлением, а когда поняли его безнадёжность, оставили своих союзников прикрывать свой отход и унесли ноги. Начинается опрос командира батальона из дивизии "Равенна", который был ближе всех к переднему краю. Подполковнику Кало Феличе 50 лет, из них больше 30 он на военной службе. Участвовал в первой мировой войне, окончил военную академию, воевал в Испании, Греции, Югославии, опытный, тактически грамотный офицер. Он был с батальоном в резерве командира полка, и когда на два других батальона обрушились русские, командир полка приказал ему контратаковать и вернуть потерянные батальонами высоты. Феличе пошёл в контратаку, но через 10 минут две из его трёх рот были истреблены, и только с третьей он успел отступить.

Проверить сказанное легко потому, что можно вызвать полковника Нальдони Джовани, который приказывал батальону Феличе контратаковать русских. У полковника спрашивают, удовлетворён ли он действиями Кало Феличе. Командир полка отвечает, что командир батальона сделал всё, чего требовали приказ, обстановка и честь офицера. Может быть, в неудаче повинны другие батальоны? В ответ на это полковник быстро рисует схему расположения полка, отмечает густую сеть дзотов и говорит, что ни один из его солдат не ушёл оттуда живым, а сам

он вынужден был под огнём трижды менять командный пункт. Может быть, плохо действовал соседний полк слева, и в этом причина успеха русских? "О нет! возражает полковник, — полком слева командовал полковник Бианки Мари". Он и сейчас сидит за столом, слева от Нальдони Джовани. Они знают друг друга много лет; оба участвовали в первой мировой войне; окончили военную академию в Модене и совершенствовались в Пармской военной академии; командовали последовательно ротами, батальонами и теперь полками; участвовали во всех войнах, которые вела Италия. Они награждены медалями и крестами за боевые заслуги и за долголетнюю службу, за верность итальянской короне и т. д. Они поддерживали друг друга в бою, но у Бианки Мари из 3 тысяч солдат осталось только 700, а под конец, потеряв весь полк, он присоединился к Нальдони Джовани и вместе с ним попал в плен. Что же в это время делал сосед справа? За правый фланг полковник был долгое время спокоен — туда на помощь итальянцам пришёл полк немецкой дивизии, но потом и он был разбит, и немецкие солдаты, перемешавшись с итальянскими, отступали вместе.

Так на фронте дивизии "Равенна", на этом решающем направлении, враг испытал тот сокрушительный удар, который уничтожил его живую силу. Остатки её отступили.

Затем выясняется обстановка в глубине фронта. Может быть, их не поддержали из глубины, и разгром первой линии обороны есть успех нашей сконцентрированной и подавляющей силы? Нет, для восстановления положения в бой бросались специально предназначенные для контратак ударные фашистские отряды и немецкие штурмовые противотанковые орудия, но они были истреблены и раздавлены нашей пехотой и танками.

Спасти положение не смогли и резервные немецкие пехотные части — они были разбиты позднее. Часть их командного состава спаслась бегством, другая убита, а некоторые офицеры идут, пока ещё неопознанные, по улицам станицы в колоннах пленных солдат, переодевшись в солдатскую форму.

Может быть, неопытность или слабость воли командира дивизии либо командующего армией помогли нам, разбить противника? Нет, полковник отвергает и эту версию. Они уважают своего командира дивизии генерала Друмонта. Он долго командовал полком, был начальником всей артиллерии итальянского экспедиционного корпуса на советско-германском фронте. Они высоко ценят командующего армией генерала Гарибольди, который был правой рукой Грациани, потом оставался вместо него генерал-губернатором Ливии и успешно воевал вместе с Роммелем, пока не попал в СССР. Все действия в

боях на Дону согласовывались и направлялись также немцами, но и их руководство не спасло положения.

Полковники вынуждены были сами сделать вывод, почему они побежали. Они начинают превозносить доблесть наших бойцов, которые знают, за что воюют. Полковники перечисляют действия материальной силы, которые вынудили их сложить оружие: сокрушительный удар на главном направлении и одновременно сильное давление на других участках, благодаря чему они не знали вначале, куда бросить свои резервы; воздействие штурмовой авиации и особенно танков; стремительная атака нашей пехоты, огонь миномётов, орудий и особенно "катюш", которые, по словам много видевшего Бианки Мари, минутами приводили его солдат в полное оцепенение.

Бианки Мари, покидавший деревню, видел, как наши бойцы атаковали бегом, не сгибаясь, презирая опасность. Эти атаки продолжались день за днём круглые сутки, и в результате уцелевшие потрясённые, обессиленные, измученные холодом и голодом солдаты начали поспешный отход. Полковникам напоминают, что наши войска были на том же самом зимнем поле боя, также не спали много суток в боях, и просят дополнить, какие военные соображения привели их к выводу, что сопротивление безнадёжно и надо сложить оружие. Полковники отвечают, что они потеряли не только большинство людей, но и все орудия, лишились бензина, расстреляли патроны даже из собственных пистолетов, В таком положении они шли на юго-запад, когда заметили в предрассветном тумане в 50 метрах впереди на снегу наших автоматчиков, готовящихся атаковать голову отступавшей колонны; сзади колонну преследовали танки, и из тумана донёсся рёв "катюши". Все вокруг побежали, падая и спотыкаясь. Положение было, как выразился Нальдони Джовани, бесперспективным. Всё рушилось. Полковники бросили пустые пистолеты и подняли руки вверх.

Они сидят, потрясённые всем случившимся, точно не веря самим себе. Ведь меньше недели тому назад они и не думали о возможности такого конца своей долгой военной карьеры. Мы выбили у них из рук оружие, лишили сил. Волю свою красноармейцы пронесли сквозь все тяготы современного боя, навязав её врагу. Войска Юго-Западного фронта разбили полки, руководимые опытнейшими, матёрыми представителями фашистского командования.

В ходе боёв стало выясняться, что на решающем направлении наши войска сломят сопротивление противника и уничтожат его в полосе своего наступления. Но этого было мало — попрежнему решал темп продвижения. Потеря темпа означала, что противник

уведёт из-под удара свои главные силы, расположит их на втором укреплённом рубеже, подведёт туда свои резервы, и мы снова встретим фронт организованной обороны. Решался вопрос, окружат ли войска Юго-Западного фронта другие дивизии противника, или только вытолкнут их. Добьёмся ли мы только тактического успеха — и тогда понесённые нами потери будут не оправданы, — или тактический успех перерастёт в успех оперативный, приведёт к разгрому и уничтожению противника, к достижению большой цели, ради которой и ведётся операция.

Войска противника к этому времени уже получили приказ — начать отход на вторую линию обороны. Приказ, отданный дивизии, которая расположена была вне оси наступления наших главных сил, гласил: "Дивизия должна в ночь отступить на юг от реки Дон. Из каждого батальона оставить на Дону по одной роте. При обороне реки Дон частями прикрытия основной задачей является показать противнику, что позиции на реке Дон ещё не оставлены. Начать генеральное отступление ночью. При отходе обеспечивать себя с фланга, с фронта и с тыла. Необходимо, чтобы солдаты в первую очередь несли с собой оружие и патроны, а во вторую — провиант. Неприятель, который будет стараться препятствовать отступлению, должен быть атакован и отброшен. Командир дивизии генерал Перичи".

Захваченный нами приказ предусматривал организованный отвод войск из-под удара, но он опоздал. К этому времени наши танки уже прошли прорванную на главном направлении тактическую глубину обороны противника и устремились ко второму оборонительному рубежу, куда, по приказу, должны были отойти войска противника.

В ходе операции обозначался перелом в нашу пользу, но у противника оставалась авиация, которую он бросил в бой, чтобы любой ценой задержать наши танковые колонны. Пехотные дивизии противника, не испытавшие наших уничтожающих ударов, нанесённых с плацдарма в излучине Дона, не истощили сил в боях и были вполне боеспособны. Как известно, наше преимущество в пехоте было незначительно, и в глубине обороны ещё предстояло единоборство наших стрелковых дивизий, танков и авиации с пехотными дивизиями, танками и авиацией Гитлера. Решить исход боёв должны были искусство наших командиров и боевая доблесть наших войск. Нам известно, как они действовали, но было интересно посмотреть на бой в оперативной глубине обороны, узнать, как его ощущал на себе враг. Третий из пленных полковников командовал полком дивизии "Челере", которая имела возможность успешно выполнить приказ об отходе и продолжать борьбу.

Полковник Лонго Луиджи, командир 3-го полка барсальеров, выглядит совсем молодым. Он красив, силен и элегантно одет. На нём серебряные и бронзовые медали, кресты за боевые заслуги, нашивки за ранения, знак кавалера Италии. Он давно командует барсальерами — солдатами, специально отобранными, тренированными и обученными. С ними он ещё в 1922–1923 годах выступал в Ливию на подавление антиитальянского движения, с ними воевал в Абиссинии, Греции, Югославии, снова в Ливии против англичан и, наконец, в СССР.

Полковник знал, что русские начали атаку в излучине Дона, но в течение двух суток не испытывал тревоги, потому что перед позициями его полка действовала только одна рота русских, не считая боевого охранения. Однако на третью ночь боёв соседний полк был неожиданно атакован русскими, и не с фронта, а с тыла; тогда же они появились на фланге полка барсальеров. Лонго Луиджи немедленно донёс командиру дивизии, но распоряжения генерала уже не услышал: телефонная связь была прервана. Радиостанция, работавшая ещё несколько минут, успела передать, что штаб дивизии внезапно атакован русскими танками и мотопехотой. Затем всё смолкло. Только через несколько часов полковник узнал от командира соседней дивизии, что получен приказ отходить на второй рубеж обороны, где располагались части СС.

Прикрываясь арьергардом, полк начал отход, но теперь русские повели преследование с тыла и двигались параллельно, угрожая флангу. Полк барсальеров был уже в двух километрах от второго рубежа, когда ему навстречу попались отходившие со второго рубежа немецкие солдаты, которые сообщили, что русские танки и мотопехота атаковали отряд СС, захватили второй рубеж и отрезали путь на юг и на запад. Полковник решил с боем прорываться на юг, достиг даже середины деревни, входившей в рубеж обороны, но был отброшен. Он заметил, что русских было мало, и барсальеры снова пошли в атаку, но, попав под губительный огонь пулемётов, понесли потери и опять отошли. Лонго Луиджи повернул обратно и, ускользая от наседавших русских, двинулся на северо-запад, чтобы соединиться с другими дивизиями. Действительно, в районе, где сходятся дороги на юг и на запад, собрались немецкие и итальянские полки, хорватский легион, румыны… Но никто уже не думал об отходе — район был окружён. Была создана круговая оборона, и завязался двухдневный бой. Когда русские истребили 4 тысячи солдат и офицеров, оставшиеся в живых подняли руки. Полковник Лонго Луиджи не сдался в плен. Он бежал, как затравленный волк, пробирался от балки к балке всё дальше, на

запад, и его, точно волка, обложили в кустарнике и взяли в плен бойцы нашего заградительного отряда.

Так, шаг за шагом следуя за рассказом командира полка барсальеров, мы видим, как наши части, растянутые на громадном фронте, сковывали противника до тех пор, пока наши танковые соединения вышли на тылы врага, уничтожили штаб дивизии, парализовали управление, разгромили соседний с ним полк. Мы видим, как танковые соединения, несмотря на минные поля и другие препятствия, в боях с противотанковыми орудиями, под бомбёжкой авиации выполнили приказ, вышли на тыловые рубежи обороны противника, истребили вражеские части, отрезали пути отхода, деморализовали противника и обеспечили разгром и уничтожение его дивизии. Через заслон нашего танкового десантного отряда полк барсальеров не смог пробиться, хотя танкистов и мотопехоты было меньше; благодаря своей огневой выучке и стойкости отряд оказался победителем. Мы видим, как шарахнулся обратно полк итальянской армии и, соединившись с немецкими частями, разделил их бесславный конец: за танками подошла наша пехота и, окружив противника, в жестоком единоборстве истребляла его до тех пор, пока уцелевшие не сложили оружия.

То, что пришлось испытать полку барсальеров Лонго Луиджи, испытали все без исключения полки и дивизии врага, противостоявшие на правобережье войскам генерала Ватутина. Это было достигнуто не только благодаря героизму и боевой тактической выучке наших войск, но и вследствие целесообразного оперативного их использования.

Опыт войны учит, что полная победа достигается тогда, когда наступающие войска, взломав оборону, проникают глубоко в тыл противника и манёвренными сокрушающими действиями уничтожают его живую силу, захватывают технику, склады, базы, населённые пункты. Обороняющийся в этом случае находится в невыгодном положении. Он не в силах, особенно после больших потерь, держать повсюду большие и подвижные резервы. Тем самым он лишён возможности остановить и нанести поражение наступающему, в руках которого — инициатива. Цифры относительных потерь у наступающего и обороняющегося говорят в пользу первого.

Минувший этап операции показал, что в ней были правильно учтены и использованы условия борьбы зимой в степи. Противник был выброшен в степь, где трудно обороняться зимой и трудно соорудить новые узлы и рубежи обороны. Окружение его дивизий и уничтожение тысяч гитлеровцев, захват десятков тысяч пленных и огромных трофеев — всё это говорит о том, что успех был

достигнут благодаря глубокому пониманию особенностей наступательной операции в современной войне.

Днём и ночью на бескрайных полях, в станицах у водных рубежей и железнодорожных станций шли горячие бои. Ветер обжигал лица людей, мороз сковывал движения; в тяжком труде боевого похода напрягались все силы. Но люди наши в стремительном порыве рвались вперёд, и донские ветры разнесли вести об их боевой доблести.

Юго-Западный фронт.

(На Дону).

Июльская битва

На исходе зимней кампании 1942–1943 года, когда приостановились боевые операции, фронт под Орлом и Курском принял своеобразные очертания. К востоку от Орла он вдавался в расположение наших войск, а к западу от Курска выступом уходил в территорию, занятую противником. Такое очертание фронта создавало два плацдарма, с которых одинаково открывались возможности наступательных действий, но которым одинаково грозили двойные фланговые удары с юга и севера. Германское командование решило воспользоваться этим опасным положением нашего курского плацдарма и "рассчитывало концентрическими ударами с севера и юга в общем направлении на Курск прорвать нашу оборону, окружить и уничтожить наши войска, расположенные по дуге Курского выступа" (Сталин). Гитлера манили огромные возможности, таившиеся в этой операции. Немецкие генералы обещали своим солдатам миллион красноармейцев в "мешке" под Курском. Этим же они обольщали и самих себя. Немцы рассчитывали, уничтожив крупные силы Красной Армии, обеспечить себе по меньшей мере стратегическую оборону на советском фронте А при крупной удаче они намерены были пойти на новые авантюры — в сторону Москвы. Одни пленные немцы показывали, что их целью был захват Курска и переход к жёсткой обороне уже на зиму 1943/44 года, а другие сообщали "пророчество" Гитлера, что под ударами у Курска фронт русских покатится на восток.

Эта операция преследовала стратегические цели, она определяла дальнейший ход войны. Во всяком случае, срезав курский выступ, немцы обезопасили бы правую сторону своего орловского выступа, а главное, обеспечили бы себе условия для наступления на Москву. Спрямив Курскую дугу, они сократили бы на две трети свой фронт на этом участке, получили бы свободу манёвра по железной дороге Орел — Харьков и обеспечили себе плацдарм для дальнейших действий. Стремясь окружить наши войска у Курска, немцы хотели захватить инициативу, навязать нашему командованию свою волю, заставить его для спасения курской группировки принимать спешные меры, сорвать наши стратегические возможности и планы. Успех курской операции показал бы, что немцы летом всё ещё могут одерживать победы, укрепил бы в немецкой армии и населении веру в победу. Он доказал бы способность гитлеровского командования осуществить "немецкий Сталинград". Гитлер был одержим идеей реванша за сталинградский разгром.

* * *

Каждому офицеру, способному к оперативному анализу обстановки, были ясны возможности и опасности, скрытые на курском выступе, и немецкое командование не могло не понимать, что Красная Армия не отдаст его без решительной борьбы. Но немецкие генералы рассчитывали на выгоды, которые давали наступающему местность и выдвинутое вперёд положение выступа, а главное — на силу массированных ударов и внезапность. Рельеф местности давал возможность массового применения танков — направления дорог выводили к Курску, и надо было преодолеть всего 180 километров, а со стороны Орла на Курск — 75 километров, что по сравнению с 500 — 600 километрами, которые были пройдены в 1942 году, казалось вполне возможным. Положение курского выступа позволяло, как думали немцы, окружить расположенные на нём наши войска, осуществить "идею Канн", которую им внушал Шлиффен и на которой немцы помешаны.

Большие надежды немецкое командование возлагало также на массированный удар. Этим хотел решить исход сражения в первой мировой войне Людендорф, призывавший вкладывать в удар "каждую унцию силы". Этого немецкие генералы добивались и в борьбе с нами в Великой Отечественной войне. Они всегда сосредоточивают на направлении главного удара подавляющие силы и, не щадя солдат и техники, стремятся прорваться на узком фронте, проникнуть в глубину обороны и развить тактический успех в оперативный. Это им удавалось ценой огромных жертв в 1941 году и в начале 1942 года. В 1943 году они пытались действовать по старому образцу. Но если в 1941 году немцы наступали на фронте в 3 тысячи километров, а в 1942 году — на фронте 500–600 километров, то теперь они наступали от Белгорода и Орла на фронте около 100 километров, нацелившись на Курск. В наступление здесь они бросили подавляющее большинство своих танковых дивизий.

До сих пор они вводили в бой на решающем направлении не более трёх танковых дивизий. Три танковые дивизии действовали в Африке, тремя танковыми дивизиями они прорывались в 1942 году к предгорьям Кавказа. Теперь они только на Орловско-Курском направлении бросили в бой семь танковых, две моторизованные и одиннадцать пехотных дивизий. Их наступление сопровождалось массированными ударами с воздуха. Немецкая авиация с ближних аэродромов поднималась по нескольку раз в день, она действовала также с дальних баз, даже из-за Смоленска и Бобруйска. Немцы рассчитывали на силу удара

ещё потому, что его наносили танки "Т-VI" и самоходные орудия "фердинанд". Их неожиданное появление впервые на поле боя должно было произвести особенный эффект. Ещё больше рассчитывало гитлеровское командование на оперативную внезапность. Чтобы её исключить, надо было предугадать направление главного удара противника, расположение его резервов, особенно танков, показывающих агрессивность намерений, необходимо иметь представление о новом вооружении, а главное, установить время, когда противник перейдёт в наступление, узнать час атаки, называемый в штабных документах буквой "Ч". К раскрытию "Ч" всегда направлены силы разведки. В военной истории встречаются примеры, как можно, разгадав "Ч", сорвать наступление, готовившееся месяцами. Но история первой мировой войны свидетельствует, что немцам на Западе не раз удавалось в 1918 году начинать свои решительные наступления в непроницаемой тайне и захватывать противника врасплох. Задолго до начала сражения под Курском началась подготовка, вернее, борьба за победу. Руководствуясь требованиями приказа товарища Сталина, командование на Орловско-Курском направлении подготовило несколько вариантов активных оборонительных действий. Была создана мощная и глубокая оборона. Пехота построила сложную систему укреплений и зарылась глубоко в землю. Противотанковая оборона опиралась на массу артиллерийских средств и сильные минные заграждения. Оборона была активной, и в глубине её находились танки. Одновременно шла напряжённая боевая учёба. Она велась днём и ночью. Обучали одиночных бойцов, взводы, роты, батальоны… Отрешились от условности и учили тому, что потребует бой. Пехота строила укрепления и училась их оборонять. Танкисты учились их штурмовать и "обкатывали" пехоту, проходя своими машинами над её головами, повторив пример Суворова, который бросал свою кавалерию в атаку на свою пехоту, и проводя в жизнь его идею: "Тяжело в учении — легко в бою".

Эта учёба была важнейшим слагаемым в победе под Курском. Она углубила знания, следовательно, веру в своё оружие, а ненависть к врагу умножала эти силы. Готовясь к обороне и последующему переходу в контрнаступление, наше командование приняло все меры, чтобы обеспечить успех, сосредоточило могучие резервы. При таких условиях можно было уверенно ждать немецкого наступления.

* * *

Одной из важнейших мер была войсковая разведка. Советские разведчики вели её неустанно и активно. Враг им всемерно противоборствовал. Иногда казалось после долгой, напряжённой работы авиаразведки и героев-разведчиков, проникавших в тыл врага, вытаскивавших "языка" буквально из траншей и землянок, — что замысел, группировка и время наступления немцев определились. Но потом появлялись новые данные. Враг вместо подготовки к наступлению укреплял оборону, совершал различные передвижения, и это приводило к самым противоречивым выводам. Вдумчивой работой в штабах разведчики разоблачали дезинформацию немцев, добирались до истины, старались определить срок наступления, а потом снова всё шло насмарку, потому что… гитлеровское командование само точно не знало, когда оно будет наступать. Оно было бы непрочь, чтобы наступление начали советские войска, рассчитывая обескровить их обороной. Но наше командование спокойно выжидало, имея свои соображения. Шла война нервов, и нервы у фашистских главарей явно не выдерживали. Необходимо было наступать, но страшили воспоминания о московском и сталинградском разгромах. Наступать надо было, так как промедление подрывало у немцев веру в "фюрера", который обещал летние победы, нервировало солдат, подрывало их боевой дух. И "фюрер", по показаниям пленных, то требовал готовности дивизий к наступлению ещё в апреле, то намечал его на май, то переносил на июнь. Происходили напряжённые переброски войск к основанию курского выступа, шла явная подготовка к атаке. Затем вдруг начались оборонительные работы, и немецкие части перебрасывались обратно в тыл. Были основания верить пленным, что немцы первыми наступать не будут. Но это не усыпило бдительности наших разведчиков, и они продолжали напряжённую работу. 2 июля товарищ Сталин специальной телеграммой предупредил войска о возможности перехода противника в наступление между 3 и 6 июля. Оставалось узнать час, когда оно начнётся раскрыть "Ч".

Рядовые советские разведчики сделали это, завершив долгую, умную работу всех разведывательных органов. Героическим усилием они вырвали у германского командования тайну "Ч".

Готовясь к наступлению, враг силился парализовать все попытки наших разведчиков проникнуть за его передний край, встречал их огнём, устраивал сильные засады. Но наше командование приказало добыть "языка". Командир разведывательной роты капитан Колосов организовал усиленные поиски. Были разработаны три варианта действий: во-первых, внезапный налёт на огневую точку у высоты П., во-вторых,

дерзкий стремительный бросок разведчиков через проволочные заграждения с помощью шинелей, плащпалаток и прорыв в расположение врага под прикрытием своей артиллерии. В случае неудачи этих двух вариантов надо было подорвать проволочные заграждения в другом месте и проникнуть к немцам под прикрытием дымовой завесы. В запасе был и четвёртый вариант на случай встречи с противником в нейтральной зоне: действовать по своей инициативе, исходя из обстановки. Действовать пришлось именно по этому варианту.

Душной июльской ночью разведчики двинулись в расположение немецких войск, готовые при любых условиях выполнить приказ. Ими руководил лейтенант Иван Милешников. Группой захвата командовал старший сержант Андрей Иванов. Им помогали ефрейторы Фёдор Семёнов и Александр Гузынин.

— На нейтральной зоне, у балки, — рассказывает Иванов, — мы увидели группу немцев и подпустили их к себе. Лейтенант Милешников скомандовал: "Вперёд! Огонь!" и бросился на фашистов. За ним, забрасывая немцев гранатами, бросились Семёнов, Гузынин и я. Схватка была напряжённой и короткой. Мы были готовы на всё. "Есть Ганс?" — кричу я в темноту. "Есть", — отозвался лейтенант. Когда лейтенант Милешников схватил немца, — добавляет Гузынин, — я поспешил на помощь своему командиру, и вырваться фрицу так и не удалось.

— Ребята знали, что я сибиряк, человек крепкий, — заключает Семёнов, — и передали немца мне. Пришлось его нести через всю нейтральную зону. Ноша была тяжёлая, но оказалась ценной. Я и не знал, что на своей спине несу "пакет" с донесением о начале немецкого наступления.

В штабе "пакет" развязали. "Язык" заговорил и рассказал, что он с группой сапёров шёл разминировать минное поле в нейтральной зоне для прохода своих танков, которые через несколько часов (на рассвете 5 июля) пойдут в наступление.

Русские разведчики вырвали у германского командования одно из главных условий победы-внезапность- и передали его нашему командованию.

Войска Красной Армии на Орловско-Курском направлении были подняты по боевой тревоге.

* * *

У германского командования оставалось другое главное условие победы: сила массированного удара. За два часа до начала наступления немцы собрались начать артиллерийскую

подготовку, чтобы уничтожить наши войска на переднем крае, обрушиться на штабы, порвать связь и парализовать управление, а главное уничтожить нашу противотанковую оборону и подавить наши батареи, стоявшие в её глубине на пути движения танковых колонн.

Но за десять минут до того, как должен был раздаться первый залп немецких батарей, вся наша артиллерия обрушилась на врага.

В течение долгих недель, предшествовавших сражению, наши артиллеристы выслеживали, засекали координаты вражеских орудий и теперь тяжкими ударами разбили и подавили больше половины немецких батарей, а затем перенесли огонь по войскам, скопившимся на исходных позициях для атаки.

Они нарушили боевые порядки противника, парализовали управление и не дали немцам планомерно атаковать нашу оборону. Эта артиллерийская контрподготовка обезопасила нашу оборону от огня немецкой артиллерии и сохранила систему наших противотанковых батарей, что оказалось таким важным для их дальнейшей борьбы с танками. Грохот наших орудий посеял неуверенность в немецком лагере и ободрил наши войска. Сразу и резко с самого начала изменились условия борьбы. Наша армия своей напряжённой подготовкой, организацией разведки, силой предвидения своего вождя обеспечила себе победу ещё до начала сражения.

И всё же гитлеровское командование бросило свои войска в наступление. Оно не хотело отказаться от атаки. Немцев давила тяжесть сосредоточения группировки. Если подсчитать количество немецких войск, собранных на Орловско-Курском направлении, вес боекомплекта и провианта, то, зная пропускную способность находящихся в их ближайшем тылу железных дорог, можно сказать, что немцам в случае отказа от наступления пришлось бы долгие недели выводить войска на новое сосредоточение. Но главное заключалось в том, что они ещё надеялись на силу своего удара, тем более что артиллерийская подготовка у немцев при прорыве не играет доминирующей роли. Они отвели эту роль танкам и самоходной артиллерии. Расчёт строился на "тиграх" и "фердинандах". "Германия дала оружие, которое принесёт вам победу", — вещал Гитлер солдатам. Они поверили и пошли в атаку на наши позиции.

Это был натиск невероятной силы. Немцы наступали от Орла на фронте в двадцать километров. Около половины этой полосы по условиям местности надо считать недоступной для танков. Следовательно, на фронте приблизительно в десять километров кроме пехоты и авиации в атаку были двинуты семь танковых

дивизий и десять дивизионов штурмовых орудий, поставленных на танковые двигатели, мощь которых равна танкам, а число равно ещё трём танковым дивизиям. Танковая дивизия на каждый километр фронта! Если бы её танки развернуть в одну линию, то на каждых 4–5 метрах наступал бы танк. Здесь наступало танков больше, чем на всю Польшу, и втрое больше, чем было в армии Гудериана, наступавшей на Москву в 1941 году.

Танковое наступление немцы сопровождали авиационным и довели его до 3 тысяч самолётоналётов в день. Даже участники обороны Сталинграда не запомнят такой бомбёжки. Этим ударом, беспримерным в истории войн, гитлеровское командование хотело повергнуть наши войска в смятение и протаранить нашу оборону. Наша пехота в первой линии обороны, поддержанная артиллерией, миномётами, сапёрами, приняла на себя удар, и на переднем крае завязалась ожесточённая борьба. Немецкие танковые дивизии несли потери. Вражеская пехота была отсечена и истреблялась. Но немецкое командование гнало свои войска вперёд, и они шли, оставляя за собой тысячи трупов и десятки горящих машин. Немецкие танки прошли через боевые порядки нашей пехоты и достигли второй линии обороны. Но они не прорвали нашей первой линии, а оттеснили её на направлении главного удара. На всём остальном фронте оборона не дрогнула, и немцы не уничтожили нашу пехоту первой линии. Она, испытав неслыханный в истории войн удар, отошла на вторую линию обороны, сохранила боеспособность, продолжала борьбу.

На второй день наступления борьба разгорелась с новой силой и ожесточением. Сокрушительные удары нанесла немецким танкам наша артиллерия. Герои-артиллеристы в смертельной дуэли с "тиграми" и "фердинандами" на высотах под Курском реализовали усилия рабочих промышленности боеприпасов и шквалом разящего металла жгли и разбивали сотни танков.

Немецкие войска продолжали наступать. Они воскрешали стратегию времен первой мировой войны, применённую Людендорфом и прослывшую "стратегией буйвола". Она им давала успех и на первом этапе современной войны. Но они до сих пор не поняли характера и стойкости нашей обороны, они снова недооценили силы Красной Армии.

С высот под Курском открывается видимость на десятки километров на юг и на север. Рядом с ними тянется на Курск железная дорога и шоссе. Хозяин на высотах господствует над окружающей местностью.

Край этот лежит между донскими и украинскими степями и подмосковными лесами, сочетая в себе красоту степей с очарованием лесной полосы. Здесь стрелка компаса мечется по

циферблату, тянется остриём не на север, а вниз, указывая, что в этом краю под слоем плодороднейшего чернозёма лежат величайшие запасы железной руды — Курской магнитной аномалии.

В ходе битвы напор немецких танков нарастает. Появляется авиация. Чёрная земля взлетает, потом медленно, точно устало, оседает. Ветер относит облака пыли, и в дрожащем от зноя воздухе снова появляются танки. Их башни плывут, точно рубки кораблей, над волнами ржи и пшеницы. В нашу сторону из орудий врага рвутся снопы огня. За танками ползут на высоты, лягушечьего цвета, немецкая мотопехота, автоматчики. Их били вчера, бьют сегодня, а новые цепи всё ползут. Они ещё надеются на победу. Наши радисты слышали, как командир немецкой танковой дивизии запросил командующего танковой армией, где дивизия получит пополнение, и получил ответ, что оно придёт в Курск.

В боевые порядки нашей пехоты и артиллерии стали танкисты генерала Алексея Родина. С самого начала сражения они решительно контратаковали противника. Немцы двигались, имея впереди и на флангах танки "Т-VI" ("тигр") и самоходные орудия "фердинанд". Образовав боевой порядок в форме буквы "П", обращённой вершиной вперёд, используя дальнобойность орудий, "тигры" и "фердинанды" встретили наших танкистов огнём с дальних дистанций. В середине такого боевого порядка следовала остальная масса танков. Это походило на бой морских кораблей. Но в первых же схватках герои-танкисты пошли на сближение и, сходясь с врагом до 50-100 метров, используя свою манёвренность, били немецкие танки по уязвимым местам. Ожесточение перешло все пределы. И наши танки и танки врага загорались. Но советские танкисты предпочитали стрелять до последней возможности и погибнуть при взрыве, чем покинуть машину и лишиться оружия, не уничтожив врага.

Исход современной операции решает не только прорыв обороны, но и скорость, с которой он совершён и которая лишает вражескую оборону времени для перегруппировки и организации борьбы в глубине. В этих боях наши танкисты понесли потери, но они навязали врагу свою волю, сорвали темп его наступления и этим уже добились успеха.

Под огнём наших танкистов и артиллерии немцы стали отказываться от одновременного натиска массой танков. Они посылали вперёд 20–30 машин, и, если те проходили, за ними трогалась вся армада. Потом немцы стали наступать за танками, оставляя орудия в обороне и встречая наши контратаки огнём из укрытий. Это замедляло немецкое продвижение, но было опасно

и для наших контратак. Тогда, впервые в практике применения танков, главная масса наших танков стала в оборону, зарылась в землю так, что едва видны были башни, и казалось, что пушки плавали над травой. Наши танки превратились в сотни бронированных дотов. Они стали железными устоями обороны, на которые оперлись наша пехота и артиллерия, образовав непроходимый барьер.

На этот барьер час за часом, день за днём накатывался танковый вал. Кружились бомбардировщики. Земля стала похожей на лунный ландшафт. И всё же оборона устояла. Рядом с танками сражались противотанковые истребительные дивизионы и мотопехота танковых соединений. Отсюда по всему фронту прогремела слава артиллериста Н-ского танкового соединения "укротителя тигров" Панова, подбившего 11 танков. Здесь бойцы мотопехоты писали на флажках, на досках, на отёсанном дереве слова клятвы друзьям, командирам, родине: "Умру, но рубежа не покину". Они сражались, уверенные, что их поддержат из глубины, не обойдут с флангов, не отрежут от тыла. К этому времени наши ВВС завоевали господство в воздухе, прикрывали свои войска, причиняли страшный урон танкам и пехоте противника. Там, где враг ещё прорывался всё же, его останавливали подвижные артиллерийские отряды и танки.

Танкистами в этих боях руководил на одном из решающих направлений южнее Орла молодой подполковник Николай Копылов, ему отдавал приказы генерал-майор Григорьев, рядом сражались танкисты генерала Синенко, их действия направлял генерал-лейтенант Родин. Все они люди разного возраста, характера, образования, но их объединяла общая суровая жизнь войны. Они отходили с боями в начале войны, и спазмы горя сжимали им горло. Они сражались и побеждали под Сталинградом. И, усвоив уроки неудач и побед, приняли под своё руководство закалённые, как и они сами, кадры танкистов, повели их в бой. От них враг метнулся западнее, на высоты, чтобы вырваться к Фатежу. Но там стояла танковая часть генерал-майора Васильева. Многие в тревоге ждали исхода борьбы. Нарастал кризис немецкого наступления. В бой вводились всё более крупные силы. Снова были брошены в атаку 300 немецких танков. И танковое соединение генерала Васильева пошло на испытание. Подразделение Ермачка приняло на себя в обороне всю тяжесть напора, а два других подразделения атаковали немцев во фланг и сорвали атаку. Немцы повторяли её раз за разом. Наконец, они бросились на высоты вечером, чтобы захватить их и, воспользовавшись темнотой, за ночь укрепиться на них. Ночью генерал Васильев повёл танкистов в контратаку. И

в предутренней мгле, рассеиваемой ранним июльским солнцем, все увидели догорающие немецкие танки. Высоты под Курском были в наших руках.

Кризис наступления миновал. Он характеризовался не только наивысшим натиском, но и наибольшими потерями у немцев. Потрясённые нашим неожиданным сопротивлением, немецкие солдаты ждали, что их части пополнят и снова пошлют в наступление. Вместо этого прибыл приказ перейти к обороне. Всем стало ясно, что курская операция провалилась. Враг был остановлен, план летнего наступления сорван. "Тигры" и "фердинанды" оказались менее грозными, чем их рекламировал Гитлер, ещё раз продемонстрировавший своё маниакальное упорство и бездарность в военном деле.

Войска Орловско-Курского направления поднялись в контрнаступление и стали отбрасывать немцев в исходное положение. Наши радисты перехватили немецкие радиограммы. Командир танковой дивизии доносил, что он атакован русскими танками и несёт большие потери. Командующий немецкой армией истерично кричал, требуя остановить русских. За этим последовал приказ об отходе.

Танки стали нужны, чтобы спасти положение севернее и восточнее Орла, где перешли в наступление Западный и Брянский фронты, и потрёпанные, обескровленные немецкие танковые дивизии метнулись туда. Снова сказалась гибельная для врага сила взаимодействия фронтов. У гитлеровского командования, мечтавшего ликвидировать курский выступ и захватить стратегическую инициативу, инициатива борьбы была вырвана. Немцы не смогли взломать нашу оборону. Мы взломали немецкую оборону и перешли в наступление на широком фронте, сражаясь в оперативной глубине противника на орловсколт выступе.

Переход в контрнаступление в процессе обороны требует высшего военного искусства от командиров и отличной подготовки войск. Оборона союзников в последний (1918) год первой мировой войны выдерживала таранный удар немцев. Но после него наступала оперативная пауза, обороняющийся приходил в себя и только тогда в свою очередь предпринимал наступление.

А советские вооружённые силы в тяжких, неравных боях, когда врагу удавалось прорвать тактическую глубину нашей обороны и, проникая в тыл, угрожать стратегическим позициям нашего государства, останавливали немцев, изматывали их и, перейдя в наступление, наносили сокрушительные удары. Так было под Москвой и Сталинградом. В 1943 году врагу не удалось

проникнуть в оперативную глубину — он был остановлен и обескровлен на первых километрах обороны, рушилась его стратегия наступления. Ещё в стадии обороны Верховное Главнокомандование дало приказ о наступлении Красной Армии.

Это искусство использовать до дна возможности обороны и искусство сочетать оборону с наступлением — непревзойдённое качество победоносной сталинской стратегии, идеями которой проникнуто оперативное искусство нашего генералитета.

Орловско-Курское направление.

Советские танкисты в битве за Киев

В великой битве за Киев важнейшую роль сыграли советские танкисты. Когда разгромленный в летних боях противник покатился к Днепру, танкисты начали непрерывно преследовать его. Обогнав стрелковые соединения, первыми прорвались к Днепру танкисты генерал-лейтенанта Рыбалко. Было ясно, что враг, поспешно отступая, стремится свести свои части к немногим переправам, чтобы перебраться через Днепр и занять оборону по правому берегу. После поражения у Курской дуги немцы укрепили правый берег мощными сооружениями. Сюда с запада, по широко разветвлённой за Днепром сети дорог, шли свежие немецкие дивизии. Правый берег высился террасами, то ярко-жёлтыми от листвы осенних берёз, то синими, покрытыми хвоей, то белыми от сухих известковых отложений. Его отвесные высоты, вздымавшиеся на 70-100 метров над зеркалом Днепра, увенчивались грядами населённых пунктов, что ещё более усиливало возможность обороны. Достаточно было построить простейшие укрепления, чтобы сделать правый берег неприступным. Немцы полагали, что им удастся задержать нас на Днепре. Они стремились перейти к стратегии обороны и в позиционной борьбе обескровить и остановить Красную Армию. В этом плане рубеж Днепра имел важнейшее значение.

История военного искусства ведёт отдельный счёт переправам через большие реки, считая успешное форсирование рек особым проявлением полководческого искусства генералов и доблести солдат. Но редко войска стояли перед такой преградой, как Днепр. На нём были взорваны все мосты. Средств для форсирования не было, а войска нуждались в переправе такого вооружения, как тяжёлые танки. Войска шли с боями к Днепру сотни километров и, опередив график, ворвались на левый берег на неделю раньше, чем ожидали. С точки зрения той военной "методики", над которой издевался ещё Суворов, надо было ждать подхода пехоты, ибо танковые соединения никогда сами не форсировали таких рек.

Командованию нашей армии было ясно, что надо форсировать реку немедленно, с хода, и, опередив врага, захватить плацдармы на правом берегу.

На левом берегу Днепра, у Киева, недалеко от Канева, где похоронен великий кобзарь Украины Тарас Шевченко, первой появилась танковая бригада. Волны могучей реки в обрамлении седых прибрежных отмелей катились перед танкистами, а там, дальше, высоко поднимался правый берег. Белые хаты светлели

вдали, и церкви вырисовывались на фоне голубого небосклона. Мотострелковый батальон танковой бригады стоял в строю.

— Перед нами Днепр, — сказал командир части генерал Зенькович. — Кто хочет первым переплыть его, привлечь на себя внимание и огонь немцев, чтобы обеспечить переправу батальону?

В строю стояли юноши. Почти все комсомольцы. Все они, как один, шагнули вперёд. Разрешение получили лучшие из лучших — Петухов, Иванов, Сысолятин, Семёнов, — уральский, сталинградский и вологодские комсомольцы. Первые трое только недавно прибыли в часть. Семёнов был годом старше и сражался ещё под Сталинградом. Был там ранен и три месяца лечился в госпитале. Вернулся в строй, снова был ранен под Орлом, снова вернулся в строй и опять добровольно шёл первым навстречу смертельной опасности, поджидавшей на правом берегу. К четвёрке друзей присоединился молодой украинский партизан.

Казалось, что могут сделать пятеро молодых бойцов? Как переплывут они Днепр днём, на глазах у врага? Партизан повёл своих юных друзей незаметной тропинкой к реке, где их ждала лодка, и отчалил от левого берега. Над ними, как коршун, пролетел "мессершмитт", но немецкий лётчик не мог себе представить, что русские уже на Днепре, и, покружив, улетел на запад.

Вокруг было тихо. Яркий осенний день стоял на Украине, солнечная дорога, золотистая, искромётная, лежала на воде. Прикрытые островом, комсомольцы в лодке достигли середины реки, перешли через остров, поросший остролистой лозой, и сели во вторую лодку, припасённую молодым партизаном; сам он вернулся на левый берег. Теперь бойцы были на виду у врага. Вода вокруг лодки запузырилась от пуль. Вскоре разрывы мин стали поднимать водяные смерчи. Осколком расщепило корму. Лодку качало на волнах, поднятых снарядами. Храбрецы налегли на вёсла, достигли мелководья, и старший группы — Петухов скомандовал:

— За мной!

Выпрыгнув из лодки, они побежали по воде к берегу, скрылись в кустах, а затем, перебегая с холма на холм, непрерывно ведя огонь, начали продвигаться к деревне Григоровке. Комсомольцы заставили немцев занять оборону и завязать с ними перестрелку. Четверо русских юношей на правобережье у Киева, открывшие путь своим войскам в Правобережную Украину, стали героями Днепра, Героями Советского Союза. К ним с приветствием обратился Военный совет 1-го Украинского фронта.

На помощь героям уже спешил весь мотобатальон. Бойцы плыли на брёвнах, гребя сапёрной лопаткой, на утлых челнах, на воротах от сарая, на сшитых плащпалатках, набитых соломой. Артиллеристы плыли на где-то добытом дырявом баркасе.

Батальон достиг правого берега и повёл наступление на Григоровку со всех сторон. Утомлённые на марше к Днепру и во время переправы мотострелки встретили новую преграду. Казалось, земля здесь состроила невиданную гримасу, избороздив дороги ущельями и оврагами с отвесными песчаными стенами, осыпающимися при подъёме на них. Но мотострелки взбирались на плечи друг другу, хватались за корневища кустов и на руках тянулись вперёд, кидали под ноги, на песок, чтобы он не осыпался, свои плащпалатки и взбирались на кручи. Карабкаясь всё выше и выше, связывали пояса и подтягивали оставшихся внизу. Так, преодолев отвесные кручи, под огнём противника, мотострелки ворвались в Григоровку.

Немецкий гарнизон был разгромлен. Григоровка перешла в наши руки. Но в небе появились фашистские самолёты, показались вдали неприятельские танки и автомашины с пехотой, подбрасываемой противником к переправе. Навстречу им мотобатальон повёл наступление на запад. Разгорелась героическая борьба за плацдарм. Враг учуял надвигающуюся опасность. Против батальона на правом берегу сосредоточивались и переходили в яростные контратаки всё новые немецкие части, а на левом — немецкая авиация бомбила наши резервы.

Впоследствии Иванов рассказывал, как он, оглянувшись вокруг, увидел, что погиб его друг Петухов, упал с раздробленным коленом Сысолятин. Многие уже не откликались, не отвечали огнём автоматов на приказ командиров, на зов друзей и недвижно лежали на правом берегу. Геройски погиб и сам генерал Зенькович. А на левом — лес полыхал огнём.

Наступил вечер. Мотострелки не отошли ни на шаг. Стойкие солдаты, храбрецы, они оставались задорными юношами. Узнав, что между ними и противником, на двухсотметровой "нейтральной" полосе, находится огород с арбузами, они открыли автоматный огонь и очистили огород, решив не оставлять немцам ни одного арбуза. Под прикрытием этого же огня четверо комсомольцев спустились в глубокий овраг, а двое поднялись наверх к немцам, вытащили из блиндажа офицера и, раскачав его за руки и за ноги, швырнули вниз, где на дне оврага ждали их товарищи. Немец оказался крупным инженером из организации Тодта, прибывшим строить укрепления на правом берегу Днепра.

На рассвете враг усилил огонь и повёл атаки силами пехотной дивизии. К исходу суток борьбы командир

мотобатальона донёс на левый берег, что батальон занимает восточную окраину Григоровки. Там спросили, почему не было донесения об оставлении центра и западной окраины села. Комбат разъяснил, что мотострелки не оставляли своих позиций. Они остались на них мёртвыми, а живые продолжают борьбу, хотя за их спиной до реки осталось меньше ста метров.

В эту ночь на левый берег Днепра вышла мотострелковая бригада полковника Михайлова. Мотострелковая пехота танковых соединений — пехота невиданной стойкости в обороне. Она занимает её вместе с танками на самых опасных направлениях, иногда в глубине обороны врага, куда прорвалось танковое соединение. Там оборона круговая, там бойцы сознательно идут в окружение, там нет места трусу. Вступая в ряды мотопехоты, солдат с первого дня знает, куда он пришёл. Из мотопехоты не хотят уходить, раненые рвутся обратно. Красноармеец Беляев четыре раза был ранен и четыре раза добивался возвращения из госпиталей в мотострелковую бригаду полковника Михайлова. Сержант Речко, которого собирались из госпиталя эвакуировать в Алма-Ата, узнав, что бригада идёт на Днепр, сбежал из госпиталя к своим. Сержант Колибаев, раненный, так и не пошёл в госпиталь, а, ковыляя с палкой, ходил за бригадой, лечился на ходу.

Эти традиции ветераны передают молодым.

В крупнейших сражениях Великой Отечественной войны мотопехота, всегда участвующая в таких сражениях, обрела свою силу. Это — пехота невиданных маршей: для неё закон — не отстать от своих танков в любых условиях боя, если даже автомашины не могут итти по местности или разбиты огнём врага. Это пехота, владеющая сильными огневыми средствами и особенной выучкой. Это, прежде всего, пехота наступления.

Бригада узнала, что на правом берегу изнемогает в неравном бою наш мотобатальон, что с запада к немцам спешат новые силы. Бросив обозы и кухни, мотострелки стремительно форсировали реку, ринулись в бой и, очистив от врага Григоровку, развили наступление на запад. Под прикрытием бригады переправились на паромах первые танки, стали прибывать части стрелковых соединений. В эти дни силы противника в районе Киева увеличились в пять-шесть раз. Подошли танковые дивизии СС. Немцы вели непрерывные контратаки при поддержке артиллерии и авиации. Они пытались то разрезать весь плацдарм, то отгрызать от него кусочки. Мотострелки отразили на плацдарме сорок три контратаки.

Враг решил утопить наши части в Днепре, и пленные уверенно называли дату, когда это должно было произойти.

Плацдарм был осаждён. Ночами и в предутренней мгле на машинах подкатывали всё новые немецкие части. Их истребляли. Шли другие. Подошла немецкая пехотная дивизия и атаковала мотобригаду полковника Михайлова четырнадцать раз. На второй день она произвела одиннадцать атак и перестала существовать. Её остатки были сведены в батальон и приданы другой дивизии. А мотобригада устояла, отразила все контратаки. Вместе с танковыми частями и крупными стрелковыми соединениями она вела бои за расширение плацдарма, за уничтожение живой силы врага.

Эти бои, происходившие на кручах и в оврагах, в узких дефиле и в деревнях, разрослись в большое ожесточённое сражение крупных танковых соединений. Оно пожирало огромное количество боеприпасов, требовало эвакуации раненых, подвоза резервов. Стало ясно, что при помощи подсобных переправочных средств нельзя питать войска на плацдарме. Это прежде всего ощутили танкисты. И они начали борьбу за постройку моста через Днепр.

Генерал Мельников объезжал левый берег, подыскивая место для моста, и на одной железнодорожной станции увидел недостроенные пакгаузы. Он спросил, кто из плотников строил их. Узнав, что старшим был известный плотник Мусий Божко, генерал разыскал старого украинца, расспросил, где живут остальные плотники его артели. Затем он вызвал к себе с плацдарма подполковника Рыльского и инженера Топольского. Топольский был назначен главным и единственным инженером строительства, в помощь ему дали несколько офицеров-сапёров и политработников-танкистов. Организатором строительства стал подполковник Рыльский — один из самых боевых политработников соединения.

Топольский сел за проект. Рыльский стал собирать людей. На исходе ночи он вместе с Мусием Божко и председателем сельсовета Тоцким пошёл искать плотников на стройку моста. И хотя сами плотники жили в землянках, на пепелищах сожжённых немцами хат, — всюду люди поднимались на помощь Красной Армии, забыв о своём неотстроенном доме, о семье, ютящейся в землянке. Так, кузнец Пархоменко и многие другие, скрывавшие от немцев свои профессии, клали в сумку краюху хлеба, прощались с родными, шли к Рыльскому и приводили с собой односельчан.

В прибрежных лесах падали под топорами мачтовые сосны и вековые дубы. Шла заготовка свай и досок, и вскоре у левого берега была забита первая свая. От неё надо было провести вехами линию моста через всю реку. Начальник штаба, старший

лейтенант Михайлов, разделся и поплыл в холодной воде. Ныряя до дна, он расставил вехи между обоими берегами.

Топольский решил развернуть широкий фронт работ на плотах. На связанных пустых бочках из-под бензина группа сапёров выплыла на середину Днепра. Они пытались вбить здесь первую сваю, но на большой глубине могучее течение реки одолевало людей. Днепр ярился, пенился, валил сваю и людей. Люди опускались на дно, держали там конец сваи, их товарищи били по ней сверху. Но Днепр был сильнее. Люди всплывали на поверхность, жадно глотали воздух, снова опускались в воду и снова возвращались без результатов. После четырёх часов напрасных усилий они изнемогли, и их сменили другие. Только на восьмом часу работы одинокая свая забелела на середине Днепра. А свай нужно было забить тысячи. Но опыт учли, закрепились на воде, и вскоре пять строительных участков начали движение навстречу друг другу, развёртывая фронт работ.

Никогда ещё в таких условиях не строился на Днепре мост такого протяжения, с такой грузоподъёмностью, а тем более никогда не строили таких мостов танкисты. Но они побеждали. Как кильватерная колонна небольших кораблей, протянулись от берега к берегу строительные участки. Стали прибывать механизмы, шире развернулось строительство.

Немцы сначала не заметили, что здесь происходит. Потом налетели два "юнкерса" и выбили две сваи. Через некоторое время артиллерийским огнём было выбито 16 свай; их считали и доносили в штаб соединения, как доносят в бою о подбитых танках. И, как в бою, на место подбитых немедленно ставили новые. Вскоре, радуя глаз танкистов-строителей, над водой резко обозначилась белая, чёткая линия моста. Враг словно ждал этого момента и бросил сюда десятки пикирующих бомбардировщиков. Были разрушены устои наведённого моста, разбиты плоты. Организуя спасение унесённых волной раненых, погиб геройской смертью старший лейтенант Михайлов.

Рыльский и Топольский немедленно собрали людей и, расставив силы, возобновили работу. Тогда стала бить немецкая тяжёлая артиллерия, разнося в щепы то, что уцелело после налёта авиации. Люди, как после поражения в бою, ждали, что скажет им командир.

— Враг хочет помешать нам строить и этим обречь на истощение наши войска, сражающиеся на плацдарме, — говорил генерал Мельников. — А мы построим мост и построим быстрей, чем сами планировали. Надо минимум времени работать на реке, а всё, до мелочей, готовить в лесу на берегу, — готовить ещё лучше, потому что строить будем ночью, без света.

…Ночь. Дождь. Тьма над Днепром. Гуляет и шумит в долине осенний ветер, катятся волны, заливают людей. Тяжёлые брёвна, сырые и скользкие, рвутся из рук, а работа на мосту кипит, потому что сапёры и плотники дали слово — ночью выполнять дневную норму, а днём работать в лесу. Люди не спали сутками, отдыхали час-два и снова принимались работать. Разгорелось благородное соревнование между сапёрами и плотниками.

Немца обманули. Его самолёты, летая над Днепром, не видели на мосту ни одной живой души. А за две ночи, усилив темп работ, строители восстановили разрушенное.

Наши люди ожесточились в борьбе за мост. Обагрённый кровью строителей, он стал им ещё дороже. Тысячи раз над сотнями свай на руках поднимались тяжёлые "бабы", и глухие удары вторили орудийной стрельбе над Днепром. Рядом строились другие мосты- для мощных стрелковых соединений, но танкисты, соревнуясь с ними, первыми перекинули у Киева свой мост. И на правый берег устремились танки и машины, снаряды, хлеб и бензин.

В те дни, когда на плацдарме южнее Киева кипела напряжённая борьба, такая же схватка завязалась севернее Киева. Там переправились на правый берег стрелковые соединения и дрались за расширение плацдарма в крайне невыгодных условиях. Перед ними поднималась вверх стена берега.

Взять эту твердыню с востока было невозможно. Тогда удар решили нанести ещё севернее. Берег там пологий, но изрезанный рукавами Днепра, изрытый озёрами. Наши войска всё же переправились и заняли на правом берегу плацдарм до пяти километров в ширину и до двенадцати в глубину.

На помощь пехоте, на поле сражения севернее Киева, стремительно спешили танки соединения генерала Кравченко. На пути к Днепру танкистам преградила дорогу река Десна, широкая в этой местности, с неровным руслом и быстрым течением. Она значительно меньше Днепра, но, чтобы её форсировать, нужны были тяжёлые паромы или мосты, постройка которых затянулась бы на несколько дней.

— Нам надо быть на правом берегу реки, — сказал генерал Кравченко.

Слова эти повторялись в те дни как приказ, как клятва на всём тысячевёрстном протяжении Днепра. И сотни командиров, десятки тысяч бойцов находили силы и способы, чтобы претворить их в жизнь. Так же, как там, южнее Киева, в холодные днепровские волны опустился танкист старший лейтенант Михайлов, так и здесь танкист лейтенант Пичко молча снял одежду и бросился в воду. За ним нырнул механик-водитель

Кузьмин. Они переплыли Десну, опускались на дно, ощупывали его ногами и нашли, что если пересекать реку не прямо, а под углом и в пути обходить ямы и глубокие места, то можно перейти её вброд. Они выплыли, обогрелись, снова пошли в воду и отметили вехами весь брод, тянувшийся почти на 200 метров и достигавший местами двух метров глубины.

Ещё никогда и нигде танковые войска не форсировали вброд таких водных преград.

Механиков-водителей собрали на берегу, объяснили им их задачу. Они дали слово не оставить на дне ни одного танка. Всю ночь экипажи готовились к необычному маршу. Простыми приспособлениями закрывали все щели в броне своих машин. Зная, что на середине реки волна порой может перехлестнуть через башню, башню и моторную группу наглухо закрывали брезентами. Рассчитывали на то, что кислорода внутри танка хватит для мотора и экипажа; рассчитывали на волю человека; на то, что танк ни на минуту не остановится и не заглохнет. Если танк остановится, быстрое течение реки моментально промоет под ним песок, углубит русло, и он затонет или будет снесён с брода в глубину быстрым течением Десны: огромная машина, вытеснив массу воды, теряет в весе и поддаётся течению Полагали, что если танк и наберёт воды, то он пройдёт реку так быстро, что вода не успеет затопить экипаж и мотор. Расчёт был на русскую смекалку, на технические знания, на опыт и боевую отвагу танкистов.

На рассвете лучшие механики-водители первыми вышли на берег, спустили свои танки в воду и пошли по Десне. Они вели машины вслепую, а сверху из башни наблюдал командир танка и определял направление. Вода просачивалась в танк, лилась на водителя, поднималась до сидения, потом выше, проникала в моторное отделение; но сильный вентилятор выдувал её вон, и казалось порой, что невиданные чудовища плывут по реке и, словно киты, фонтаном выдыхают воду. За первыми танкистами устремились другие. И так двигались танк за танком, батальон за батальоном бригады полковников Шутова, Овчаренко, Кошелева.

Всё танковое соединение генерала Кравченко проделало невиданный марш через Десну. Казалось, необычайные миноносцы идут настолько стремительно, что позади остаётся воронкообразная пустота, а спереди танка катится на берег большая волна. Быстроводная Десна точно сердилась, наплывала на танки, в бессилье пенилась.

Неподалёку на лёгких понтонах плыла мотопехота, и один из стрелков, охваченный радостью и изумлением, с восторгом кричал:

— Смотрите, товарищи, что наши танкисты творят!

Форсировав Десну, переправившись на паромах через Днепр, танкисты генерала Кравченко вышли на плацдарм. Его надо было расширить и удержать, чтобы отсюда повести наступление на Киев. Расширить плацдарм можно было, атаковав его с помощью пехоты. Но танкисты решили задачу иначе. Они форсировали и третью реку у Киева — болотистую Ирпень, вышли на её западный берег и двинулись на юго-запад, подойдя к Киеву с севера.

Противник понимал всю опасность движения этой танковой лавины. Сильная группа немецкой пехоты и танков ударила из Киева на север, вдоль правого берега Днепра, стремясь отсечь все наши войска от переправ, ликвидировать плацдарм и уничтожить на нём наши стрелковые соединения.

Соединение Кравченко ударило на восток, к Днепру, отрезав от Киева наступающую на север немецкую группировку. Удар был нанесён ночью, через лесной массив, и оказался неожиданным и гибельным для противника.

Немцы потеряли тысячи убитыми и ранеными бросили десятки орудий, миномётов, штабные машины В результате этого сокрушительного манёвра, проведённого в крайне трудных условиях, плацдарм был расширен. Были захвачены Старые и Новые Петровцы и леса западнее их. В упорных боях противник был выбит танкистами из Вышгорода. Командные высоты правого берега севернее Киева оказались в наших руках.

Танкисты расширили и вместе с пехотой отстояли плацдарм севернее Киева, с которого был нанесён киевской группировке немцев сокрушительный удар освободивший столицу Украины, удар, разрушавший план Гитлера перейти на Днепре к стратегии обороны.

На Днепре.

Маневр и удар танковых соединений

В июльские дни 1941 года танковые дивизии Гитлера подходили к Минску. Два гигантских бронированных клина — от Бреста и Вильно — вонзались в Белоруссию, чтобы соединиться своим остриём восточнее Минска, отсечь и окружить войска Красной Армии, сражавшиеся западнее города, и двинуться к Москве.

В то время под влиянием успехов германских танковых и моторизованных дивизий, победивших польскую, французскую и английскую армии, появилась легенда о всесилии "панцырных рыцарей" фашизма, раздуваемая самими немцами. Их теоретик танкового дела Гудериан в своей книге "Внимание! Танки!" проповедывал идеи массированного удара танков и авиации с последующим стремительным движением танков и мотопехоты вперёд, к оперативным и стратегическим объектам обороны. Немцы считали, что массированная атака и быстрота движения танков и мотопехоты, поддержанных авиацией, их удар по тылам противника парализуют его оборону. Поэтому при прорыве обороны можно обойтись без сильной артиллерии, заменяя её миномётами, можно не заботиться о своих флангах и тыле, свести задачу пехоты к оккупации захваченной танками территории и не беспокоиться о собственной обороне. Расчёт был не только на уничтожение врага, но и на подавление его воли "атакой на нервы". Криком "Внимание!

Танки!" немцы хотели парализовать волю противника. Авантюристы в стратегии, планируя блиц-криг, они перенесли этот же блеф в тактику.

Те советские танкисты, которые следили за ходом сражений во Франции, с удивлением и недоверием читали о победах немецких танкистов. Они лучше немцев знали о возможностях и уязвимости танковых соединений в современной войне.

В нашей стране создана самая передовая наука вождения танковых войск. Они вооружены лучшими в мире танками. В Красной Армии разрабатывали теорию вождения танковых соединений, готовили их к рейдам по тылам врага, к ударам на всю глубину его обороны, к взаимодействию с мотопехотой, артиллерией, авиацией и авиадесантными отрядами. Но советские танкисты всегда трезво учитывали уязвимость танков. Они знали трудность управления танковыми соединениями, силу противотанковой обороны, необходимость обеспечения флангов и тыла, важность непрерывного питания операции, а главное — непреложность взаимодействия с другими родами войск.

Советские танкисты были воспитаны на идеях сталинской стратегии и тактики, в духе величайшей смелости и дерзания. В то же время в основе их действий лежал расчёт, враждебный всякому авантюризму в военном деле.

Немцы прорвались сквозь дивизии наших пограничных районов и двинулись на восток. Красная Армия познала горечь отхода. Наши танкисты отходили последними, принимая на себя всю тяжесть ударов фашистских танковых колонн. Даже теряя танки, советские танкисты не сдавались; они героически сражались в пешем строю. Немцы прозвали их "чёрной пехотой" и боялись её. Враг избегал встречных контрударов наших танкистов, обходил их, прорывался в тыл. Это была авантюра, но смертельно опасная для СССР. Она базировалась на временном преимуществе, которое дало немцам их вероломное нападение, численное превосходство авиации и танков.

И в этот момент прогрохотал разгром немецкого 39-го танкового корпуса. Все, с величайшим напряжением следившие за сражениями первых дней войны, облегчённо вздохнули. Это было для нас не менее важно, чем успешная оборона любого крупного города. В этом разгроме вскрылся подлинный характер борьбы. Немецкое командование, действуя испытанными во Франции методами, торопило командира 39-го танкового корпуса генерала Шмидта двигаться от Вильно к Минску. Но наша авиация подвергла корпус бомбёжке, артиллерия и пехота приостановили его, танкисты контрударом во фланг разгромили немцев окончательно и отрубили одну "клешню", тянувшуюся из Вильно к Минску. Вторая "клешня", тянувшаяся от Бреста, повисла в оперативном бессилье… Рушилась немецкая концепция о стремительном, безоглядном движении крупных танковых масс, без взаимодействия всех родов оружия.

Новые страшные потери немецких танков в борьбе с советской артиллерией и пехотой, контрудары наших танкистов и лётчиков заставляли немцев действовать осторожно, мелкими группами. Всё реже встречались колонны по 200–300 танков, всё чаще они останавливались, теряя самое главное — темп наступления. Происходили события величайшей важности, изменялся характер операций, обозначился провал немецкой авантюрной тактики.

* * *

Ноябрь 1942 года. Сталинград. Напрягая усилия, страна пополняла свою армию вооружением и особенно танками. С

ростом танковых соединений росла наступательная мощь войск. Наши крупнейшие танковые соединения должны были пойти в наступление на немецкую оборону, чтобы сокрушить её и окружить под Сталинградом армию Паулюса. Чем же была характерна немецкая оборона, особенно после разгрома немцев под Москвой?

Немцы укрепляли свою оборону прежде всего в тактической зоне. Оборона строится с использованием рельефа местности, усиливается инженерными сооружениями с разработанной системой огня, а это является главным в современной обороне. Небывалое насыщение противотанковым и автоматическим противопехотным оружием способно причинить тяжёлые потери наступающим. В извечном соревновании брони и снаряда броня стала терять своё преимущество. Современный снаряд противотанковой пушки пробивает броню танка с тактически выгодной дистанции. Сильнейшим фактором противотанковой обороны являются минные поля, останавливающие или замедляющие движение танков, что ставит их под губительный огонь артиллерии. Казалось, что маневренная борьба зайдёт в тупик, наступит позиционная война. Чтобы прорвать современную глубокую оборону, неизбежен фронтальный удар и взлом ряда укреплённых полос. Но и после этого там, в глубине обороны, возникают подлинно решающие битвы, успех которых зависит от столкновения главных сил обороны и наступления.

Резервы противника, особенно танковые и воздушные, могли появиться у Сталинграда с Кавказа или с Западного фронта, из Берлина или Парижа, из Африки или Норвегии, ибо манёвры резервами совершаются сейчас через страны и континенты.

Таков был масштаб возможностей обороны противника под Сталинградом. Главной чертой, характеризовавшей борьбу, её тактику и оперативное искусство, было крайнее ожесточение. Борьба велась не на жизнь, а на смерть, на уничтожение в точном смысле этого слова. Каковы же должны были быть наступление Красной Армии и роль её танковых соединений в сокрушении немецкой обороны?

* * *

Сила наступления Советской Армии выразилась прежде всего в том, что она смогла взломать тактическую полосу немецкой обороны. Могучее артиллерийское наступление, удары тяжёлых танковых полков прорыва, огневые налёты гвардейских миномётных частей, глубоко эшелонированное наступление

стрелковых дивизий при поддержке авиации и воля к победе наших войск обеспечили прорыв тактической полосы обороны.

Но главным явилось оперативно-стратегическое руководство Верховного Главнокомандования нашей армии. Оно определило невиданный размах наступления (по фронту и в глубину), охватившего не только район Сталинграда, но и Юго-Западный, Воронежский, Южный, Северо-Кавказский фронты. Удары этих фронтов обеспечивали разгром немцев под Сталинградом. Сказалась сила взаимодействия фронтов — одна из важнейших черт оперативно-стратегического искусства Красной Армии. Верховное Главнокомандование определило начало наступления тогда, когда силы врага были втянуты в борьбу в Сталинграде, а резервы истощены и разбросаны. Сталинское руководство наметило направление главного удара по слабо защищённым флангам противника, обход основных сил немцев под Сталинградом и их окружение.

И когда ранним ноябрьским утром 1942 года оборона на флангах армии Паулюса была взломана, в бреши немедленно устремились с севера танковые соединения генералов Кравченко, Родина, Буткова, а навстречу им с юга двинулся механизированный корпус генерала Вольского. Через четверо суток немцы под Сталинградом были окружены. Вскоре танковые соединения генералов Полубоярова, Павлова, Бахарова, Руссиянова вошли в прорыв на Юго-Западном фронте и в клочья разорвали оборону противника на всём среднем течении Дона. Развивая их успех глубоким рейдом по донским степям, танковый корпус генерала Баданова захватил железнодорожную станцию Тацинская; он перерезал коммуникацию, питавшую армию Паулюса с запада, а танковый корпус генерала Ротмистрова отбросил противника, спешившего с юга. Немцы покатились к Ростову.

Танковые соединения развили наступление, дали ему небывалый размах, осуществили взаимодействие фронтов, нанесли одновременные массированные удары на всю глубину обороны противника и превратили тактический успех в успех оперативный. Ещё не завершилось уничтожение неприятеля в тактической зоне, а танковые соединения уже проникли в тылы вражеских дивизий. Они определили темп наступления, не дав немецкому командованию оправиться от удара и подвести свои резервы. Действия танковых соединений изменили привычное фронтальное взаимоположение борющихся сторон, при котором оборона имеет много выгод. Противника заставили обороняться на своих тылах, его войска должны были вести бой в противоестественном положении — с перевёрнутым фронтом.

Танковые соединения не только содействуют преодолению тактической полосы обороны, но, проникая в её глубину, делают безнадёжным сопротивление на переднем крае. В тот момент, когда тактический успех перерастает в оперативный, враг оказывается вынужденным оставить оборону на переднем крае и отступать.

Под Сталинградом танковые соединения обеспечили построение наступательных операций на принципиально новых основах, дали возможность осуществить такую острую форму борьбы, как окружение. Они полностью использовали преимущества танков: их стремительность, подвижность, глубину действий, огонь. Казалось невозможным для наших войск переходить в наступление, дважды форсировать Дон, оставляя свои тылы за Доном и Волгой. Казалось невозможным итти на окружение противника в условиях, когда танкисты, наступавшие с северо-востока, должны были искать в расположении врага встречи с танкистами, прорывавшимися с юго-востока, и там, в глубине вражеской обороны, замыкать стальное кольцо. Стремясь окружить врага, танкисты сами заведомо шли в окружение.

Их беспримерная смелость и дерзание опирались на изменившееся в пользу Красной Армии соотношение сил, на боевые качества танков "Т-34" и "КВ", на силу их взаимодействия с другими родами войск, на возросшую выучку советских войск, на меры, обеспечившие фланги и тыл танковых соединений, на оперативно-стратегические условия борьбы, созданные генеральным сталинским планом наступления. План этот отвергал каноны старой военной науки, носители которой видят больше трудностей, чем возможностей. Но Красная Армия и её генералитет вооружены сталинской военной наукой — наукой творческой, самой передовой военной наукой эпохи, свергающей обветшалые догмы, утверждающей основы советского военного искусства и в частности искусства вождения танковых соединений.

В военной истории не было примеров такой операции. В этой операции танковые соединения Красной Армии полностью осознали свои силы и возможности, обрели своё место в системе вооружённых сил страны. После Сталинграда смелый и дерзкий обходный манёвр, удар во фланг и тыл, захват коммуникаций стали основой действий танковых соединений. Они стали решающей силой в наступательных операциях на окружение, в битвах Великой Отечественной войны.

Кампания лета 1943 года началась сражением на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Немцы бросили на нашу оборону тысячи танков и самолётов. Испытав уже силу

сопротивления советской обороны, особенно её артиллерии, гитлеровцы перевооружили свои танковые дивизии. Немцы максимально утяжелили броню, выпустили "тигры", "фердинанды", "пантеры". И снова был шквал артиллерийского и миномётного огня и атаки гитлеровцев.

Но прорыва и победы не было. Советская оборона под Курском выдержала невиданный в истории войн удар отборных танковых дивизий. Выдержала потому, что наша оборона была искусно построена на большую глубину; потому, что было организовано взаимодействие артиллерии и пехоты, танков и авиации; потому, что эта оборона была прежде всего противотанковой, была активной. В контрударах по врагу участвовали наши крупнейшие танковые соединения.

Когда танковым дивизиям Гитлера удавалось вклиниться в нашу оборону, советские танковые соединения встречали их ударом с фронта и одновременно ударами во фланг подсекали бронированные клинья. Вынужденные перейти к обороне, немцы заговорили теперь о преимуществах позиционной борьбы, о стратегической обороне. Они забыли о блиц-криге и вспомнили о Семилетней войне. Геббельс говорил даже о 30-летней войне.

Но Красная Армия, перейдя в наступление, взломала немецкую оборону. Это ей удалось потому, что ещё больше выросли силы артиллерии, танков, пехоты, потому, что выросшее искусство вождения танковых соединений включало в себя не только мастерство обороны, но и быстрый переход в наступление. Потерпел крах гитлеровский план перехода к стратегии обороны, и в этом важную роль сыграли танковые войска Красном Армии.

Преследуя немцев, наши танковые соединения вырвались к Днепру. Танкисты генерала Рыбалко с хода форсировали реку и начали борьбу за плацдарм южнее Киева. Одновременно стрелковые соединения форсировали Днепр севернее Киева и вместе с танковым соединением генерала Кравченко повели борьбу за расширение плацдарма.

Танковые соединения упредили противника, не дали ему закрепиться в обороне. Противник силился сбросить нас в Днепр, а наши войска стремились расширить плацдармы. Южнее Киева нам это не удалось, но севернее города танкисты Кравченко, наступая сквозь леса и болота, форсировали реку Ирпень и значительно расширили плацдарм.

Однако и тут врагу удалось нас задержать и тем самым упрочить своё положение у Киева. Затем, продолжая блокаду плацдармов, немцы двинули свои танковые резервы на юг Украины, чтобы восстановить положение у Кировограда, у Никополя, на всём течении Днепра. В районе Киева положение

было уравновешено, и снова удары танковых соединений должны были изменить обстановку в нашу пользу. Манёвр и удар танковых войск действительно резко изменили оперативно-стратегическую обстановку.

В осеннюю ночь танковое соединение генерала Рыбалко снялось с плацдарма южнее Киева и переправилось обратно на левый берег Днепра. На южном плацдарме остались макеты танков и несколько боевых машин, имитировавших действия танковых соединений Немцы продолжали яростно бомбить опустевший плацдарм, а танкисты генерала Рыбалко быстро продвинулись на север, форсировали Десну, затем снова Днепр и появились на расширенном плацдарме севернее Киева. Таким образом там была создана могучая группировка танков, артиллерии, пехоты и авиации. На примере манёвра генерала Рыбалко видно, как закон военного искусства — закон сосредоточения решающих сил в решающем месте в решающий момент — приобрёл с подвижностью танковых соединений новые возможности. 3 ноября 1943 года эти силы обрушились на врага, и через трое суток столица Украины была освобождена. С освобождением Киева операция не закончилась, а только развернулась. Танкисты, обойдя город с запада, устремились вперёд и захватили крупнейший железнодорожный узел Фастов. Это был сокрушительный удар по первой из трёх важнейших коммуникаций врага на Правобережной Украине. На большом протяжении был парализован подвоз боеприпасов к немецким войскам, ещё упорствовавшим в обороне Днепра южнее Киева. Немецкие генералы, поняв, что советские танкисты переиграли их в оперативном манёвре, повернули на Фастов танковые дивизии, предназначенные для действия на юге Украины. В бою за Фастов советские танкисты не уступили врагу ни одной улицы, ни одного дома.

Тогда, стянув резервы из Западной Европы, собрав до десяти танковых дивизий, Гитлер бросил их снова на Киев.

Эта ожесточённость и трудность борьбы именно после победы — черты, отличающие условия, в которых приходится сражаться нашим танковым соединениям. Бои под Киевом, как и весь опыт Великой Отечественной войны, показали, что враг, когда над ним нависает угроза разгрома, собирает все свои силы, чтобы, воспользовавшись трудностями наступления, нанести нам поражение. Так с приближением победы может возрасти и опасность неудачи, если враг не разгромлен окончательно. Великий Сталин ещё в ходе гражданской войны учил Красную Армию быстро закреплять победы, следить за происками врага, готового на любую авантюру для спасения своего положения. И

для танковых соединений стало законом: быть готовым в любой момент сражения перейти от наступления к обороне, быть готовым закрепить победу, отстоять её в трудных, кризисных условиях борьбы.

Завязались тяжёлые бои на шоссе Киев — Житомир, у города Брусилова. И снова наши танкисты, артиллерия и пехота остановили немцев. Тогда немцы поднялись севернее шоссе и, обходя районы, обороняемые танкистами, двинулись к реке Тетерев, прикрывающей Киев с запада. Перехватывая пути немцев, также поднимаясь на север, вышли наши танки и завязали жестокие бои южнее Малина. Встретив упорное сопротивление, немцы поднялись ещё выше, чтобы угрожать Киеву с севера. Но и здесь, обгоняя немецких танкистов, им навстречу вышли наши танковые части.

Это были непрерывные манёвры и контрманёвры, это была борьба за выигрыш флангов, за перехват важнейших узлов и дорог. Это маневрирование — важнейшая черта современных танковых сражений.

Десятки дней и ночей войска 1-го Украинского фронта отражали яростные контратаки противника. Они отстояли Киев, а затем сами перешли в наступление. Страшным ударом, секущим наискось всю полосу немецкой обороны, наша пехота, артиллерия и танковые соединения прорвались к Житомиру и Казатину и рассекли вторую важнейшую коммуникацию немцев на правобережье. Впоследствии был нанесён сокрушительный удар по третьей коммуникации.

Крайняя острота оперативного положения, вызванная ударом по самым жизненным нервам немецкой обороны — по её коммуникациям, вызвала отчаянное сопротивление основных танковых сил германской армии, сосредоточенных Гитлером на Украине. На бескрайних просторах Украины разыгрались крупнейшие танковые битвы. Это были стремительные удары и мгновенные переходы к обороне, наступление в тесном локтевом взаимодействии со стрелковыми соединениями сочеталось с дерзкими рейдами в отрыве от войск фронта.

Успех определила манёвренность нашего среднего танка "Т-34", столкнувшегося с тяжёлыми немецкими "Т-V" и "Т-VI" ("пантера", "тигр"). Успех обеспечили мощные танковые резервы, которыми страна питала наши танковые соединения, выучка и героизм танкистов, искусство вождения танковых соединений. В этих новых сражениях подтвердилось, что наши генералы и офицеры "научились сочетать личную отвагу и мужество с умением руководить войсками на поле боя, отрешившись от глупой и вредной линейной тактики и став прочно на почву

тактики маневрирования" (Сталин).

Представим себе, что происходило при маневрировании на бескрайных полях Украины. В танковых войсках была некогда команда "поворот все вдруг". Команда подавалась чаще всего флажком взводу из трёх-пяти

танков, шедшему обычно в кильватерной колонне или строем в линию. Так легко было повернуть танки, шедшие на дистанции 25 — 30 метров.

Но вот приказ повернуть на новое направление даётся ночью крупнейшему танковому соединению, т. е. поворот "все вдруг" должны совершить тысячи боевых специальных и транспортных машин и десятки тысяч людей. Они находятся в действии и движении на пространстве в сотни квадратных километров. Весь этот механизм уже приобрёл огромную центробежную силу; каждое подразделение, каждый экипаж, выполняя ранее данною задачу, стремится вперёд к указанной цели. В это время далеко, на десятки километров в глубину расположения противника, проникли и действуют наши разведывательные органы. За ними или на флангах, захватывая рубежи и объекты, выдвинулись передовые отряды, обеспечивающие развёртывание главных сил. Главные силы схватились с врагом, но у каждой части своя обстановка, свой противник. Ремонтные средства уже расположились и тяготеют к определённому району. Издалека в этом же направлении спешат машины тылов с продуктами, снарядами, спешат машины за ранеными, за трофеями.

В современной борьбе подвижных сил успех нередко обозначается не там, где его ожидают; часто враг нежданно появляется из глубины и угрожает флангу. Поэтому манёвр совершается в ходе боя. Это значит, что нужно отозвать издалека своих разведчиков, иначе они погибнут. Нужно вывести из боя и повернуть на новое направление главные силы. Нужно повернуть тылы. Но вывод из боя главных сил может привести к тому, что противник, также сосредоточившийся здесь, бросится за ними, а соединения, совершающие поворот, подставят ему свой фланг. Сотни тыловых машин не имеют радио, десятки одиноких, подбитых, но ремонтирующихся танков выключили радио; всё это, следуя в прежнем направлении, может не найти своего соединения, а в худшем случае — нарваться на противника.

Нужно, чтобы все бойцы соединений были обучены единому пониманию боевой обстановки, чтобы они умели ориентироваться, найти изменившую направление часть по едва заметным указаниям, которые им оставлены; нужно, чтобы они проявляли величайшую самодисциплину, стремились попасть в часть к началу боя. Нужно большое искусство, чтобы, выведя свои

главные силы, прикрыться заслонами, сдать свою территорию нашей пехоте, обмануть врага и повернуть на новое направление.

Но всё это только часть дела. Нужно умело совершить движение ночью, чтобы скрыть его от врага, итти по просёлочным дорогам и бездорожью и в этих условиях чётко регулировать движение, иначе на какой-нибудь переправе через ничтожную речушку с крутыми берегами сгрудятся части и утром станут жертвой авиации или на неотрегулированном перекрёстке дорог, у затерявшейся в степи деревушки одна колонна перережет путь другой, и возникнет хаос. Нужно вести части с исключительной быстротой, достичь указанного пункта во-время, иначе изменится обстановка, которая потребовала данного манёвра.

Танковые соединения состоят из танков, артиллерии, мотопехоты, миномётных частей, сапёров, зенитчиков. Всё это движется на транспортных средствах разной скорости и проходимости. Между тем танковое соединение должно притти к бою целиком, ибо взаимодействие частей внутри соединения решает победу. Следовательно, нужно вести части в таком взаиморасположении, чтобы они, хотя и разбросанные на громадном пространстве, могли все сразу развернуться в боевой порядок.

Трудность этих манёвров усугублялась тем, что они проводились буквально в одну ночь: днём танкисты ещё дрались, а ночью по обледенелым дорогам и кручам, порою в метель, совершали марш и на следующее утро шли снова в атаку. Законы техники знают усталость металла, изменение химического состава масел в долго работающем моторе. Перекрыв все известные нормы эксплоатации машин, танкисты на ходу, ночью, производили профилактику танков и снова вели их сотни километров. Но сами танкисты забывали, что уставы всех армий мира, в том числе и нашей, предполагали после трёх-четырёх суток танковых боёв вывод соединения на отдых. Современные операции длятся долго — проходил день за днём, неделя за неделей, наступал следующий месяц, а люди продолжали свой героический боевой и победоносный труд.

Много тяжелей и опасней был манёвр, когда он совершался в тылу врага, на занятой им территории, в отрыве от главных сил фронта. Опасность подстерегала кругом, тылы не имели возможности подойти, так как между танковыми частями и стрелковыми соединениями ещё находился враг. Надо было совершать сложный манёвр тылами или итти без тылов, т. е. остаться без горючего и снарядов. Могучая стальная армада могла притти к бою беспомощным обозом и вместо победы потерпеть неудачу и найти гибель. Нужен был беспримерный

риск, дерзание и расчёт, нужно было подвести, питание по воздуху или совершить почти невозможное: отнять горючее у врага, чтобы продолжать с ним бой. "Горючее танков — наша кровь", — говорят танкисты.

На новом направлении были новые части противника. Обстановка, в условиях которой надо было его разгромить, оказывалась, как правило, неясной. Указаний, ориентировки из высшего штаба при этом могло и не быть. Соединению приходилось действовать самостоятельно. Бои чаще всего были встречными Их успех зависел от умения командира соединения, инициативы всех офицеров, умелой разведки, быстроты развёртывания и смелой атаки с фронта и с флангов. Встречный бой мог перейти во фронтальное столкновение с перешедшим к обороне врагом или потребовать поворота в сторону фланга и новых манёвров.

Поэтому все силы управления войсками напряжены, штабы не спят ночей, командование находится среди войск генералы и штабы всех степеней должны быть близки к войскам, должны находиться в их боевых порядках, видеть бой лично, быть хозяином поля боя, руководить безошибочно; ошибки в танковом бою, как правило, непоправимы и гибельны. Офицеры связи на ходу нагоняли и поворачивали части. Сигналы поворота достигали тылов, и танкисты развёртывались к бою. Идея, ради которой совершался манёвр, доходила до командиров, становилась понятной всем танкистам, и они не слепо технически совершали поворот, а осмысленно маневрировали для нового столкновения с врагом.

Молниеносный манёвр приводил к тому, что враг терял из виду наши решающие силы. Он собирал свои резервы, но они оказывались нацеленными в пустоту, работали вхолостую, — его силы были омертвлены, метались с фланга на фланг, теряя время. А инициативой владели мы, и наши силы стократно умножились потому, что удар наших войск приобрёл новую внезапность. Он обрушивается на фланги и тыл, не даёт противнику времени окопаться. Рубежи и объекты в тылу врага захвачены и удерживаются до подхода своей пехоты или танковое соединение самостоятельно уничтожает противника по частям, лишает его подвоза.

Всё это несёт полный разгром врагу, потому что сами войска и современный театр военных действий, с его железнодорожными узлами, городами, шоссе, мостами, — это единый организм. Поражение одного жизненного органа часто ведёт к разрушению всего организма.

Манёвр определяет характер борьбы. Искусного манёвра

требуют от Красной Армии приказы великого Сталина.

Танковые войска поняли и оценили значение манёвра; подлинное искусство его они снова проявили при окружении немецких дивизий в районе Корсунь-Шевченковский.

Наступательная операция на окружение вражеских войск под Корсунем протекала в сложной и очень интересной с военной точки зрения обстановке. Войска 1-го Украинского фронта, спускаясь на юг, и войска 2-го Украинского фронта, двигаясь на запад, создали угрозу окружения крупной немецкой группировки в районе Корсунь-Шевченковский. Однако гитлеровцы, оставаясь на месте, ещё пытались угрожать Киеву и ударами во фланг намеревались отрезать войска 1-го Украинского фронта, наступавшие к Умани. Немцы собирались ещё раз повести активные, рискованные операции.

Тогда, по единому плану нашего Верховного Главнокомандования, танковые соединения 1-го Украинского фронта (ударом с запада на восток) и 2-го Украинского фронта (ударом с востока на запад) прорвали оборону противника и смелым манёвром с боями соединились в районе Звенигородки, замкнув кольцо вокруг десяти немецких дивизий, сосредоточенных в районе Корсунь-Шевченковского.

Снова сказалась сила взаимодействия фронтов, осуществлённого первоначально танковыми соединениями В степях Украины, у Днепра, повторился изумительный образец военного искусства, который мы видели в донских степях, на берегах Волги.

* * *

Крупнейшее весеннее наступление 1-го и 2-го Украинских фронтов 1944 года показало, что танковые соединения способны бороться не только с врагом, но и со стихией. К моменту наступления весна уже вступила в свои права. Громадный украинский театр военных действий представлял собой море оттаявшей жидкой грязи. Это, казалось, обусловит длительную оперативную паузу, во время которой немцы хотели оправиться, построить новые рубежи на Буге и Днестре, не пустить русских к своим границам, а потом обороной и контрударами уничтожить наши живые силы.

И снова планы Гитлера потерпели жестокий крах, и снова решающую роль в этом сыграли наши танковые соединения. Немцы не предполагали, что Красная Армия будет наступать в условиях распутицы. Они допускали в крайнем случае поход в

направлении Львова, к которому вели отличные шоссе и который казался наиболее заманчивым объектом с их точки зрения.

В это время основные танковые соединения 1-го Украинского фронта, совершив в распутицу, когда увязали автомашины, кони и шли только танки, тракторы и люди, невиданный марш в сотни километров, сосредоточились западнее Шепетовки и нацелились не на запад, к Львову, а по бездорожью — на юг. Крупнейшие стрелковые соединения 1-го Украинского фронта были также повёрнуты на юг. Они прорвали оборону немцев на рубеже реки Горынь, и сквозь бреши к Проскурову и Тарнополю хлынули советские танки.

Двойная оперативная внезапность — по времени и направлению — сыграла решающую роль. Наши танки прорвались с боями в глубину расположения противника и рассекли шоссейную и железнодорожную магистрали между Проскуровым и Тарнополем. Это были последние пути, связывавшие через Львов с Германией всю группу гитлеровских армий на Украине. Над врагом нависла катастрофа. Все наличные танковые силы Гитлера, расположенные близ Умани и Винницы, были брошены к Проскурову, чтобы снова пробить дорогу на Тарнополь — Львов.

Но не успели они пойти в атаку, как во взаимодействие снова вступили наши фронты: 2-й Украинский фронт перешёл в наступление, в районе Умани захватил 500 немецких танков и самоходных орудий и, рассекая гитлеровские войска, стремительно двинулся к границе СССР. Бывало так, что одна часть немецкой танковой дивизии находилась в пути к Проскурову, где её били танкисты 1-го Украинского фронта, а другую часть (не дав ей подняться к Проскурову) истребляли танковые соединения 2-го Украинского фронта.

Убедившись в безнадёжности попыток пробиться на запад, гитлеровцы кинулись на юг — через Каменец-Подольск к Днестру в Румынию. Но было уже поздно: соединения наших "Т-34", руководимые генералом Лелюшенко, пройдя там, где не смогли пройти тяжёлые "тигры", обогнали немцев, перерезали дорогу Проскуров Каменец-Подольск и освободили Каменец-Подольск.

Стратегическим успехом, увенчавшим Приднестровскую операцию, были рейд и удары танкового соединения Катукова за Днестр и на Черновицы к предгорьям Карпат. Бои танковых соединений Рыбалко и Лелюшенко, уничтожавшие главные танковые силы противника у Проскурова и Каменец-Подольска, обеспечили эту изумительную по смелости и красоте операцию.

Войдя в прорыв в районе Тарнополя, уничтожая по пути пехотные немецкие полки, танкисты генерала Катукова

стремительно подошли к Днестру. Теоретически казалось немыслимым форсировать Днестр в период половодья да ещё подручными средствами, — пройти без мостов, по дну, и взобраться на поросший лесом отвесный берег. Но искусство вождения танковых соединений заключается в том, что в нём сочетаются неслыханный риск, дерзание и большая конкретность. В данном случае, идя на форсирование Днестра, танкисты узнали, что на Днестре временный спад воды, и нашли брод у села Усечко. Там же нашли и удобный подъём на противоположный гористый берег Днестра.

Сбив части противника, прикрывавшие переправы, танкисты генерала Катукова всем соединением форсировали Днестр и сразу устремились к новой преграде реке Прут и городу Черновицы. Они достигли рубежей нашей родины, надвое рассекли у Карпат фронт германских армий, нанесли сильнейший удар планам Гитлера. Часть немецких войск, находившихся в Румынии, была оперативно изолирована от войск львовской группировки. И над теми и над другими нависла угроза разгрома. Создались предпосылки дальнейшего движения на Львов, на Бухарест.

1-й Украинский фронт.

Майор Хохряков в боях

Весеннее утро было свежее, радостное. Вокруг просыпалась жизнь.

В это утро над сёлами, над высотами, над рекой Горынь грохотала могучая артиллерия 1-го Украинского фронта. От орудийных ударов дрожал воздух, и, когда люди прислонялись к стене окопа, они чувствовали, как земля пульсирует при взрывах тяжёлых снарядов.

Начинался день нового наступления.

Танкисты гвардейского батальона майора Хохрякова плотно, не спеша, завтракали. Все приготовления к атаке были уже сделаны. Было известно, что артиллерийская подготовка будет длиться долго. Наша артиллерия с грозным разноголосым рёвом уже сметала орудия врага, облегчала нашим танкам путь в глубину немецкой обороны. Это бодрило танкистов, вселяло чувство торжествующей радости.

Майор Хохряков, 26-летний, стройный, высокий офицер с простым весёлым лицом и внимательными глазами, опираясь, как гимнаст, на руки, плавно спустился в люк башни. Рядом с ним место заряжающего занял командир танка лейтенант Павлов, совсем ещё школьник с виду, но уже опытный и отважный танкист. Спереди у пулемёта в лобовой части сел к своей радиостанции радист комсомолец Пиксайкин, а за рычагами управления танка неторопливо, удобно уселся механик-водитель Белоусов.

Белоусов в последний раз проверил переговорное устройство, по которому он получает команды майора. Пиксайкин включил свою радиостанцию, вызвал абонентов сети и вошёл с ними в связь.

Павлов посмотрел в последний раз, где у него лежат осколочные снаряды, где бронебойные, и так как всё было в порядке, ему осталось только открыть затвор орудия.

По силе и продолжительности артиллерийской подготовки майор Хохряков предполагал, что артиллерия разнесёт в щепы и комья грязи оборону немцев на переднем крае, но, как подсказывал опыт Великой Отечественной войны, часть артиллерийских средств противника всё же уцелеет в глубине обороны, и придётся её "дорывать". Его батальон пойдёт головным в первом эшелоне наступающего танкового соединения, а это значит, что батальон неизбежно понесёт потери.

Хохряков понимал, что через час на этой проснувшейся земле не будет многих из его товарищей, а возможно, перестанет жить и

он сам. Майор, много раз бывший в боях, мог реально представить себе, как это произойдёт. Много раз уже он испытывал смертельное дыхание боя. Рваные куски вражеского металла дважды впивались в его тело.

Хохряковым владело то сложное состояние, в котором находятся обстрелянные люди перед боем и которое трудно передать словами. У человека в эти минуты инстинктивное желание не думать о возможности смерти, он как бы выключает мысли о ней. Растёт чувство веры в свои силы. Бывалый воин в эти минуты больше всего думает о том, как развернётся бой. Эта мысль ни на минуту не оставляла Хохрякова.

Усилием ума и воображения майор, глядя на карту, хотел ещё раз представить себе местность, на которой разыграются бои, и препятствия, которые поставит враг на пути батальона. Майор хотел ответить себе на вопрос: правильно ли он организовал и обеспечил бой батальона, правильно ли построен его боевой порядок, сумеют ли взводы и роты в этом боевом порядке помогать друг другу, взаимодействовать огнём и манёвром и бить врага из наивыгоднейшего положения?

Майор думал о том, как сохранить управление боевым порядком батальона в сложной динамике атак. Опыт подсказывал комбату, что в первый же час боя будет множество неожиданностей, новых огневых точек, новых препятствий или важных целей на флангах; это может разорвать боевой порядок, выбить управление батальоном. Хохряков давно постиг ту истину войны, что важно не только правильное по уставу построение, но и такая расстановка командиров, чтобы они своим умением, волей, инициативой, пониманием обстановки немедленно видоизменяли боевой порядок в зависимости от новых обстоятельств боя и восстанавливали управление, если даже погибнет он сам. Прежде чем стать командиром батальона, Хохряков был комиссаром. Он приобрёл опыт работы с людьми, научился понимать и ценить их, усвоил, что первооснова боевой силы танкового батальона — люди экипажа танка, их выучка, отвага, любовь к родине. Все силы он направил на подготовку экипажей к боям и теперь был за них спокоен. С высоты танка майор видел, как занимают свои боевые места командиры рот: спокойный и вдумчивый старший лейтенант Петров, решительный, энергичный старший лейтенант Иванов, на крайнем левом фланге уже стоял его лучший помощник старший лейтенант Семёнов. Впереди всех выдвинулись со своими танками герой боёв под Житомиром лейтенант Субботин и недавно прибывший в часть бывший фрезеровщик Московского авиазавода, комсомолец и альпинист лейтенант Задачин.

Батальон построился, выдвинув вперёд фланги и оттянув назад центр, где решил итти сам Хохряков, чтобы иметь возможность наблюдать и влиять на бой всего батальона. Позади всех должен был двигаться старший лейтенант Урсулов. Прежде отважный лётчик, из-за ранений лишённый возможности летать перешедший сейчас в танковые войска, он принёс с собой бесстрашие и дерзость истребителя. В прошлых боях он появлялся в самых опасных местах. Под Киевом он забрался к противнику и увёл у немцев из-под носа их пресловутую "пантеру". Урсулов обеспечивал связь внутри батальона и с командиром бригады и мог в любую минуту помочь Хохрякову.

* * *

По сигналу двинулись танки, миновали нейтральную полосу и пересекли черту, за которой был враг и ждала неизвестность.

Объезжая воронки, пересекая окопы переднего края, мимо горящих хат батальон Хохрякова двинулся в атаку. На переднем крае враг почти не оказывал сопротивления. Мёртвые и раненые немцы валялись в окопах и на огневых позициях своих батарей. Немногие уцелевшие бежали или падали на колени и поднимали руки вверх, что-то кричали, но их не было слышно, потому что все звуки перекрывал рёв моторов, постукивающий рокот гусениц "Т-34" и удары орудий. Батальон, даже не видя сопротивляющегося врага, бил по тем местам, в которых враг мог укрыться. Бил по подозрительным движениям на флангах, а главное — посылал огонь в глубину обороны противника, чтобы ошеломить его ещё издалека, расстроить систему противотанкового огня, если она уцелела, прижать немцев к земле, не дав им оправиться после обработки нашей артиллерией.

Сквозь зелёные стёкла триплексов Хохрякову видны были все танки его батальона, то появляющиеся в поле зрения, то исчезающие, и он по движению, по огню, по едва уловимым признакам узнавал, кто и как ведёт танк. За флангами его батальона и особенно позади шли танки других батальонов, и, чтобы не задерживать их, Хохряков короткими командами всё ускорял движение своих машин. Он одновременно выдвигал вперёд свои крайние фланги, предполагая, что опорный пункт противника придётся брать с двух сторон и ударом из центра, который нанесёт он сам. Вот уже мчавшиеся на левом фланге и впереди всех танки взвода Субботина вырвались в открытое поле, на высоте которого расположено село и сильный опорный пункт врага. Немцы уже отвечают на огонь наших танков, завязывается

бой, и вдруг впереди вспыхивает зарево так ярко, что освещает внутренность башни Хохрякова, и мгновение кажется, что горит внутри танка.

Облако огня взметнулось там, где шёл танк Субботина. Тяжкий грохот потряс воздух. Вражеский снаряд, очевидно, попал в укладку ещё не израсходованного комплекта боеприпасов в танке, они детонировали и взорвались. Взрывом непостижимой силы снесло башню, и в стальной горящей купели бесследно исчезли лейтенант Анатолий Субботин и его экипаж.

Ближе к центру батальона остановился второй подбитый танк. "Значит, сохранился очаг немецкой противотанковой обороны и батальону надо довершить разгром, начатый артиллерией", — мелькает в сознании Хохрякова. И сейчас же, как всегда в бою, у него рождается стремление увидеть опасность своими глазами, на месте решить, что делать. Надо не дать батальону потерять темп атаки, а тем более остановиться, но и нельзя позволить ему итти, очертя голову, дальше. Решение претворяется в приказ Белоусову: "Полный газ вперёд!"

Могучий двигатель быстро выносит танк Хохрякова вперёд. Соседние танки вырываются за ним и шквальным огнём прикрывают своего командира. Он появляется впереди всех, бьёт из пушки, вызывает на себя убийственный огонь, молниеносно скрывается и появляется в другом месте, отходит в укрытие, быстро осматривает местность в бинокль, ищет врага. Хохрякову становится ясно, что нужно перестроить боевой порядок на ходу. Нужно медленно, осторожно наступать левым флангом и центром, а танками правого фланга быстро обойти опорный пункт, обрушиться с тыла на артиллерию врага и тогда ворваться в село всем батальоном.

Снова Белоусов даёт полный газ. Комбат будет теперь не в центре, а на решающем обходящем фланге, На ходу поданы новые команды, одобрено решение командира роты Петрова оставить два танка, чтобы прикрыть манёвр батальона огнём с места и предупреждать об опасности подходившие батальоны. Хохряков чувствует, как растягивается фронт его батальона. Некоторые танки ему уже не видны, а важнейшая задача теперь — нанести одновременно удар с фланга, с фронта и с тыла. Каждые пять-десять минут комбат слушает на единой радиоволне, как распоряжаются командиры рот; он координирует их действия, и всепроникающие волны радио помогают держать управление батальоном. Не напрасно майор Хохряков изучал радио, учил своих офицеров, тренировал их во время маршей и даже на отдыхе.

Наведённые на цель комбатом танки левого фланга и центра

батальона приближаются к селу. В бою подбит ещё один наш танк и сгорел другой. Хохряков сам уже на окраине села. За появлением его танка следят командиры рот и получают лаконичный приказ: "Делай, что я". Особую силу имеет приказ "делай, что я", приказ, подкреплённый личным примером.

Немцы ещё не видят танка командира батальона. С первого выстрела осколочным снарядом он разносит расчёт вражеской противотанковой пушки. Видно, как удары крупных осколков отбрасывают немцев. Двумя другими выстрелами подбита вторая пушка, мешавшая продвижению наших танков с фронта. Хохряков ворвался в село, пронёсся по улице, замирая у перекрёстка, и с угла начал бить опять. Теперь на его танке сосредоточен огонь нескольких орудий. Хохряков вступает в дуэль с одним, а Пиксайкин длинными очередями пулемёта отгоняет немцев от других орудий, косит их, прижимает к земле… Весь батальон уже ворвался в село. Бой на улицах меж домов, отделяющих танки друг от друга, неизбежно нарушает боевой порядок батальона. Бой ведут самостоятельно взводы и даже отдельные танки. По слабеющему огню, по количеству подоспевших танков других батальонов Хохряков ощущает, что опорный пункт врага скоро будет раздавлен полностью. И хотя ему хотелось бы продолжать лично расправу с врагом, ещё раз показать всем, как нужно мастерски бить из орудия, но больше всего теперь беспокоит комбата, чтобы не перемешались танки его батальона с другими, чтобы не потерялось управление Проще всего было бы по радио собрать свои танки к окраине, но враг может пойти в контратаку.

В этот момент из-за хаты, высунувшись по пояс из танка, появился Урсулов. Он был без шапки, длинные волосы его свисали в сторону, большие красивые глаза блестели. Ловкий, собранный спортсмен, Урсулов, поровнявшись, на ходу перескочил на танк комбата и доложил, что объехал роты, узнал, где командиры рот собрали свои взводы. Предусмотрительный Петров расположил их за каменными домами, дав каждому сектор обстрела. Иванов ждёт сигнала выступать дальше на юг и уже выдвинул в том направлении разведку. Сам Урсулов передал приказ подбитым танкам после ремонта догонять батальон по оси движения на юг, к городу Проскурову.

Майор почувствовал, что управление батальоном снова в его руках, и на этот раз без помощи радио потому, что одной из основ управления в бою является единство взглядов на обстановку, понимание офицерами, чего может хотеть от них и как будет поступать в данной обстановке их командир, инициативное выполнение его плана. Так были воспитаны офицеры батальона, так был воспитан сам Хохряков. И он тут же

донёс командиру бригады о выполнении задачи, о положении, которое занимает батальон, о своих трофеях и потерях.

Было тяжело перечислять имена любимых и близких, сроднившихся с ним в бою товарищей, и снова в одном ощущении слилось личное человеческое чувство и профессиональное. Хохряков вылез из танка и пошёл вдоль села, чтобы найти самое высокое и красивое место для могилы погибших в бою.

* * *

В освобождённое село прибыл штаб бригады. Было ясно, что враг разбит на первой линии обороны, но, отходя, попытается организовать новое сопротивление на промежуточных рубежах. Грандиозное приднестровское сражение только разгоралось. Батальон Хохрякова был немедленно брошен вперёд в качестве передового отряда танкового соединения. Хохряков устремился на юг. Он настигал толпы бегущих немцев. Завидев танки, немцы разбегались с дороги в поле, вязли в грязи; издали казалось, что это вязнут мухи на липкой бумаге, Когда танки приближались, немцы падали, притворяясь мёртвыми, но под пулемётными очередями уже без притворства оставались на чёрной земле; живые поднимались и сдавались в плен. Было много соблазнов задержаться, одержать лёгкие победы над мелкими гарнизонами деревень. Но Хохряков ни на минуту не забывал, что задача батальона, действующего в составе передового отряда, — обеспечить действие главных сил, а потому надо не ввязываться в мелкие бои, а проявлять инициативу, вырываться вперёд. Именно в условиях самостоятельных действий впереди своих войск Хохряков, точно талантливый актёр, входящий в сложную роль, раскрывался полностью. Он стремительно нападал, вносил панику в ряды врага, истреблял его, быстро разбирался в сложной и неясной обстановке, когда впереди, на флангах передового отряда и даже в тылу был враг.

Ещё сильные танковые колонны немцев были неподалёку, на параллельных с батальоном Хохрякова курсах, и в тумане трудно было определить, чужие это или свои. Враг хитрил, оставлял в засаде несколько "тигров" и самоходных орудий, и те кочевали от укрытия к укрытию, создавая видимость мощной противотанковой обороны. Надо было решать, развёртываться ли полностью для борьбы с ней, теряя на это время и задерживая всё своё танковое соединение, или атаковать частью сил с хода и итти дальше. Хохряков был одарён чутьём — чувством расчёта и меры, которые свойственны очень опытным, умелым офицерам.

Он помнил, что главная задача передового отряда обогнать отходящего противника, выйти на речной рубеж, где немцы собирались вновь организовать оборону. Хохряков уверенно вёл батальон, давая возможность командирам рот обрушиваться и на новые цели. Этих целей было много, и много славы ждало на пути. Но майор, как опытный вожак, вёл за собой танки, не позволяя им зарываться, отвлекаться в сторону от указанного боевого курса; вносил железную дисциплину, бдительно охранял своих офицеров от ошибок. Бои вспыхивали ожесточённые, но короткие. Враг не выдерживал ударов и отступал. Главным препятствием для танкистов оставалась грязь. Танки шли медленно, увязая по самое днище, и точно плыли по грязи. Двигатели перегревались, горючее в баках таяло непомерно быстро. Противник старался взрывать мосты. Порой приходилось переправляться через болото, через полные весенними водами реки, а сзади двигалось танковое соединение, и батальон не имел права терять ни одной минуты. Преодолев силы врага и преграды стихии, Хохряков вышел на указанный рубеж, и к вечеру боевая задача дня была выполнена.

К ночи все танковые соединения вышли туда же, и в непрерывном развитии событий встала новая задача. Батальону Хохрякова приказали ночью овладеть местечком Красилов. У Хохрякова оставалось немного танков: часть безвозвратно погибла в боях, часть ремонтировалась на поле боя и была ещё на подходе. Но у танкистов оставалось много дерзости, уменья, и союзницей их стала ночь, скрывшая силы атакующих, обеспечившая внезапность, принесшая мороз, который сковал грязь. Во тьме, почти наощупь, Хохряков повёл офицеров на рекогносцировку, разведал пути через овраги, полные талого снега, через крутые высоты. Трудно было танкистам. Позади осталось уже много дней и ночей без сна и отдыха, и теперь все свои организаторские способности Хохряков направил на то, чтобы довести боевую задачу до каждого танкиста и дать каждому хоть час отдохнуть. Сам он со старшим лейтенантом Семёновым составил план боя, по которому Семёнов должен был зайти в местечко с тыла, а Хохряков с фронта. Никто лучше Семёнова не подошёл бы к этой роли. В этом молодом офицере было чутьё охотника. Он лучше всех вёл разведку, лучше всех умел находить лазейки в обороне врага. Много раз он забирался в тыл к немцам, подолгу не возвращаясь. Не раз оплакивали его друзья, и каждый раз Семёнов на удивление и радость им возвращался.

В кромешной тьме, по непроходимым, казалось, местам Семёнов с тыла проник в местечко и дал сигнал Хохрякову. Танкисты ворвались в улицы с других направлений, сталкивались

с немецкими танками борт о борт, били в упор… Танки горели, роняя хлопья огня на чёрную землю. Загорались дома. В отсветах пламени, раздуваемого ночным ветром, метались немцы. Их били из пулемётов, пистолетов, ручными гранатами… К рассвету местечко очистили от немцев. Мирные жители — всегда первые свидетели и судьи боевого поведения танкистов не верили, что они уже освобождены, и сами танкисты, увидев при свете дня, что сделали они в одну ночь маленькой группой танков, удивлялись. Они с наслаждением отдыхали, любовались украинской природой, изумительно красивой в Приднестровье. Видели танкисты мягкие склоны высот, на которые точно опирался горизонт, леса, синеющие вдали, и огромные озёра. Над ними вставало весеннее солнце, и стаи перелётных птиц, испуганных огнём и громами ночного боя, теперь, в наступившей тишине, опускались к сверкающей воде.

* * *

Жизнь всё сильнее шумела в лесах, на берегах рек и озёр; она была в пахарях вопреки войне, пашущих землю вдоль стратегического шоссе. За жизнь всё упорнее сражались наши танкисты. Менялись только места боёв, но их ожесточение и значение возрастали. Бой за опорный пункт сменился боями на пути к рубежу реки, ночной бой за местечко сменился боями за шоссе Проскуров — Тарнополь, наиболее ответственными и решительными. В боях за шоссе, за коммуникации немцы вообще особенно яростно сопротивляются, потому что наш успех здесь становится катастрофичным для врага. Важнейшие шоссейные и железнодорожные магистрали определяют направление и развитие операций, а в данном случае в боях за шоссе решалась судьба крупнейшей на Украине немецкой группировки.

Хохряков получил приказ оседлать шоссе Проскуров — Тарнополь, по которому немцы хотели вырваться из Приднестровья на запад. С небольшой группой танков майор вышел на выполнение задания. Каменная лента шоссе бежала через долины, через увалы и гребни высот. На участке, куда вышли танкисты, шоссе было вначале безлюдно, и Хохряков выехал на вершину высоты. Далеко, далеко вокруг открывался бескрайный, точно морской, горизонт. Вскоре вдали на шоссе появились немецкие "тигры", и началась борьба. Первой вступила в борьбу оптика советских заводов с немецкой оптикой Цейса. Советские танкисты и фашисты разглядывали друг друга на дальних дистанциях.

Это — первый и часто решающий момент столкновений танков. Кто при помощи оптических приборов раньше увидит танк противника, кому оптический прицел поможет верно определить дистанцию и точнее выстрелить, тот останется жив и уничтожит врага. Потом вступали в смертельное соревнование советские орудия и снаряды с немецкими пушками фирмы "Рейнметалл", броня Урала с броней Круппа. Но решали окончательный исход этой дуэли — не на жизнь, а на смерть — наш танкист и немецкий панцырник. Сталкивались два ума, две воли, решавшие прежде всего, принять ли бой или уклониться. Всегда и всюду Хохряков вступал в борьбу, навязывая свою волю врагу. В этой борьбе он участвовал всем своим существом, всеми своими чувствами, до кончиков пальцев на руках, управляющих орудием, до ступни ноги, нажимающей педаль спускового механизма, до тончайших нервных рефлексов, мгновенно и в решающую секунду координирующих все эти явления… Хохряков точно сливался с танком и орудием. Двигался танк, колебался спереди назад и с боку на бок, в оптическом прицеле мелькали то лес на горизонте, то предметы в 20 метрах от танка, то облака, то земля… Майор ловил прицелом танк противника, тоже непрерывно двигавшийся, то исчезавший, то появлявшийся в прицеле буквально на доли секунды.

В мозгу происходила напряжённая работа по определению дистанции и бокового сноса снаряда атмосферными условиями, по упреждению танка противника, уклоняющегося от выстрела, по направлению снаряда иногда не в самый танк, а мимо него, чтобы танк противника сам "наехал" на летящий снаряд. Ошибка на долю деления становилась промахом на десятки метров, и за неё платили жизнью.

Это была работа ума майора, так сказать, за себя, но одновременно он думал за весь экипаж, определяющий успех выстрела: за Белоусова, который должен был вести танк на выгодном курсе, за Павлова, который должен был молниеносно заряжать бронебойным или специальным снарядом, за Пиксайкина, который должен был сигнализировать другим танкам батальона. Всем им Хохряков в эти напряжённые секунды отдавал приказы. Советский офицер знал, что в эти же секунды немец белесым глазом смотрит на него и также ловит его в прицел. С величайшим напряжением и быстротой работали руки, направлявшие орудие в погоне за "тигром", напряжённо действовали тончайшие рефлексы, передававшие от мозга к пальцам рук, к ноге итог расчётов и сигнал "бей!" в ту долю секунды, когда "тигр", наконец, пойман в прицел.

Среднего выхода не было в этой смертельной дуэли. Либо

Хохряков посылал верную смерть врагу, либо "тигр" поджигал его танк. Десятки раз вступал Хохряков в эту дуэль и десятки раз выходил победителем.

Современный бой состоит из сотен и тысяч таких дуэлей — единоборств советских танкистов с танкистами Гитлера. Исход этих дуэлей определяет исход современного сражения, которое весной 1944 года на 1-м Украинском фронте являлось прежде всего столкновением танковых соединений. Танковые батальоны явились тактической первоосновой этих соединений, и баланс их работы определил успех на поле боя.

Батальон Хохрякова, перехвативший шоссе, был не один. Все танковые соединения уже вышли на важнейшую коммуникацию врага и прочно закрепились на ней. Но общий успех наших войск не исключал того, что часть их ведёт бой в неравных тяжёлых условиях. Враг, стремясь любой ценой освободить коммуникации, бросил 74 танка и авиацию на шоссе, и первый удар обрушился на семь танков Хохрякова. Позади Хохрякова у шоссе находились склады трофейного немецкого горючего. Противник пробивался прежде всего к ним, так как знал, что, захватив горючее, можно будет продвигаться дальше на запад, а потеряв его, можно было потерять все танки. Хохряков принял неравный бой. На этот раз он не стал закапывать танки в засаде, что часто делал за последнее время. Хохряков решил, что на резко пересечённой местности, рельеф которой характерен для юго-западной Украины, при неравенстве сил нужно не стоять на месте, а маневрировать, маскируясь гребнями высот.

Гремели орудийные удары на высотах и склонах Приднестровья. Горели "тигры" и наши "Т-34". От укрытия к укрытию танкисты Хохрякова медленно отходили, упорно сдерживая врага, нанося ему урон в живой силе и технике. Но слишком неравны были силы, и один за другим выходили из строя танки батальона. Не было с Хохряковым его любимого лейтенанта Павлова: он был контужен ударом снаряда в башню. Лишившись речи и слуха, он не хотел уходить, стараясь понять команду комбата по движению губ, но упал без сознания. Не было в живых многих других, а уцелевшие продолжали борьбу с немецкой мотопехотой в пешем строю. Танк Хохрякова был подожжён. Он пересел в другой. Был подбит и этот. Он перебрался в последний уцелевший танк. Заряжающим и пулемётчиком сели лейтенанты Титов и Монакин, механиком-водителем- лейтенант Задачин.

Героический офицерский экипаж продолжал бой, оттягиваясь за реку, дальше которой командование решило врага не пускать.

Уже все перешли мост, а Хохряков ещё маневрирует на фланг

противника, бьёт, отходит и снова бьёт. Ранен в руку лейтенант Задачин, но продолжает вести танк. Ранен и сам Хохряков, но продолжает вести огонь. С волнением следят из-за реки и с наблюдательных пунктов за неравной героической борьбой. Давно дан сигнал Хохрякову отходить. Уже сапёры минировали мост. Но они знают и любят Хохрякова. И вот герой-сапёр под пулемётным огнём спускается у моста в воду, держа в руках провода для взрыва. Коченеет, но ждёт, пока отойдёт по мосту Хохряков. А он, раненный, лишённый возможности стрелять, садится с биноклем на башню и корректирует огонь лейтенанта Титова. Налетают бомбардировщики противника, пикируют чуть не на башню. Но Хохряков руководит огнём экипажа. Снова вой падающей бомбы. Свистящий разлёт её осколков. Они впиваются в Хохрякова, осколки рвут его тело, дробят плечо, кровь течёт из ран комбата, и его, бесстрашного, неукротимого, наконец, уносят с поля сражения.

Майора везли в тыл, а навстречу ему двигались его танки, подбитые в прошлых боях, отремонтированные и снова вступившие в бой вместе со свежими танковыми частями, развивавшими успех батальонов первого эшелона.

Батальон Хохрякова продолжал жить и сражаться.

Боевая группа актива офицеров, спаянная комбатом, подхватила управление батальоном и повела за собой танкистов. И хотя майора не было с ними, он как бы продолжал руководить своими офицерами. Решая боевые вопросы, они вспоминали, как поступал Хохряков; вспоминали, что он считал главной задачей офицеров танкового батальона быть первыми в бою и одновременно руководить, помогать другим там, где опасность и гибель. Это создаёт для офицеров танкового батальона двойную нагрузку, двойную опасность. Никто чаще их не находится в зоне огня и смерти…

Хохрякову говорили, что батальон успешно дерётся, но он не мог мириться со своим бессильем. Он смотрел на часы, снятые с раненой руки и привешенные к бинту, охватившему раненое плечо и грудь, так, чтобы ему был виден циферблат, прикидывал, когда батальон пойдёт в атаку, и в бессильи, в отчаяньи скрипел зубами.

Потом успокаивался, снова пробовал двигать пальцами разбитой руки, и, когда они чуть-чуть шевелились, майор улыбался в надежде, что выздоровеет и вернётся в строй.

Он беспокоился о том, награждены ли герои батальона, которых он представил к наградам. Майор посылал предупредить офицеров, чтобы они, обходя противника, искали возможность его уничтожить, а не ставили обходной манёвр самоцелью.

Манёвр ради манёвра, без последующего уничтожения врага, ведёт к неудаче. Хохряков добивался, чтобы танкисты избегали бессмысленных лобовых атак и бессмысленных обходов.

Комбат продолжал жить жизнью батальона, но и его молодой могучий организм не выдерживал. К десяти ранам, полученным ещё на Халхин-Голе и на Калининском фронте, прибавилось ещё восемь осколочных.

Хохряков впадал в забытьё. Начинал бредить и в бреду командовал танкистами, спрашивал у помкомхоза, накормлены ли бойцы. Потом засыпал тяжёлым сном. У постели Хохрякова бессменно дежурил его любимец — лейтенант Павлов.

Хохряков, не имеющий семьи, выросший в советском детдоме, полюбивший свой батальон, как семью, любил Павлова, как самого близкого человека и младшего брата. Юный лейтенант платил ему восторженной любовью. Сам Павлов едва оправился от контузии, безумно устал, но протирал ещё по-детски кулаком глаза и бодрствовал… Прибежала из санвзвода медсестра Люся, но Павлов не разрешил будить майора. Люся сообщила Павлову "секрет", что Хохряков представлен к званию Героя Советского Союза. Павлов возразил, что это "секрет" для Люси, а все танкисты батальона не сомневались, что их командир батальона будет Героем Советского Союза.

* * *

Ясным весенним утром Хохрякова привезли в госпиталь на окраине города Старо-Константинов, за который он дрался, которому нёс весну освобождения. Госпиталь расположился в большом здании школы, которое в бою служило Хохрякову ориентиром.

После операции майору стало легче. Он глядел сквозь высокое окно на холмистые поля, по которым недавно наступал.

С того утра, когда батальон пошёл в наступление, прошли долгие дни и недели. Весна разлилась в воздухе и в полях. В небе пели жаворонки, поднимавшиеся с обогревшейся земли.

Освобождённая земля начинала дышать.

Майор Хохряков вспомнил, что на этой же земле, на берегах Буга, Днестра и Прута, Кутузов со своим корпусом бугских егерей воевал за российские земли. Стены старинных крепостей времени владычества Оттоманской империи остались немыми свидетелями той эпохи. Хохряков вёл бой недалеко от этих памятников военной старины и сейчас жалел, что у него не было времени их внимательно разглядеть.

Но он видел уходящую вдаль, на запад, магистраль, вдоль которой на десятки километров тянулись разбитые, раздавленные, сожжённые автомашины и танки немцев — памятник военной славы русского оружия наших дней, видел сёла, освобождённые Красной Армией, узнавал знакомые места, ставшие самыми значительными в его жизни. Это были те десятки как будто малозначащих населённых пунктов, о которых упоминало Совинформбюро рядом с сообщениями о взятии крупных городов. Упоминало потому, что они стали очагами боёв, определивших победу в великом приднестровском сражении. Эту победу танковых соединений решала их тактическая первооснова — танковые батальоны.

Это они, танковые батальоны, первыми рассекали коммуникации врага, форсировали реки, врывались в сёла, в города, уничтожали немцев, шли впереди танковых соединений, впереди фронта победоносно наступающей Красной Армии.

На Днестре.

В танковом штабе на Висле

Наше танковое соединение готовилось к форсированию Вислы. Оперативная группа штаба соединения во главе с командиром спешила на новый командный пункт — ближе к войскам. Стремительные "виллисы", поднимая сплошную пелену пыли, неслись по шоссе. Стрелки спидометров остановились на предельной черте — сто километров в час. Командир соединения торопился. Темп действий нашего соединения достиг предела. Несколько дней назад наше танковое соединение прорвалось в глубину немецкой обороны севернее Львова, обошло его, отрезало коммуникации противника, затем ворвалось в Перемышль и, продолжая частью сил бои у этих городов, главными силами вышло на Вислу.

Оперативная группа мчалась по освобождённым украинским полям, где шла уборка хлеба, через польские городки, уже полные жизни и людей на площадях у неизменной ратуши и костёла с мадоннами в венках из электрических лампочек. Прошли лесной массив, за которым простиралось большое плато, рассечённое широким шоссе. Это шоссе бежало к Висле, было единственным удобным путём к переправам.

На опушке леса стала слышна артиллерийская стрельба. "Откуда здесь противник? — мелькнула мысль — Ведь он разбит, дорога очищена прошедшими частями нашего соединения, остатки вражеских дивизий уже отброшены в леса".

Мы остановились. Навстречу нам, как бешеные, мчались обозные повозки, кони рвали постромки. Поспешно отходили обозники. Автомашины укрывались в лесу.

По полю разносились протяжные удары. Над шоссе появлялись и клубились чёрные густые облака. Их рассекали молнии короткие, мгновенно исчезавшие. Из земли вставали гейзеры огня, осколков, пыли, дыма. Рвались снаряды. Брызгала шрапнель. Вдали в деревне полыхал пожар. По полевым тропинкам, по межам катили велосипедисты, женщины несли детей, везли в колясках, дети плакали… Детишки чуть постарше бежали рожью напрямик, запутывались в колосьях и кричали.

Кто-то предположил, что это батарея опоздавшей в бегстве немецкой части пытается нас задержать, чтоб выиграть время. Говорили, что немцы из-за Вислы пытаются сдержать огнём дальнейшее движение наших войск на берег. Можно было ждать, что огонь утихнет и мы проскочим дальше.

Разрывы приблизились к опушке леса. Над головами нарастал знакомый шорох снарядов. Кто-то скомандовал

"ложись". Треск разрыва над головами. Свист, цокот осколков о деревья. Медленно кружась, опускаются отсечённые осколками ветки и сорванные взрывом листья… Мы встаём. Все живы… Генерал-полковник умело укрылся, прислонившись к стволу огромного дуба, и теперь, не меняя положения, сосредоточенно смотрит вдаль.

Вместе с полковником-артиллеристом генерал определяет особенности стрельбы всех известных немецких орудий. Версия о стрельбе из-за Вислы отвергается. Огонь ведёт дивизионная артиллерия с дистанции 5–6 километров. Стрельбу корректирует наблюдатель, который находится ещё ближе. Словно подтверждая это, снова — шхр-шхр-шхр. Снова рядом разрыв… Осный шорох — шхр-шхр-шхр. Снова рядом разрыв. Осколки сыплются, точно груши с дерева. Пахнет жжёным железом.

Полковник Ерёменко, лежавший у соседнего дерева, встаёт, затем снова падает. По ноге у него обильно струится кровь, сапог становится тёмнокрасным…

— Я ранен, — говорит он спокойным, но чужим голосом.

Ерёменко перевязывают, ведут к машине. Генерал-полковник приказывает шофёрам по одному на полной скорости проскочить через поле и ждать вне зоны обстрела. Всей группе пройти лесом туда же и продолжать путь. Офицеры на ходу продолжают обсуждать создавшуюся обстановку…

Судя по тому, как ложились снаряды разных калибров, можно было предположить, что ведётся заранее подготовленный огонь, а не огонь случайно ставшей на позицию батареей. Темп стрельбы, его направленность подсказывали, что огонь вёлся не в целях временной обороны, а скорее в интересах наступления. Но какими силами? Ведь немцы здесь разбиты. Ради чего и почему в этом направлении они пойдут в атаку?..

Мысль неустанно ищет ответа. Вспоминается Днепр. Он был форсирован танковым соединением генерала Кравченко, которое, не задерживаясь, преодолело и вторую водную преграду западнее Днепра — реку Ирпень. Тогда, чтобы спастись от катастрофы, немцы нанесли удар вдоль Днепра, стремясь отсечь "под корень" наши войска у переправ. Генерал Кравченко вернулся на восточный берег реки Ирпень и разгромом наказал врага за наглость.

Вывод: немцы повторяют опыт Днепра. Это — не попытка огнём случайной батареи или даже дивизионом задержать наше движение по шоссе, а оперативный план врага: ударом с фланга по единственной коммуникации танкового соединения сорвать форсирование Вислы. Хитрое и наглое решение. Для его осуществления у немцев есть дивизии, правда, битые, но они

остались на флангах нашего движения. Это закономерно. Мы стремились не прогнать (противника за Вислу, а разбить его, обогнать и выйти раньше немцев к берегу. Этот успех достигнут. Теперь необходимо его обеспечить с флангов, с тыла. Это не трудно сделать в борьбе с дезорганизованным врагом. Но у него в руках остались мосты на Висле и железнодорожная станция, куда он может подвезти свежие части с западного берега. Пойдут ли немцы на опасную для них затею? Ведь их частям грозит уничтожение на восточном берегу? Могут пойти. Для гитлеровских генералов характерно — не жалеть войска, бросая их на авантюру, тем более, что здесь она заманчива и кажется противнику единственным спасением. Ведь Висла — последний водный стратегический барьер на подступах к границам Германии. За Вислой до Берлина только Одер. Следовательно, можно ждать не только обороны немцев, а и наступления.

Генерал-полковник глядит на карту и приказывает вести разведку в сторону флангов и вперёд, усилить прикрытие фланга и подтянуть сюда отдельную часть, ещё дерущуюся у Перемышля.

* * *

Над Вислой властвовала тишина. Багрово-красное солнце опускалось за лесом на западном берегу и точно кровью окрашивало волны… Волны катились на север, к Балтике и тихо плескались у берега. Запоздалые ласточки резвились у берегов, снижались к волнам, точно купаясь в воде и в воздухе, а высоко над Вислой, в поднебесье, старые аисты учили парить свой выводок.

По обоим берегам Вислы, вдоль широкой поймы тянулась, насколько охватывал глаз, высокая дамба (по карте было видно, что она тянется на сотни километров), которой польские крестьяне оградили свои поля от разливов реки. Машина командующего поднялась на дамбу и двинулась вдоль берега.

Стоя в машине, генерал-полковник рассматривал местность. Войска соединения, вышедшие на восточный барьер, были почти не видны. Танки замаскировались в лесах и кустарнике. Шофёры и мотопехота отрыли в дамбе глубокие ниши. Люди и машины были защищены от снарядов и бомб противника.

Было ясно, что соединение опередило немцев и вышло на слабо обороняемый участок. Наша разведка действовала уже на западном берегу, правее; там же сосредоточивалось соседнее танковое соединение. Надо решительно и быстро передовым отрядом с хода форсировать реку, захватить и расширить

плацдарм, отразить контратаки врага (который будет пытаться сбросить нас в Вислу) и обеспечить переправу своих главных сил.

Наступление с форсированием является сложнейшей операцией. Река разъединяет части и тылы. Все переправы очень уязвимы для огня. Из-за этого порой возникает временный и даже длительный перерыв питания и эвакуации. Невозможен бывает манёвр резервами из глубины.

Форсирование Вислы, поскольку враг находился на обоих берегах, было вдвое сложнее и во много раз опаснее.

Перед генералом стояла труднейшая задача — быть сильным одновременно на обоих берегах. И чем успешней будет итти форсирование, чем больше войск будет на западном берегу, тем, понятно, меньше их останется на восточном берегу, тем опаснее будет их положение, особенно к концу, когда здесь останутся одни тылы. Мысленно генерал обращался нз запад, где враг готовил контратаки и куда соединение должно было наступать, решая свою главную задачу. Думал он и о востоке, где противник мог парализовать решение этой главной задачи ударами с тыла — на север и на юг, так как на флангах соединений оставались части противника. Всё это было трудно и опасно, но закономерно. Танкисты знали, что сзади идут стрелковые соединения, но пока, вырвавшись вперёд, они должны были оберегать фланги и тылы своего соединения лишь собственными силами.

Так наши танковые соединения форсировали Дон у Калача под Сталинградом в расположении противника, так они преодолевали Днестр, Прут, десятки других больших и малых рек. И здесь, на Висле, танкисты шли намеренно на острую, опасную, но выгодную борьбу в глубине вражеской обороны. Генерал тревожился. Основные силы танкового соединения были в сборе на берегу, но одна отдельная часть ещё вела бой далеко на восток от Вислы. Соединение пришло на Вислу из-за Львова после тяжёлых маршей и боёв и, быстро выполнив задачу, достигло берега. А эта отдельная часть ввязалась в затяжную схватку.

Нельзя было ждать подхода всех частей. Это значило дать противнику возможность укрепиться по западному берегу. Танковое соединение получило приказ форсировать реку немедленно, в расчёте, что часть, еще дерущаяся на востоке, закончит там бой и быстро подойдёт.

Штаб чётко руководил форсированием. Расширял участок переправ, обеспечивал их от огня с земли и с воздуха, детально занимался техникой погрузки на паромы, в лодки, маневрировал средствами переправы, широко организовал сапёрные работы, прочно связавшись с авиацией прикрытия.

Одновременно штаб руководил развёртыванием сил за Вислой и боем отдельной части восточнее Вислы. Постепенно выводя её из боя, штаб послал второй приказ: скорее итти на переправы и прикрыть шоссе, ведущее на Вислу. С шоссе пришло сообщение, что враг действительно вёл наступление, но был отброшен, и шоссе свободно.

Но, как всегда бывает на войне, вместе с хорошими вестями пришли тревожные. Группы немецких танков с автоматчиками появились в новых пунктах. Движение противника на нашем фланге усиливалось, хотя и медленно, точно ощупью.

Соединение продолжало переправу. Вскоре противник открыл её, и начался жестокий артиллерийский обстрел. Появились немецкие самолёты, и воды Вислы забурлили от взрывов.

Снесло причалы. Паром был разбит. На дно реки ушло два танка. Кровь наших сапёров окрасила песок на берегу. Над Вислой наши истребители схватились с немцами. По огневым позициям врага ударили гвардейцы-миномётчики. Низко над водой и берегами плыла дымовая завеса, прикрывавшая движение наших войск. Враг был подавлен. Всё утихло. Сотни рыб, убитых взрывами, плыли по течению, качаясь и серебря волны.

Но враг не унялся. Он налетел ночью. В тёмном небе повисли его осветительные "фонари". С земли неслись частым пунктиром трассы пуль, трепетали огни зенитных батарей. У переправ горели сёла, скирды соломы. Зарево пожаров отражалось в воде, и казалось, что горит Висла. Но из укрытия на восточном берегу выходили наши танки; рота за ротой, батальон за батальоном переплывали реку на паромах и скрывались в лесу на противоположном берегу. Им на смену выскакивали мотоциклисты; артиллеристы накатывали свои машины и орудия на понтоны и плыли. Сапёры неустанно строили, чинили. Гул напряжённого труда под старое "эй, ухнем" и короткие армейские команды звучал над широкой речной гладью.

Штаб использовал каждую минуту рейсорасчёта. Плановая таблица переправы осуществлялась.

С каждым часом всё успешнее шло форсирование. И с каждым часом всё опаснее становилась обстановка на восточном берегу.

* * *

Штаб расположился в лесу, западнее городка Майдан, рядом с шоссе, по которому на переправы безостановочно шли части и тылы. В лесу за городом развернулись госпитали. Офицеры связи дежурили, чтобы встретить передовые подразделения нашей

части, заканчивавшей бой у Перемышля. Промчался на машине начальник штаба генерал Бахметьев. Он спешил встретиться на марше со штабом шедшего за нами стрелкового соединения и координировать усилия на обоих берегах.

Сведения о появлении новых групп противника поступали со всех сторон. Обстановка усложнялась и была неясна. Так бывает при действиях в расположении врага. Командующий всё ускорял форсирование. Неясность обстановки не значит, что надо остановить войска до выяснения, но требует вести их так, чтобы отразить любую неожиданность. Для этого наша отдельная часть и спешила к переправе с востока. Она либо подоспеет раньше и прикроет переправу, либо противник нанесёт удар — вот что решало дело. В этот момент в штаб донесли, что автоматчики и танки немцев ворвались в Майдан. Быстро были приняты меры. Но на войне, как на войне: не всё бывает гладко. В манёвренной войне удары падают внезапно. Офицеру штаба танковых частей надо обладать большой выдержкой. На войне побеждает не только тот, кто умеет нанести внезапный сокрушительный удар, но тот, кто способен выдержать и ответить на встречный удар.

Опыт войны учил советских офицеров сразу видеть размер опасности, её возможные последствия и проявления. Воображение офицера штаба могло представить, как вражеские танки врываются в район госпиталей и от руки немецких извергов гибнут наши раненые, врачи и сестры. Не было сомнения, что скоро Майдан опять освободят. Но если даже не надолго прекратится питание войск резервами, снарядами, горючим, наши части за Вислой почувствуют в бою удушье и будут драться в неравных и невыгодных условиях.

Развив успех, противник вынудит менять командный пункт штаба, что сразу усложнит его работу.

К городу Майдан была двинута часть самоходной артиллерии, способная пока сдержать противника. Все тыловые учреждения приведены в готовность к бою — для них это обычно: тылы танкистов в глубоких операциях дерутся часто.

Разведка уточнила и донесла, что в Майдане не много немецких танков и пехоты. Но тут же поступили донесения, что на обоих флангах немцы начали атаки. Разведчики добыли "языка", который оказался обер-ефрейтором штурмовой пехотной дивизии "Бис". Пленный сообщил, что дивизия "Бис" заменяет такую же штурмовую пехотную дивизию, полностью уничтоженную. Она переброшена на восточный берег Вислы, чтобы вместе с оставшимися здесь частями отбросить русских от переправы и обеспечить их уничтожение за рекой. Пленный видел на станции 130 танков, двинувшихся к переправам. Это совпадало

с данными, полученными из другого источника, о 60 немецких танках. Примчался запылённый офицер артиллерийской части, оборонявшей с фланга переправы, и доложил, что три часа назад артиллеристов атаковали "тигры". Идёт тяжёлый бой.

Атаки танков отражены, но немецкие автоматчики пробрались лесом и окружают батареи. Артиллеристы решили драться в окружении и ждать поддержки.

В последнем сообщении говорилось, что десять "тигров" движутся лесной дорогой на командный пункт штаба соединения. В хату доносится стрельба. Слышны удары противотанковых орудий, дробь пулемётов. Дерётся охранение штаба испытанное подразделение. Вспыхивают бои на новых направлениях. В тылу, где расположен город Майдан, бьёт артиллерия. Неподалёку к лесу поднялось зарево пожаров. Теперь уже не в воображении, а непосредственно видна опасность, грозящая и переправам, и тылам, и штабу…

Проще всего, казалось бы, вывести штаб на новый, безопасный командный пункт. Но это отдалит его от войск, нарушит управление. Штаб танковых частей не переменит места в целях самосохранения — он почти всегда работает с войсками в зоне боёв и смерти, уверенный, что свои части всегда его прикроют. В близости штабов к войскам на поле боя — их относительная безопасность и твёрдость управления. Спокойствие и выдержка в таких боях необходимы штабу. Штабные командиры не раз меняли командный пункт, когда немецкие танкисты уже врывались в те улицы, где штаб работал. Он продолжает уверенно работать и сейчас. Раненый полковник Ерёменко не покидает штаба, руководя оперативной работой.

Вернулся и начальник штаба генерал Бахметьев. Он рассказывает, как ушёл на "виллисе" от немецких автоматчиков, перехвативших шоссе. Для генерала это было менее опасным испытанием, чем в предыдущую операцию. Тогда соединение так стремительно пошло вперёд, что штаб, дабы не нарушить управления, перемещался на самолётах. В воздухе два "мессершмитта" подожгли штабной "У-2". При посадке он "скапотировал", и генерала выбросило в рожь…

Приезд начальника, его спокойствие внесли в работу штаба ещё большую уверенность и деловой расчёт. Шло уточнение обстановки, чтобы отделить истинные данные от ложных слухов. Разведчики на бронемашинах искали новых данных. Выяснилось, что 60 замеченных немецких танков являются не какой-либо отдельной группой, а частью тех, которые видел пленный.

Кстати, нужно ли верить пленному? Может быть, он путает намеренно или врёт в угоду нам, в обоих случаях создавая

ложную картину? Но сколько раз на войне незаметный как будто бы факт выявлял всю обстановку. Показаниями пленных нельзя пренебрегать.

Штаб военно-воздушных сил ещё раз подтвердил, что выгрузки эшелонов с танками не происходило. Значит, на этом берегу не новая танковая дивизия, а танки четырёх дивизий, с которыми мы уже дрались раньше.

Действительно, дивизия "Бис", укомплектованная по штату полностью, является серьёзной силой. Она заканчивает выгрузку, чтобы вместе с другими уцелевшими частями атаковать наши войска. Всего на восточном берегу собралось у немцев до трёх дивизий пехоты и танков

С карандашом и циркулем в руках в штабе ведут расчёт движения немцев. Зная, сколько поездов пропустит станция и день начала выгрузки, можно сказать, когда дивизия будет готова к выступлению. Сейчас она ещё не вся собралась, и наступают её передовые части, но к утру, как можно предположить, учитывая расстояние дороги и ряд новых данных разведки, завяжется серьёзное сражение. К утру здесь будет наша часть, которая вышла из боя у Перемышля и форсированным маршем движется сюда; она выбьет противника из Майдана и, безусловно, даст отпор дивизии "Бис" и танкам…

В эту минуту поступает радиограмма. В районе, где идёт эта часть, льёт дождь, реки поднялись, водой снесло все низководные мосты, наведённые вместо постоянных, взорванных немцами. Сапёры, мотопехота и танкисты наводят новые мосты, но к утру, к бою не успеют. Мотопехота появится лишь в полдень, а танки — к вечеру. Это значит, что они придут, когда, возможно, наши части будут уже раздавлены огромным перевесом сил противника.

С минуту в штабе длится мёртвое молчание. Каждый ищет новое решение. Опять звонок по телефону. Генерал-полковнику докладывают обстановку с западного берега. Там наступление развёртывается успешно… Какие думы обуревают генерала, какие вопросы ждут решения? Может быть, враг намеренно заманивает нас дальше, чтобы потом отсечь от переправы по западному берегу? Вряд ли. Немцы знают, что захваченных плацдармов Красная Армия не сдаёт. Танкисты этой части дрались в двухстах метрах от правого берега Днепра и то не отдали плацдарма. Может быть, следует, учитывая положение на восточном берегу, остановить войска на западном?.. Нет. Ни на час… Вперёд! На запад!.. Надо учитывать, что если тебе тяжело, то и врагу не легко. Надо представить себе, что значит для него, столько раз битого, наше движение на запад, отбрасывающее расположенные там немецкие войска от войск, оставшихся восточнее Вислы. А

главное — не упускать инициативы.

Но нужно иметь большую силу воли и веру в стойкость своих войск, чтобы в этой обстановке отдать приказ продолжать наступление. Оно продолжится, и к вечеру страна узнает о новых освобождённых пунктах. А на восточном берегу нужно искать других решений. Время идёт. Ночь коротка. Немцы накапливаются в лесу и ждут рассвета.

* * *

Решено из части, которая остановилась у разрушенных мостов, взять только танки, посадить на них десант пехоты, дать им иной маршрут, более длинный, но через уцелевший мост. Это потребует от командиров и водителей танков нового напряжения. Успех решит даже не бой — в нём нет сомнения, — а график марша. Высчитано, что на новом маршруте тайкам нехватит горючего. И тылам приказано пробиться с цистернами навстречу танкам. Просчёты в возможностях танкистов, в анализе маршрута — просчёты циркуля — грозят потерями соединению и срывом боевой задачи.

Решение принято, но связь с частью нарушилась. Что с ней случилось, никто не знал. Тогда с аэродрома в ночную темь поднимается офицер связи. Ему приказано найти танкистов, лично провести их по новому маршруту и поставить к утру на направление удара.

Этого мало. Сила нашего движения на запад в том, что оно совершается могучими соединениями всех родов войск. Сложность обстановки на фронте для одного из них компенсируется продвижением соседних, точно так же как общая удача не исключает гибельной опасности для какой-то части войск. Так и сейчас… Сделав всё, что было в его силах, штаб обратился за помощью к соседям. Радио связало начальников штабов соединений Бахметьева и Шалина. Они приняли меры. Вышестоящий штаб следит за обстановкой, координирует усилия соединений.

На Майдан пошли с востока танкисты — герои Прута и Днестра. Южнее двинулось стрелковое соединение. Руководимые по радио, скрытые лесами, по просекам шли ночью боевые части 1-го Украинского фронта и к утру развернулись. Офицер связи нашёл нашу часть, донёс, что график марша выдержан и голова колонны

танков подходит с юга к Майдану. Штаб ВВС сообщил, что ночные самолёты фронта жгли станцию, тыл и танки немцев. В

этот момент потребовали из штаба фронта доложить об обстановке…

Начальник штаба доложил о выходе частей в указанный район, о готовности отбить противника. "Этого мало. Теперь ваша задача — разбить противника и уничтожить его полностью восточней Вислы", — приказали из штаба фронта.

Брезжит рассвет. Сон валит с ног. Над картами у радио работают в лесной сторожке штабные офицеры. По полям, в лесу сводились наши части. За лесом розовел восток, видно было зарево пожара на севере и юге. Беззвучной тенью промелькнула и пропала последняя летучая мышь. Потом запели птицы. И грянули тяжёлые орудия.

* * *

В тот день Совинформбюро сообщило о ликвидации плацдарма немцев на правом берегу Вислы, от устья реки Сан до Тарнобжега. И завязались новые бои на левом берегу за расширение мощного плацдарма на Висле у Сандомира.

На Висле

Прорыв к морю

1. Замысел

В ходе Великой Отечественной войны наступил момент, когда перевес сил на фронтах перешёл к СССР и создались прочные предпосылки для полного разгрома гитлеровской Германии.

Но благоприятные возможности на войне сами по себе ещё не приводят к победе. "Победа не даётся без борьбы и напряжения. Она берётся с боя", сказал товарищ Сталин.

Чувствуя приближение своего конца, фашистская Германия отчаянно сопротивлялась. Гитлеровское командование стремилось создавать сильные оперативные группировки на важнейших направлениях, строить мощные укреплённые полосы, чтобы обескровить и задержать Красную Армию, не допустить её в глубь своей территории.

Прорыв немецкой обороны, совершённый войсками 1-го Прибалтийского фронта при содействии войск 3-го Белорусского фронта в начале октября 1944 года и обеспечивший им выход к Балтийскому морю, — один из выдающихся образцов военного искусства Красной Армии.

В результате летнего наступления (войска 1-го Прибалтийского фронта овладели городами Шауляй и Митава, подошли к Риге с юга и юго-востока, рассекли важнейшую коммуникацию Рига — Шауляй — Тильзит, связывавшую Прибалтику с Восточной Пруссией. В то же время немцы были изгнаны из Финляндии. Прибалтика была очищена от врага вплоть до северных и северо-восточных подступов к Риге, а войска Белорусских фронтов подошли к границам Восточной Пруссии. Казалось, что после таких поражений для немцев оставался один исход — полностью очистить Прибалтику, где им грозила опасность быть отрезанными от Восточной Пруссии и прижатыми к морю. Но враг не пошёл на это. Оставаясь в Прибалтике, гитлеровское командование стремилось прикрыть северный стратегический фланг Германии, обнажавшийся после поражения немецких войск летом 1944 года. Противник всеми силами удерживал в своих руках порты Ригу, Виндаву, Либаву и Мемель, которые отделены от северных германских портов всего несколькими часами морского пути.

Продолжая оказывать сопротивление в Прибалтике, северная группа немецких армий ещё опиралась своим левым флангом на

рижский плацдарм. Она прикрывала с севера Восточную Пруссию и в то же время нависала над правым флангом наших войск, сосредоточенных против Восточной Пруссии, грозя им фланговыми ударами, если они двинутся на запад. Удерживаясь в Прибалтике, гитлеровцы продолжали вести пропаганду о "войне за пределами Германии". Немецкое командование старалось сковать как можно больше сил Красной Армии в Прибалтике, чтобы создать себе возможность для оборонительных действий и подготовить свои контрудары.

В Прибалтике находилось около четырёх десятков дивизий, занимавших достаточно большую территорию, чтобы вести крупные операции. Леса, болота и озёра, образующие ряд выгодных для обороны дефиле, реки, текущие параллельно фронту, множество деревень и хуторов — всё это способствовало созданию сильной, широко разветвлённой системы укреплений. Три мощных рубежа обороны обеспечивали противнику возможность прочно держаться в Прибалтике между Ригой и Тильзитом.

Вместо перерезанной нами у Шауляя железной дороги, соединявшей Ригу с Тильзитом, немцы спешно строили железнодорожные перемычки для связи Риги с другими прибалтийскими портами и Восточной Пруссией. Ряд дорог, ещё оставшихся у противника, позволял ему осуществлять тактический манёвр и взаимодействие северной и центральной групп армий. Порты Риги и Мемеля, имеющие линии причалов протяжением в десятки километров, позволяли перебрасывать подкрепления и снабжать войска в Прибалтике.

Войскам северной группы немецких армий было приказано — под страхом расстрела солдат и репрессирования их семей — держаться, пока не подойдут новые подкрепления, сформированные в Германии. Вместо таинственно пропавшего командующего северной группой генерала Линдемана Гитлер назначил своего ярого приверженца генерала Шернера. В подкрепление к дивизиям, отошедшим из-под Ленинграда и из Финляндии н уплотнившим фронт южнее Риги, были переброшены танковые дивизии из Восточной Пруссии. Больше того, гитлеровское командование перебросило из Румынии в Прибалтику танковый корпус. Командир этого корпуса генерал фон Кноппельсдорф отдал категорический приказ: не только обороняться, но и "отбросить большевиков от границ Германии".

Собрав мощную группировку в составе 800 — 1 000 танков и самоходных орудий, противник бросил её в контрнаступление, пытаясь снова захватить Шауляй, восстановить коммуникацию Рига — Тильзит и одновременно ударами с трёх направлений

отрезать войска 1-го Прибалтийского фронта, приблизившиеся к Риге. Со времени немецкого контрнаступления на Киев поздней осенью 1943 года это был один из самых крупных танковых контрударов немцев на советско-германском фронте.

Гитлер пытался остановить неумолимо развивающийся ход военных событий и повернуть его в свою пользу. В районе Шауляя завязались жестокие танковые бои, в результате которых немцы добились ничтожного продвижения на отдельных участках, потеряв сотни танков. Затеянная ими операция провалилась.

Потерпев неудачу, гитлеровское командование ещё больше внимания сосредоточило на укреплении рижского плацдарма. На Ригу — крупнейшую военно-морскую базу и мощный узел неприятельской обороны в Прибалтике опирался крайний левый фланг северной группы немецких армий. Там были сосредоточены её основные силы. Глубоко эшелонированная оборона была до предела насыщена войсками. На отдельных направлениях каждая немецкая пехотная дивизия занимала шесть

километров по фронту — плотность, вдвое превышающая немецкие уставные нормы. В последнее время, с истощением немецких резервов, это являлось единственным примером.

Гитлеровцы рассчитывали, что советское командование будет искать оперативных решений именно на рижском плацдарме. Расположение наших Прибалтийских фронтов, полукругом подошедших к Риге, давало возможность ударом с юго-востока, через Тукумс к заливу отрезать немецкие войска на рижском плацдарме. Предпринимавшиеся на этом направлении наши атаки ещё больше насторожили немцев, и они сосредоточили здесь свои танковые дивизии. Танки должны были отразить удар войск 1-го Прибалтийского фронта или обеспечить немецким войскам отход из Риги — через коридор между заливом и Тукумсом.

Но замысел Верховного Главнокомандования Красной Армии был иным. Основной удар 1-го Прибалтийского фронта наносился не на Рижском, а на Мемельском направлении. Был дан приказ прорвать немецкий фронт у Шауляя, выйти к морю у Мемеля, перерезать все вражеские коммуникации, соединяющие Прибалтику с Восточной Пруссией.

С выходом наших войск к Мемелю отсекались не только немецкие дивизии, сосредоточенные у Риги, но вся северная группа и часть центральной группы армий, не только их живая сила и техника, но и все тылы и базы. Создавалась возможность прижать немцев к морю, взять в клещи и фланговыми ударами разгромить их группировку в Прибалтике. Стальной невод Красной Армии раскидывался широко, на всю ещё занятую

немцами Прибалтику, захватывал надёжно и глубоко одну пятую всех дивизий Гитлера, действовавших на Восточном фронте. Для осуществления этого смелого и глубокого замысла требовалась перегруппировка наших Прибалтийских фронтов. В движение приводилась огромная масса войск. Вместо движения на север она поворачивала на юг и затем на запад для удара в сторону Мемеля.

Перед командующим 1-м Прибалтийским фронтом генералом армии Баграмяном встала задача — в кратчайший срок подготовить новую операцию, требующую молниеносного марш-манёвра на 100 — 150 километров в сторону фланга и наступления на 100 — 150 километров в глубь обороны противника, к Балтийскому морю.

Надо было иметь перевес сил, обеспечивающий прорыв обороны, и достигнуть внезапности, без которой трудно добиться успеха в современной операции. Сосредоточение крупных сил при сохранении внезапности нападения требует высокого мастерства. В истории военного искусства встречаются разительные примеры того, как гибли целые армии, не обеспечившие внезапности при наступлении. В первой мировой войне потерпели крах грандиозно задуманные операции французского генерала Нивеля в 1917 году, и сотни тысяч убитых и раненых солдат оказались напрасными жертвами.

Сейчас задача заключалась не только в том, чтобы скрытно перебросить силы с Рижского (Тукумского) направления на Шауляйско-Мемельское, но и в том, чтобы укрепить в противнике убеждение, что ударная группировка 1-го Прибалтийского фронта попрежнему у Риги и готовит удар через Тукумс к заливу.

Движение массы войск 1-го Прибалтийского фронта надо было скрыть от наземной и воздушной разведки, что само по себе являлось исключительно трудной задачей: надо было одновременно сбить с толку немецкую разведку, чтобы она, даже обнаружив отдельные передвижения наших войск, не разгадала их назначения.

Накануне перегруппировки штаб немецкого танкового корпуса, оценивая диспозицию наших войск, писал: "До тех пор, пока данное положение является фактом, не следует ожидать на фронте корпуса неприятельского наступления с далеко идущими целями. Возможны атаки местного значения с целью сковывания наших сил или улучшения своих позиций". Немецкие штабы считали это положение неизменным и просчитались в самом важном — определении направления главного удара.

Мало кто знает, сколько напряжённых суток провели генерал Курасов и офицеры 1-го Прибалтийского фронта,

разрабатывавшие и руководившие блестящим марш-манёвром. Мало понятен сухой термин "график марша", но это был график победы. Этот график регулировал движение десятков дивизий и корпусов, десятков тысяч подвод и машин, тысяч танков и орудий. Если бы всю эту массу людей и техники поставить в одну походную колонну, её голова была бы у Мемеля, а хвост далеко за Москвой.

Марш совершался только ночью, десятками колонн по разным маршрутам, но так, чтобы они нигде не скрещивались, двигались достаточно быстро, с учётом и сухой дороги, и грязи, с расчётом ёмкости маскировочных средств на дневных привалах. Были установлены незыблемая дисциплина ночного марша и строгий "дневной лимит" движущихся машин.

Разветвлённая комендантская служба и строгий контроль офицеров на всех путях обеспечивали марш. Ещё строже был поставлен контроль с воздуха. Ни одна неприятельская разведка не искала так наших колонн, как искали их на самолётах наши офицеры. При обнаружении малейшей демаскировки в колонну бросали вымпел с приказом замаскироваться. Комендантские посты на земле принимали меры, и в предрассветной мгле колонны бесследно исчезали с дорог, чтобы в следующую ночь беззвучно сняться и продолжать марш.

Наши наблюдатели заметили, что из 30 разведывательных полётов противника 26 попрежнему проходят в районе Риги. Наша глубокая разведка проникла от переднего края до моря и подтвердила, что противник не раскрыл нашего манёвра и на направлении главного удара попрежнему нет немецких резервов.

Оперативная внезапность была достигнута, и мощная ударная группировка сосредоточилась на левом крыле 1-го Прибалтийского фронта против наиболее уязвимого участка немецкой обороны.

2. План

Когда стратегический замысел и направление главного удара определились, а силы сосредоточились, командующий фронтом напряжённо, до деталей, продумывал план предстоящей операции. Операция должна была начаться с прорыва фронта немецкой обороны. Осуществление прорыва — чрезвычайно сложная проблема.

В современной войне наступающий стремится решить исход борьбы манёвренным наступлением, ударом во фланг и тыл, охватом и окружением. Обороняющийся противопоставляет этому

организованный фронт обороны. На службу обороне призываются военная техника, производственные возможности промышленности, инженерные сооружения. Рубеж обороны прикрывается всеуничтожающей силой и главной силой обороны — огнём.

Сила огня проявилась ещё в первой мировой войне. Попытки прорыва тогда заканчивались потерей сотен тысяч людей, но к успеху не приводили. Позиционная война вела к медленному взаимоистреблению и ничтожным успехам в боях за какую-нибудь безымянную высоту. Ни таранные удары Людендорфа, ни грандиозные наступления союзников не решили проблемы оперативного прорыва.

Сплошной фронт существует и теперь. Его неизбежно приходится рвать, чтобы обнажить фланги врага, проникнуть в глубь его обороны и разгромить вражеские силы. Без тактического прорыва и разгрома укреплённых рубежей обороны нет и оперативного манёвра.

Как и в первой мировой войне, траншея — главное, на что опирается оборона пехоты. Помимо траншей, оборона строится на опорных пунктах и узлах сопротивления. Всё это кажется простым и нехитрым, даже устаревшим в наш век тяжёлых танков и скоростных самолётов. Но, как и встарь, земля, траншея лучше всего хранит от пуль, снарядов и бомб. Одновременно более широкое развитие получила долговременная оборона, базирующаяся на железо-бетонных сооружениях. Вся эта оборона до предела насыщена огнём. Известно, что даже несложное оружие, применённое в массовом масштабе, наносит колоссальный урон противнику, — пулемёт, применённый в массовом количестве, остановил в первой мировой войне наступающую пехоту. Тем более это относится к нынешним сражениям, в которых во сто крат возросла сила автоматического огня и хчаствуют тысячи орудий, танков, самолётов.

* * *

Командующий фронтом, продумывая план предстоящей, операции, прежде всего определял действия пехоты. Наступающий пехотинец сталкивается со всей мощью неприятельской обороны и всей силой её огня.

В дыму разрывов боец бежит к проходу в минном поле, который проложили для него сапёры и даже обозначили указками на переднем крае. Хорошо, если указки не снесло взрывами, а сам проход не взят врагом под обстрел. Личный опыт и чёткая

организация сражения, мощная техника наступления помогают бойцу и в этом случае. Он ползёт, а впереди — колючая проволока. Он мог бы рассечь проволоку лопатой, подорвать гранатой, разрезать ножницами, пролезть под ней, но проволочный барьер минирован. Разгадав, где скрыта мина, преодолев и это препятствие, пехотинец бросается на бруствер немецкого окопа, чтобы завязать рукопашный бой.

Нет трудностей, которые остановили бы советского бойца, хотя преград в наступлении очень много. На важнейших направлениях немцы применяют танки и авиацию для контратак. Пехотинец врывается в траншею с гранатой, бежит вдоль неё и наталкивается на рогатки, брошенные немцами, чтобы изолировать занятую русскими часть траншеи, задержать наступающего, а самим по ходам сообщений убежать во вторую, в третью траншею. И, только выбив врага из третьей траншеи, выгнав его в поле, выравнивает пехотинец условия боя. Но вот дальше, за траншеями, на высотах или в населённом пункте — опорный пункт, куда убегают немцы из траншей, где офицеры собирают их, присоединяют к резерву и гонят в контратаку.

Всё это вставало перед мысленным взором командующего фронтом, и он направлял на помощь пехотинцу всю мощь военной техники, готовил к удару тысячи орудий, танков, самолётов. Они должны были предельно обезопасить наступающего воина. Им ставилась задача — расчистить пехотинцу дорогу, уничтожить или подавить немецкую пехоту, засевшую в траншеях, разбить и подавить ручные и станковые пулемёты, разбить и подавить миномёты и орудия обороны, парализовать в зародыше или отразить контратаку немцев.

Трудность этой задачи станет ясной, если учесть, что даже в первой мировой войне на километр фронта выбрасывалось в среднем до 30 тысяч снарядов, и всё же не все огневые точки обороны были подавлены. Наконец, помимо всего, наступающему необходимо подбить и поджечь немецкие танки и подбить или разогнать немецкие самолёты в воздухе.

Требуя от пехотинца напряжённых усилий при прорыве обороны, командующий фронтом обеспечивал его действия, оберегал его жизнь всей силой современной техники.

* * *

Сталинская военная наука решает задачу прорыва фронта на основе взаимодействия всех родов войск. Организованы могучие авиационные, танковые, артиллерийские соединения. Впервые в

истории военного искусства у нас появился метод артиллерийского наступления, причём первоначальный удар по обороне врага наносится массированным огнём многих сотен и даже тысяч орудий.

Основательно и всесторонне, с учётом всего опыта войны, разработана тактика прорыва вражеского фронта. Удары наносятся на отдельных участках, которые раскалывают фронт, взламывают оборону и, действуя иногда по сходящимся, иногда по расходящимся направлениям, дробят силы противника, окружают их и уничтожают.

В то время как часть наступающих продолжает наступление прямо перед собой, крупные силы поворачивают направо и налево и, применяя новый военный термин, "сматывают" фронт обороны.

В образовавшиеся бреши устремляются танки и мощные стрелковые соединения последующих эшелонов, наращивающие силу удара. Открываются широкие просторы для манёвренных действий на полное уничтожение войск противника.

Вооружённый сталинским военным искусством, вооружённый могучими средствами наступления, командующий фронтом уточнял решение поставленной задачи. Фронт было решено прорвать на участке, вклинившемся в оборону противника западнее Шауляя. Здесь были сосредоточены тысячи орудий. Сюда нацеливались удары с воздуха авиационных полков и дивизий. Здесь построились для наступления три мощных стрелковых соединения. Направления их ударов должны были сойтись на определённом рубеже, но далее они расходились веером: на северо-запад к Либаве, строго на запад к Мемелю и на юго-запад к Тильзиту.

Путём такой организации наступления наших войск разворачивалась широкая брешь в немецкой обороне, и Прибалтика отсекалась от Восточной Пруссии. Но в то же время наступающие уклонялись от строгого направления на запад. Возникало противоречие между желанием расширить брешь и стремлением пробиться в глубину, где таились новые рубежи обороны противника. Это противоречие решалось глубоко эшелонированным построением войск. Позади трёх стрелковых соединений было сосредоточено мощное танковое соединение с задачей стремительно войти в прорыв и наступать на запад, к морю. Наращивая силу ударов, за танками следовали свежие стрелковые части.

На карте появилась схема наступления. Силой воображения генерал армии представил себе динамику сражения.

Карта местности ожила перед ним. Дороги, лощинки, хутора, высоты, ручьи… Стояли порыжевшие по осени леса, текли реки, и

генерал прослеживал их очертания и особенности. Топографические горизонтали чётко определяли рельеф местности. Командующий отметил на карте расположение войск противника, обнаруженных нашей разведкой.

Генерал Баграмян подсчитал всё, что немцы могли противопоставить наступлению: количество дивизий и их состав, число танков и самолётов, мощность огня орудий, миномётов, пулемётов, автоматов… Он вскрыл пункт, в котором особенно растянут немецкий фронт обороны, продумал, как заставить служить себе и местность и ошибки противника, продумал, как и чем его уничтожить. Все необходимые силы и средства для этого генералу были даны страной, Верховным Главнокомандованием. Эти силы были способны уничтожить немецкую пехоту, закопавшуюся в землю, заставить её согнуться, отказаться от борьбы, довести до безумия. Эти силы были способны смести всё с лица земли. Но эти силы надо было правильно расставить и умело привести в действие.

* * *

Расстановка сил перед сражением — построение боевых порядков для наступления — было первой и важнейшей задачей. Это обеспечивало постоянное и непрерывное превосходство в силах над противником на всех этапах операции.

Далее генерал планировал ход наступления, его динамику. Определялись темп и сроки достижения рубежей, распределялись задачи артиллерии, танков, самолётов. Теперь наш пехотинец не остаётся одиноким, теперь в нужный момент на немцев обрушится тяжесть удара всех средств могучей советской техники.

Но и этого было мало. Обстановка могла резко измениться. Генерал хотел, чтобы весь развёрнутый по плану наступления боевой порядок мог быть в любую минуту боя в глубине вражеской обороны перестроен по приказу с командных пунктов. Он добивался предельной управляемости войсками.

Наступающим придётся иметь дело с сильным и хитрым врагом. Войсками противника в Прибалтике командовал опытный генерал Шернер. Командующий фронтом, опираясь на всю сумму разведывательных данных, стремился предугадать действия немецкого командования.

Генерал Баграмян предвидел, что первой мерой противника будет попытка закрыть брешь. Он бросит для этого свои танковые дивизии. Поэтому надо успеть расширить брешь до их подхода и

в то же время силами танковых соединений генералов Васильева и Буткова преградить путь немецким резервам.

Противник попытается ударами во фланг остановить наступающих. Разгорится борьба на флангах. Поэтому надо, чтобы стрелковые соединения успели развернуться в сторону флангов, и таким образом немцы встретят при контратаке прочный фронт наступающих частей.

Генерал Баграмян ясно представлял себе, как Шернер попытается затем занять резервами второй рубеж, подготовленный к обороне. Если это ему удастся, то всё придётся начинать сначала. Тогда в глубине снова завяжется ожесточённая борьба при невыгодных для нас условиях. Поэтому надо, чтобы танкисты генерала Вольского достигли второго рубежа раньше, чем немецкие танкисты. Тогда там, на втором рубеже, где остатки бегущих с фронта немецких частей будут искать спасения, они найдут гибель. Наши войска, заняв рубеж, повернутся фронтом на северо-восток и встретят отступающих фашистов губительным огнём из их же укреплений. Наконец, немцы попытаются прикрыть дорогу вдоль побережья моря и сохранить себе путь отступления в Восточную Пруссию. Танкисты генерала Вольского должны и тут опередить врага.

Таковы в основных чертах были предпосылки, лёгшие в основу плана, разработанного командующим фронтом. Всю эту большую операцию генерал армии твёрдо планировал по срокам и по рубежам, обеспечивая непрерывное управление войсками, организуя постоянное взаимодействие могучих сил и огромных средств.

Так в напряжённой работе командующего фронтом и его штаба создавался план операции, осуществляющей смелый полководческий замысел.

3. Исполнение

Осенний рассвет медленно проникал сквозь мглу ночи, и когда, наконец, приоткрылась земля, сразу на всём фронте завязался бой. На всю глубину обороны противника обрушились наша авиация и артиллерия. Они прижали немцев к земле. Одновременно передовые батальоны пехоты с танками пошли в атаку. Генерал армии Баграмян следил с наблюдательного пункта за ходом боя. Отличные действия передовых батальонов, полная внезапность наступления заставили противника отходить из предполья поспешнее, чем обычно, и потому можно и нужно было на плечах противника ворваться в основную полосу его обороны.

За передовыми батальонами развернулись главные силы и сразу перешли в наступление. Они прорвали растянутый фронт противника. Немцы начали отступать. Наши радисты перехватили донесения командира немецкого полка, вопившего в эфир о том, что массы русских наступают широким фронтом и он не может устоять.

Именно в этот ответственный момент боя сказались внезапность и мощь ударов массы войск. Вслушиваясь в дыхание боя, генерал почувствовал, что хотя немцы ещё оказывают сопротивление, но оно ослабевает с каждым часом. Командующий фронтом приказал ввести в прорыв танковое соединение генерала Вольского, чтобы оно, "дорывая" неприятельскую оборону, проникло в её глубину.

!!!Незабываемо зрелище движения в прорыв больших масс танков под прикрытием развернувшихся для боя передовых отрядов. Главные силы соединения в густых предбоевых порядках и кильватерных колоннах неудержимо мчатся вперёд. Стальные потоки танков, самоходных орудий и бронетранспортёров стремительно катятся по дорогам и по целине, скрываются в лесу, стекаются у переправ в одну сплошную лавину и, снова растекаясь, грохочут по полям.

Левая колонна танков уверенно и быстро прошла зону неприятельской обороны и вырвалась на простор. Правая колонна в ходе наступления натолкнулась на отчаянное сопротивление немцев на реке Вента и развернулась для боя. Вот уже подбито 20 немецких танков. Но эта схватка грозит потерей темпа наступления. Командование приказывает командиру оставить немцев на расправу пехоте, а самому выйти из боя, свернуть с заданного маршрута и двинуться вслед за левой колонной наших танков. Это — сложный манёвр в ходе боя. Он может привести к хаосу, если им не руководить гибко и умело. Удвоенное движение по маршрутам, уже насыщенным войсками, может парализовать всё движение. Тем не менее манёвр был осуществлён чётко и успешно.

До штаба северной группы немецких армий, очевидно, докатились донесения о прорыве. На флангах, особенно на северном, развернулись напряжённые бои. Танкисты генерала Васильева, прославленные ещё в боях на Курской дуге, пехотинцы-сталинградцы генерала Чистякова успешно наступали на северо-запад. Танкисты генерала Буткова, гвардейцы-пехотинцы генерала Чанчибадзе стремились к Неману. Сражение, как степной пожар, охватило огромное пространство.

Несмотря на то, что у Шернера была сильная группировка танковых дивизий, удары наших соединений заставили его

расходовать эти дивизии по частям, бросать их с хода в бой, и их по частям уничтожали. Танковая дивизия "Великая Германия" получила приказ ударом у города Трищкяй задержать русских до подхода новых сил с севера.

Усилившееся сопротивление немцев на флангах, минные поля и взорванные мосты могли замедлить движение наших войск. Управление ими в глубине вражеской обороны усложнилось, особенно ночью в глуши и бездорожье Прибалтики. Возможно было затухание операции, а допустить его ни в коем случае было нельзя.

Две трети полков ведут бой днём, треть полков продолжает развивать успех ночью. Генерал Белобородов торопит свою пехоту. Танки генерала Скорнякова движутся на запад. Одни группы танков ведут бои, в то время как другие обходят очаги сопротивления, выходят в глубокий тыл, парализуя всю систему управления и питания немецкой обороны. Пехота набирает всё большие темпы. Войска проходят с боями по 25 километров в день.

В результате у противника на втором рубеже обороны повторяется то же, что и на первом, — растерянность от внезапности. Его резервы опаздывают и не успевают даже занять оборону. Сопротивление немцев на втором рубеже обороны было быстро сломлено. Наши солдаты видят барьеры колючей проволоки, траншеи вдоль всего фронта, сплошные минные поля, противотанковые рвы, тянущиеся буквально до самого моря. Все эти укрепления пришлось бы "прогрызать". Но благодаря стремительному движению вражеская оборона была сразу сломлена на всю глубину.

В ту ночь волны радио разнесли по свету приказ Верховного Главнокомандующего войскам 1-го Прибалтийского фронта, прорвавшим при содействии войск 3-го Белорусского фронта немецкую оборону на фронте в 280 километров и на 100 километров в глубину.

В штаб фронта прибывали сведения, что Шернер ещё пытается закрыть прорыв на первом рубеже. Это только подтверждало, что немцы потеряли управление и потому не знают истинных размеров опасности. Брешь в 280 километров уже определила дальнейший характер и качество операции.

Остатки разбитых немецких дивизий откатывались к морю. Туда же мчалась танковая дивизия "Великая Германия" с надеждой задержать русских на последнем рубеже.

Последний рубеж немецкой обороны на пути к морю проходил по западному берегу реки Миния. Немцы построили сильный узел сопротивления в городе Кретинген. В этом городе

сходились дороги от Риги и Виндавы к Мемелю. Единственная дорога вдоль побережья, соединяющая Прибалтику с Восточной Пруссией, была прикрыта укреплением у приморского городка Паланга.

Как ни велики были наши успехи, они ещё не означали завершения прорыва. Если бы противник удержал нас на этом рубеже, немецкие войска, прикрывшись рекой Миния, могли бы ускользнуть по сохранившимся дорогам в Восточную Пруссию.

Танкистам генерала Вольского была поставлена почётная задача: рассечь последнюю коммуникацию противника, прорваться к морю и отрезать северную группу немецких армий от центральной группы. В штаб соединения стекались данные об укреплениях Кретингена, о подходе подкреплений в Мемель и контратаках с юга, о сильной группе танков противника, двинувшихся с севера на правый фланг соединения, о высадке десанта с моря в район города Паланга. Густые прибалтийские туманы плотно висели над землёй, не давая нашей авиации вести разведку, и потому сведения были противоречивы. Неясность обстановки была обычным явлением для танковых соединений, вырвавшихся вперёд, которым всегда при этом грозят фланговые удары и выход противника в тыл соединений. Генерал Вольский решил всеми силами соединения прорваться к морю, и тогда немецкие атаки с флангов, хоть и опасные, будут бессильны отразить удар. То был законный и смелый риск, суливший быструю победу.

Танкисты ночью форсировали реку Миния. Утром, словно по заказу, уплыл туман и появилась наша авиация. Её встретили в воздухе немецкие "фоккеры" и, движущаяся стена зенитного огня береговых и корабельных пушек. В воздухе гудел бой. На земле наши танки перешли в наступление на Кретинген.

Всё, что оставалось у немецкого командования, сосредоточилось севернее Мемеля на подступах к морю. Наших танкистов встретили из засад "пантеры", самоходные орудия и курсировавшие бронепоезда. Танкистам противодействовала тяжёлая береговая и корабельная артиллерия противника. Чёрные, веерообразные стены земли вставали на пути наших танков, тяжёлые осколки, равные по величине снаряду, шумели над головами, вспахивали поле боя…

В этот момент, решавший исход операции, генералы непосредственно управляли боем. Отличительная черта нашего управления войсками в том, что наши генералы сами находятся на поле боя. Они направляют действия войск, стремясь всё лично видеть, мгновенно оценивать меняющуюся обстановку скоротечных боёв и на месте лринимать решения. На поле боя

они крепили взаимодействие стрелковых, танковых, воздушных соединений. Советские танкисты штурмом ворвались в Кретинген. Последний узел вражеских коммуникаций, дававший немцам возможность манёвра с севера на юг, был взят. Оставалось рассечь прибрежную дорогу. Танкисты ворвались в Палангу. Тускло блестя асфальтом, тянулась к северу последняя дорога из Прибалтики в Германию. Контрударами пехоты и танков с севера от Либавы к Мемелю и танковой дивизии "Герман Геринг" с юга от Тильзита к Мемелю гитлеровцы ещё пытались пробить коридор из Прибалтики в Восточную Пруссию. Но эти судорожные попытки были быстро ликвидированы. Теперь между немецкими войсками в Прибалтике и в Восточной Пруссии был разрыв, занятый войсками 1-го Прибалтийского фронта.

В эти дни на противника обрушились удары 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов. Немцев выбили из Риги и отбросили к Тукумсу. Теперь уже войска Шернера не грозили фланговыми ударами нашим войскам, нацелившимся для наступления в Восточную Пруссию. 1-й Прибалтийский фронт прикрыл фланг 3-го Белорусского фронта, перешедшего в наступление, и, нависая над Восточной Пруссией, вышел на берег Немана. На последней пяди нашей великой родины армии 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов зажали в клещи более 30 немецких дивизий.

* * *

Советские танкисты шли по тихим улицам города Паланга через окопы у санаториев и дач, и перед ними развёртывались картины панического бегства немецких колонизаторов, осевших в Литве.

В Приморском парке под клёнами танкисты похоронили своих друзей, отдавших жизнь за освобождение Советской Прибалтики. Жёлтые листья, кружась, ложились на свежие могильные холмы, под которыми похоронили павших героев. Живые думали о том, как после войны они вернутся к взморью и навестят эти родные могилы.

В прибрежных рощах затихла перестрелка. Провели пленных. Наши танкисты стояли на берегу моря. Она открылось победителям за дюнами, поросшими сухим, звенящим под ветрами ивняком. Туман, как занавес, поднялся, открывая тёмно-сиреневые морские дали Балтики. Море катило большие волны, казавшиеся издали стальными. У берега они мельчали, голубели, тихо плескались у ног танкистов. Легко дышалось на морском просторе. Легко дышалось от сознания победы. В порыве радости

танкисты черпали пригоршнями балтийскую воду, кричали "ура", грохочущими залпами нарушая безмолвье побережья.

Под грохот салютов танкисты налили морской воды в походную солдатскую флягу и на ней написали: "Москва. Кремль. Товарищу Сталину".

Берег Балтийского моря

Кантемировцы

То были решающие дни Великой Отечественной войны. Уже выдыхалось немецкое наступление на Сталинград, уже рабочий класс дал своей армии тысячи танков, и Сталин приказал свести их в мощные танковые соединения и двинуть в далёкие рейды, нанести ими глубокие, сокрушительные удары врагу.

Наступили бессмертные дни сталинградского наступления.

К этому времени гвардии старшина водитель танка Курнышев, впервые увидевший немцев в бою под Смоленском, уже прошёл жестокую школу войны. Её прошли бывший московский шофёр, пожилой водитель танка Николай Горин, бывший фрезеровщик Московского завода "Геодезия" Василий Чуйкин, Николай Андрушкевич, бывший тракторист Шалин и тысячи других.

В лютый мороз декабря 1942 года, когда над голубыми полыньями Среднего Дона клубился туман, на маленький плацдармик за Доном, у селения Мамон вышли танкисты генерала Полубоярова. Стрелковые части на ряде участков прорвали передний край обороты противника и уже дрались за углубление и расширение прорыва. Перед танкистами тогда были снега бескрайних задонских степей и сильно укрепившийся враг.

Перед ними была неизведанность первого рейда и далёкая цель: Кантемировка.

Генерал Полубояров ждал тогда от командующего фронтом генерала Ватутина сигнала "вперёд" и ещё и ещё раз перед вводом в прорыв старался представить себе, что ждёт его соединение в глубине обороны врага.

Он должен был вести своё соединение на внешнем правом фланге Юго-Западного фронта, левее шли его соратники — генералы танковых войск Баданов, Бахаров, Павлов, Русиянов.

Вместе с генералом ждали сигнала "вперёд" все танкисты, и, положив руки на рычаги, ждали сигнала водители. Они знали, что им предстоит в этой операции сыграть важнейшую роль, знали, что кругом будет враг, что ждут их неисчислимые, а главное, неизведанные препятствия, что при малейшей неисправности машины или перерасходе горючего она останется одиноко в открытой степи, ибо соединение, не задерживаясь, пойдёт дальше.

* * *

В 11 часов 30 минут по сигналу "вперёд" танкисты рванулись, пошли, проникли за передний край обороны и там наскочили на минные поля. Под глубоким снегом вмёрзли в землю противотанковые мины. Они рвались снизу, и танки косо оседали. Из-за скатов высот били противотанковые пушки, а сверху падали тяжёлые авиационные бомбы, от взрывов которых подпрыгивали танки. На снегу, почерневшем от копоти, горели танки, и донские ветры тянули над степью чёрные облака. В голове корпуса, под огнём снарядов и бомб, впереди, появился генерал Полубояров. Он отвёл танки назад. Сапёры и танкисты под огнём, кропотливо разрывая снег, извлекали мины и прорывались в глубину вражеской обороны.

Тогда у немцев ещё были крупные резервы, и день за днём, ночь за ночью на пути к Кантемировке грохотали бои. День за днём, ночь за ночью сидели за рычагами водители Чуйкин, Андрушкевич и сотни других.

Снег сквозь щели проникал в танк, слепил глаза, стыли танки, застывали до оцепенения люди, покрывались, как латами, льдом, их руки липли к рычагам, ноги в звенящих валенках примерзали к педалям. Дороги на Кантемировку были прочно прикрыты врагом, да и часто они заказаны танкистам: танкисты шли целиной по глубоким снегам, моторы танков перегревались, расходовали лишнее горючее. Танки могли не дои ти и превратиться в неподвижный обоз.

Обходя врага целиной, балками, танкисты ночью ворвались в Кантемировку. Её гарнизон был разгромлен, немногие немцы бежали по снегу в нижнем белье.

Одновременно с ударом на Кантемировку по донским степям веером разошлись танкисты других соединений на Тацинскую, Миллерово. Здесь, в глубоком вражеском тылу, они становились хозяевами театра военных действий. Впервые в истории танковых войск соединениям, сражавшимся в сталинградской операции, Сталин присвоил наименования, и имя "Кантемировская" с тех пор вышито золотом на знамени танковой дивизии.

* * *

Только одну ночь стояло соединение Полубоярова в Кантемировке и к утру получило по радио новый приказ наступать на юг. Кантемировцы ворвались в Краматорск и, наконец, в Красноармейское. Рассечена была последняя железнодорожная коммуникация немцев в Донбассе, потрясён их фронт. Глубина наступления достигла сотен километров.

Одновременно нарастал кризис борьбы. Чтобы избежать катастрофы, враг стянул вокруг Красноармейского все силы, подвёл танковые дивизии СС. Завязалась ожесточённая борьба. Загорались танки, но экипажи снегом засыпали огонь, тушили его шинелями и, потушив пожар, снова сражались или шли вперёд в горящем танке, стреляя, задыхаясь в дыму, или, выскочив из танка, сорвав друг с друга тлеющие телогрейки, дружно дрались в пешем строю. И, как часто бывает в зимних боях, в самый критический момент борьбы поднялась метель: снега замели пути, прекратился подвоз горючего и снарядов.

Отстаивая Донбасс, погиб командир бригады Шабанков, именем которого названа улица в Красноармейском, тяжело был ранен командир другой бригады Лихачёв.

Водитель Николай Горин получил приказ вывезти Лихачёва через расположение врага в глубокий тыл.

Глухая зимняя ночь… Вокруг снега и снега… Едва темнеет в степи накатанная дорога. И вдруг впереди из мглы навстречу танку Горина появилась колонна немецких машин и орудий. Секунда раздумья — и танк пошёл на таран. Головная автомашина долго не давалась, откатываясь, ускользала от гусениц, наконец, во что-то упёрлась и под гусеницами "Т-34" заскрежетало железо, засверкали огоньки загорающихся моторов, завопили немцы. Разворачиваясь вправо и влево, Горин ударами сбрасывал орудия с дороги в канавы прошёл по колонне и исчез в ночи, оставив за собой пылающую дорогу. Остерегаясь новой встречи с врагом. Горин свернул с дороги, пошёл целиной, обходя деревни и сёла; раненый комбриг по компасу давал направление. Но ориентиры сливались со мглой, глаза колол снег, глазницы ломила усталость, одолевал сон; сидящий рядом с Гориным радист крутил ему цыгарки в палец толщиной и длиной, чтобы хватило на 15–20 километров, но и крепкий табак не помогал. Наступала состояние, когда человеку кажется, что он не спит, мозг как будто работает, руки и ноги совершают автоматически движения, но рядом с реальным вертится дикая фантастика, глаза закрываются и нет сил поднять веки. Человека одолевала наступавшая от усталости знакомая на войне галлюцинация мысли. Горин приказал радисту толкать его тяжёлым ключом в бок, прогонять сон. За спиной во тьме танка стонал комбриг, ему становилось всё хуже, и, опасаясь, что по целине он комбрига не довезёт, Горин опять свернул на дорогу. Он проносился днём по длинным, казалось нескончаемым, улицам станиц, занятых немцами. Зыбкие, узенькие мосты грозили обвалиться под тяжестью танка, малейший просчёт — и гусеница скользнёт с моста, танк застрянет, и это будет равно гибели. Но Горин

проскакивал мосты, экипаж танка с хода бил немцев из орудий и пулемётов, и так же внезапно, как появлялся, с огнём, с грохотом, вздымая снежную пыль, исчезал в степи танк Николая Горина, спасавшего жизнь своему командиру…

* * *

Лютый мороз сменился летней жарой. Грохотали сражения на Курской дуге. Враг был остановлен, но надо было его разгромить. На полях Левобережной Украины столкнулись танковые соединения Красной Армии и танковые дивизии Германии. Чтобы добиться победы, Германия собрала все силы. Её танковые дивизии были полнокровны, насыщены сильными группами "тигров". На манёвр и удар наших войск немцы отвечали ударом и контрманёвром. Днём шли бои, ночами противник совершал контрманёвр, чтобы выйти в тыл нашим танкистам, внезапно обрушиться с фланга, разрезать, разбить. На контрманёвр мы отвечали новым манёвром и ударом. Эта манёвренная борьба требовала от танковых соединений гибкости, быстроты, от танкистов неутомимости, неослабного напряжения всех сил, и тогда борьба вступала в новый этап при выгодных для нас условиях, внезапность вызывала кризис, несла катастрофу врагу.

Долгими летними днями кипела боевая страда, и водители не покидали рычагов управления; днём водили танки в атаку, а тёмными августовскими ночами вели их на новый манёвр, чтобы опять вступить в бой.

Во тьме августовских ночей в небе кружили "юнкерсы", стерегли движение наших колонн, и они совершали марши в абсолютной тьме, притушив даже задние красненькие стоп-фонари. Гусеницы танков вздымали густую пыль, от которой нечем было дышать человеку и мотору. Эта пыль резала глаза, проникала в лёгкие, в цилиндры моторов. Она скрывала идущий впереди танк, и стоило на минуту задержаться, как грохочущий силуэт впереди идущего танка, мелькнув, исчезал за густой пеленой пыли. Вокруг ни ориентиров, ни сигналов, — и вокруг враг. Доходило до того, что ночью, подойдя к танку вплотную, узнавали его по немецкой речи экипажа или, ощупав руками, определяли "тигр" это или "Т-34".

В одну из таких ночей танк водителя Нехороших за сел в болотистой канаве и заглох. Выбраться не удалось. Наутро к самому танку подобрались немцы. Несколько часов танкисты отгоняли немцев огнём пушки и пулемётов, но к полудню иссякли боеприпасы. Немцы обнаглели, подползли, предлагали

сдаться. В смертной тоске безмолвно сидел экипаж, ожидая гибели.

— В руках у меня, — вспоминает Нехороших, — был пистолет, и молоденький радист, глядя на него, просил пристрелить и его.

В этот момент появился немецкий танк. "Сейчас расстреляет", — мелькнуло в голове, и состояние бессилия, рождаемое недвижностью танка и отсутствием снарядов, стало ещё тяжелей. Но немец не стрелял, а взял танк Нехороших на буксир. Радость охватила водителя: "Теперь поборемся, в плен не пойдём". Выбравшись на сухое место, Нехороших завёл мотор и рванул немецкий танк за собой. Немец затормозил и упёрся. Точно два гигантских доисторических чудовища с диким рёвом, в дыму, взрывая гусеницами и выбрасывая из-под себя фонтаны земли, боролись советский и немецкий танки. Шло испытание силы моторов, силы сцепления танка с землёй, силы воли танкистов. Вокруг, крича, стреляя в бессильной ярости из автоматов, бесновались немецкие пехотинцы.

После короткой борьбы "Т-34" поволок немецкий танк за собой. Тот, тормозя, пахал гусеницами две глубокие борозды, но сопротивление немца было сломлено. Бросив танк, водитель выскочил в люк, а Нехороших вернулся с трофеем к своим.

* * *

Разгромленные на левобережье, немцы были отброшены за Днепр. Советские танкисты первыми форсировали могучую реку, первыми ворвались в Киев и повели наступление на запад и юго-запад. Собрав большинство танковых дивизий с Украины, пригнав их из Норвегии, Франции, Италии, Гитлер бросил немецких танкистов снова на Киев.

В глухую осеннюю пору 1943 года немецкие танковые дивизии проткнули на узком участке наш фронт у Житомира и ринулись севернее Киева, к Днепру. Они стремились выйти на фланг и в тыл 1-го Украинского фронта, ворваться в Киев, выйти на Днепр. Немцы носились тогда с идеей позиционной борьбы, утверждая, что, выйдя на Днепр, они перейдут надолго к обороне и выиграют войну, утверждая, что пора манёвренной войны миновала.

Танковые соединения 1-го Украинского фронта бросились на отражение опасности. Из резерва на железнодорожных платформах шли танковые роты кантемиров-цев. Они подошли к станции выгрузки, и одновременно к ней вышли немецкие танки.

Без мостов и настилов, прямо с высоких платформ прыгали наши тяжёлые танки на землю и шли в бой. В кровопролитных боях на реке Тетерев, у Киева, враг был остановлен, и наши войска на Украине снова пошли в наступление.

На полях Правобережной Украины зимой и весной 1944 года разыгрались величайшие танковые сражения. В них участвовали водители Бараненко и Светлаков, Степанов и Мартюченко и тысячи им подобных. Эти сражения предъявили новые требования к нашим танкистам, к их мужеству, к их искусству вождения танков.

Было время, когда сотни танков в густых боевых порядках открыто шли в атаку, сближались на сотни и даже десятки метров, расстреливая друг друга в упор. В таких атаках от водителей требовались высокое искусство, смелость, порой бесшабашная удаль. Время таких, внешне эффектных, атак миновало. К концу войны сближение в танковых боях происходило чаще всего в уличных боях, в лесах, ночью, при неожиданных встречах и становилось всё реже.

Исход танковых боёв к концу войны стал решаться на дальних дистанциях.

Дальнобойность орудий, пробивная разрушительная сила снаряда, оптика и темп стрельбы привели к тому, что танк наносит поражение танку на дальней дистанции.

И как некогда в морских боях перешли от боёв на сближенных дистанциях, от абордажа, к огневой артиллерийской дуэли на пределе видимости, так современный танковый бой, точно бой морских кораблей, решается прежде всего артиллерийским состязанием.

Танковое сражение ведут огромные массы танков, но не на узких участках фронта в густых боевых порядках, как в начале войны, а на громадном фронте, где оно распадается на сотни и тысячи огневых дуэлей. Теперь от водителя танка нужен не только предел скорости в атаке, но, как никогда раньше, нужно тонкое маневрирование на поле боя в этой смертельной дуэли. Это требует высшего мастерства в вождении, мужества, готовности к мгновенному решению.

Водитель танка теперь знает, что он должен смело и быстро итти в атаку, мгновенно появляясь перед врагом, и, используя каждую складку местности, каждое укрытие, он должен поставить свой танк в выгодное положение, выиграть у танка противника уязвимый борт, а самому укрыться, обеспечив своему экипажу удобную позицию для стрельбы, и снова, маневрируя на поле боя, устремиться вперёд. Либо он открыто поведёт танк, и тогда с первых выстрелов его танк будет подбит, вспыхнет пожар и

возможен взрыв, от которого танк разворотит, как спичечную коробку, и башня в сотни пудов взлетит выше деревьев, а от экипажа не останется и следа.

Как никогда раньше, водителю нужна активность и инициатива в бою, он должен понимать обстановку, создавшуюся на поле боя, мгновенно выполнять приказ командира, порой, не ожидая приказа, решать сам, как вести танк и корректировать огонь своего танка, уклоняясь от огня противника. Испытав возросшую силу наших орудий, немецкие танки перестали итти на сближение с нашими и при встрече быстро переходили к обороне, больше держались в засадах, били кинжальным огнём. Атаковать их в засаде стало неизмеримо трудней ещё и потому, что поле боя изобилует препятствиями, задерживающими атакующий танк, ставя его под огонь артиллерии. В этих условиях наши танкисты искали фланги врага, и, бывало, когда немцы не выходили из засады, не открывали бортов своих танков, один из наших танков делал вид, что отступает, выманивал немцев за собой под огонь наших танков с флангов. Этот танк назывался "заигрывающим", но это была игра со смертью. В этих условиях, когда секунды промедления равны смерти, когда лишнее время на разворот танка или малейшая техническая неисправность ведут к гибели, когда правилом стало: движение — победа и жизнь, а промедление — смерть, побеждали танкисты высшей технической военной выучки, виртуозы, герои. Танковые сражения на Украине длились днями, неделями, месяцами. И всё это время водители не выходили из боёв. Они ходили в смертельные атаки, проходили мимо сгоревших танков, по едва уцелевшим признакам определяли, чей погиб экипаж, кого из друзей они потеряли в страшном грохоте, пламени, взрывах, и шли всё дальше и дальше вперёд, на врага.

Но, победив в тактическом маневрировании на поле боя, наши танкисты изумили мир и в оперативном манёвре.

Густые снегопады зимой на Украине и частая оттепель породили опасную для танков стихию — грязь.

В тот год на Украине вздулись и разлились реки, мосты на них были взорваны немцами или снесены половодьем. Движение автомашин прекратилось. Лошади вязли и выдыхались. Всё, казалось, останавливалось. В этот момент войска украинских фронтов перешли в наступление. Танкисты преодолели глубокую грязь и оборону врага. Снова за рычагами управления сидели кантемировцы, снова после дневных боёв свершали ночные марши.

Чернела земля под гусеницами, чёрен был лес по сторонам танка, чернело низкое небо над башнями. В пяти метрах впереди

водитель ничего не видел. Командир танка ложился на крыло, вглядывался в дорогу и взмахами руки направлял движение. Порой и рука его была плохо видна; тогда он махал белым платком или светящимся циферблатом часов. Порой совсем не видна была дорога, и тогда водитель высовывался по пояс из люка, руки его на рычагах оставались позади, а командир танка, повязавшись полотенцем или приклеив на спину газету, увязая в грязи, шёл пешком впереди танка. Перед усталыми, слезящимися от напряжения и ветра глазами водителя то появлялась, то пропадала, как в чёрную бездну, белеющая фигура командира. Много раз вязли танки в глубоких оврагах, много раз в поисках бродов зимой танкисты опускались в тёмную ледяную воду, ногами прощупывая грунт, много раз танки с экипажами проваливались под лёд. Порой горючее и снаряды доставлялись танкистам только самолётами, сбрасывались на парашютах.

Большая часть танковых дивизий германской армии была тогда на Украине, и они все были брошены против нас. Танкисты генералов Рыбалко и Ротмистрова, Катукова, Лелюшенко, Богданова, соединения Полубоярова и десятки других прошли там, где не смогли пройти немецкие танкисты.

В ту весну мы увидали стаи "пантер" и "тигров", застрявших в грязи, нескончаемые колонны вражеской техники, брошенной в бегстве на дорогах Украины. Именно брошенной, даже не подбитой и не взорванной. Так, разгромив врага и вынудив его стремительным манёвром бросить всё вооружение, танкисты первыми вышли к границам Советского Союза.

Это была победа оперативного искусства танковых соединений, победа советского танка, победа наших водителей.

* * *

Трещала гитлеровская армия, крепла сила армии Советского Союза, но танкистам не становилось легче сражаться, ибо всё повышались к ним требования. Всё глубже наносились удары, всё чаще ставились задачи на окружение, полный разгром и уничтожение врага. Над Москвой гремели салюты в честь кантемировцев, которые в те часы в кровавых боях утверждали свою славу.

На Львовской равнине под Бродами были окружены десятки тысяч немцев. Кантемировцы весь день отражали яростные контратаки вырывавшегося из окружения врага.

К ночи сражение утихло, а в предутренней мгле оаздался исступлённый вопль тысяч немецких солдат, бежавших в

психическую атаку, и через минуту кованые сапоги немцев застучали по башне танка Нехороших. Обезумев, немцы лезли на танки, как саранча, били прикладами по пулемёту, пытались бросать гранаты в трансмиссию. Башня танка Нехороших вертелась кругом, чтобы сбросить немцев, но они, забравшись на машину, пытались её поджечь, стряхнуть их не удавалось.

Как буйвол, облепленный шмелями, мчится в чащу, чтобы смести их густыми ветвями деревьев, так танк Нехороших на бешеной скорости, не дав немцам опомниться, устремился к сараю, прошёл его стены насквозь, похоронив под рухнувшей крышей назойливых немцев. Потом огнём пулемётов смёл немцев с соседних танков, и тысячи их легли размозжёнными под гусеницами танков кантемировцев.

* * *

Высокие требования к искусству вождения танков предъявили кантемировцам горы.

Кантемировцы стремились на помощь борющейся Чехословакии. Осенью 1944 года они пришли на ее глухую границу на Дуклинском перевале в Карпатах

Вокруг были руины замков, построенных вначале нашего тысячелетия, обломки выветренных скал, редкие домики, леса, узкие дороги, обвивавшие горные склоны, и глубокие ущелья, на дне которых стыли туманы. Первозданная природа, чарующая своей красотой, создала танкистам неслыханные трудности.

Известно, что танку трудно подниматься в гору, что ему трудно двигаться по грязи, что трудно валить деревья. Известно, что смертельно опасно атаковать батареи врага. В Карпатах всё это было вместе. Надо было взбираться на крутые горы по глубокой грязи, и, преодолев крутые подъёмы, танки не раз сползали вниз вместе с оползающим склоном горы. Надо было взбираться по этим склонам, ломая по пути деревья, итти в атаку на немецкие батареи и танки, укрытые в засадах, за каменными хребтами, в лесах. Атакующим танкам негде было развернуться, с боков были горы или крутые обрывы и подбитый головной танк стопорил движение всей колонны.

Сюда немцы стянули свои танковые и горнострелковые дивизии, здесь поставили свою артиллерию, минировали теснины, склоны гор, долины и мосты через реки. Часто на театре войны бывают долины, которые слывут долинами смерти, и мосты, которые солдаты называют чёртовыми мостами. В Карпатах все долины таили смерть, все мосты, казалось, были

построены чертями.

В этих немыслимых для танков условиях танкисты вели бои. Здесь их изумительная смётка подсказала, что минные поля можно обойти, маневрируя по руслу неглубоких рек, что подниматься вверх можно по каменистому ложу горных потоков.

Именно в горах, говорит механик-водитель Шалин, наш тяжёлый танк показал свои исключительные качества.

Он поднимался в горы, преодолев углы подъёма выше всех установленных норм, двигался, откатывая своей могучей грудью волны глинистой грязи, сокрушая на пути могучие деревья, и горное эхо, раскатываясь, далеко разносило удары его грозного орудия.

— 28 октября 1944 года, — вспоминает Шалин, — мой танк "Иосиф Сталин" был повреждён. Немцам хотелось им завладеть. Их разогнали огнём пулемётов. Появился немецкий танк, пытавшийся нас поджечь. Пушечным огнём немец был разбит. С тех пор никто не появлялся в пределах видимости, но начался обстрел из тяжёлых орудий. Целыми днями систематически вокруг танка вздымалась земля и грязь от взрывов тяжёлых немецких снарядов. Тяжёлые осколки били о броню, но броня выдержала, и только её мелкие брызги обжигали руки, оставив шрамы, которые заметны и до сих пор. Целыми днями мы вели наблюдение, а ночью готовились вырваться к своим. Мы не могли примириться, что день 7 ноября будем встречать одни.

И утром 7 ноября бывший тракторист, механик-водитель Шалин вывел снова в бой могучую машину "Иосиф Сталин", и жители гор дивились изумительной машине, поднявшейся на вершины Карпатских перевалов.

* * *

За несколько лет до войны первенец прославленной стаи "Т-34" один промчался по Красной площади и скрылся в воротах Кремля. На кремлёвском дворе его долго и внимательно осматривали Сталин и члены правительства. До этого в долгих исканиях, в труде над новейшими танками всегда и каждодневно конструкторы, строители ощущали внимание, заботу и поддержку товарища Сталина. В последний, решающий момент, когда определялся тип танка нашей Красной Армии, когда ещё оспаривали качество "Т-34", товарищ Сталин дал ему путёвку в жизнь в сражения. Годы войны показали изумительное предвиденье нашего вождя. Все государства мира в ходе войны перевооружали свои танковые войска, а наш "Т-34" начал и

окончил войну с мировой славой, лишь отчасти модернизированный.

Он любимец наших танкистов, он гроза наших врагов, и уже после войны на вопрос о качестве нашего танка пленный немецкий подполковник, командир дивизиона противотанковых штурмовых орудий, со злобой ответил: "Т-34" — это дьявол и балерина. От него не уйдёшь и его не превзойдёшь в манёвре". Так и не нашлось в ходе всей войны преграды, которая остановила бы наши танки. Они прошли десятки тысяч километров, пересекли половину европейского континента, преодолели реки и горы, пронесли победу с берегов Волги на Эльбу.

Но не одной техникой побеждали наши танковые соединения. Немцы также имели отличные танки, и теперь мы знаем, что они выпускали их больше 20 тысяч в год, что равно более ста танковым дивизиям. Чтобы в смертном единоборстве подбить, сжечь или захватить эту невиданную массу боевых машин, нужны были усилия, на которые оказались способны только войска Советской Армии, её танки, артиллерия, авиация. В титанической борьбе окрепли наши танковые соединения. Они играли значительную роль во всех решающих битвах Отечественной войны.

На последнем этапе войны, когда огромная дальнобойность авиации и реактивных средств поставила вопрос о темпе и дальнобойности на земле, только танковые войска оказались тем наземным средством борьбы, которое своей подвижностью соответствует возможностям авиации и реактивных средств, действующих на громадное расстояние. Сухопутная армия будущего — армия механизированная.

Гигантский путь прошли гусеницы танков, и этот путь прошёл через сердца танкистов. На этом пути от древних курганов в донских степях до Карпатского хребта остались могилы наших танкистов. Их безжизненные тела вынимали из танков, отрывая порою руки погибших от рычагов, которые они не выпускали до самой смерти. В Кантемировской дивизии все водители танков, прошедшие путь с дивизией, полили этот путь своей кровью. Они ранены дважды, трижды, четырежды. Самый молодой из них двадцатилетний водитель Нехороших был ранен под Киевом, обморожен в Польше, контужен в Германии и снова ранен в Чехословакии. Они прошли огонь и воду, закалены жарой и холодом, испытаны горячей сталью. И как ни тяжело было сражаться в танке, особенно после ранения, они, едва поднявшись с лазаретной койки, догоняли свои полки и снова шли в бой, шли в танке, где рождается непередаваемое ощущение своей силы,

помноженной на силы грозной машины.

На этих машинах они отстояли свою родину, завоевали победный мир и никому не уступят пройденного пути.

Н-ский танковый лагерь

Крах Восточной Пруссии

История Восточной Пруссии прошла путями войн.

Сюда — на побережье Балтики — тянулись торговые пути из полуденных в полнощные края. Через Восточную Пруссию легли кратчайшие пути в Литву, на Польшу, к Руси — к земле славян.

В XIII веке недальновидные правители Польши позвали рыцарей Ордена тевтонов — предков нынешних фашистов — на борьбу с населявшими этот край пруссами. Тевтоны осели в Восточной Пруссии. По берегам Вислы, на всех путях построили они монастыри и замки. Так вырос Торн (взявший наименование от польского слова "торы" — торный путь), так у речного брода (по-польски "бруд") через реку Дрвенца, на пути с юга к морю, возникла крепость Бродница, так укреплялись крестоносцы в Мариенбурге, в Мариенвердере, в десятках важных пунктов. Замки тевтонов, закрыв пути через Восточную Пруссию, командовали над всем краем.

Теперь, проходя мимо развалин этих замков, можно видеть разрушенные своды мрачных подземелий, замшелые серые стены из дикого камня, окна с решётками в глубоких нишах, бойницы под крышами. Мы переходим по шаткому мосту через ров, наполненный мутной водой, поднимаемся по узкой лестнице на верх уцелевшей башни. Отсюда, с семидесятиметровой высоты, на десятки километров окрест видны леса, поля и дороги и на темнеющем горизонте — пожары и зарницы стрельбы. Там не затихает бой.

Мы поднимаемся на монастырскую стену, протянувшуюся по берегу Вислы. Она действительно неприступно высится над водой. Через её бойницы видна широчайшая пойма реки, уходящий к горизонту западный берег, понтонные мосты, по которым сейчас нескончаемым потоком идут в Померанию русские войска.

За такими стенами отсиживались псы-рьшари, в такие мрачные монастыри-тюрьмы сгоняли они рабов, здесь крестоносцы прятались от народа, отсюда с крестом и молитвой, с огнём и мечом совершали они свои разбойничьи набеги на литовское племя пруссов.

Мрачна кровавая история покорения пруссов. Немцы превратили цветущую страну в пустыню, истребили население, германизировали край. Укрепившись в районах нынешнего Кенигсберга, Мемеля, они начали наступление уже не только на Литву, но и на Польшу. Этот "натиск на восток" ("Дранг нах Остен") повели Орден тевтонов и Ливонский орден, осевший в

Прибалтике. Их наступление угрожало русским землям и отрезало русских от берегов Балтийского моря.

Тогда поляки, литовцы и чехи, объединившись с русскими полками, выступили против немецких рыцарей. Более пяти веков тому назад, в 1410 году, произошла знаменитая битва под Грюнвальдом (у Танненберга). В этой битве славянские воины — русские и поляки с помощью литовцев разбили предков нынешних фашистов и надолго остановили их движение на восток.

* * *

Шли века…

Крепло и развивалось русское государство. Русская армия, руководимая Петром I, вывела Россию на Балтийское побережье, открыла ей пути в Европу. Без этого пути задыхалась экономика России, ограничивалось развитие страны, затруднены были её связи с другими государствами.

Одновременно шло становление европейских государств, разгоралась борьба за колонии, за рынки сбыта, за расширение границ. Снова планы пресловутого "Дранг нах Остен" не дают покоя немцам в Пруссии и прежде всего их королю Фридриху II, идейному отцу современных немецких захватчиков. В войне против России ищет он выход из сложного переплёта европейских дел. Фридрих II грозит занять Курляндию, отрезать России пути в Европу через Балтийское море. Он не хочет допустить русское государство к участию в европейских делах, желает лишить его союзников, отбросить русских людей на восток, загнать их в Азию. Для этого Фридрих II собирает большую армию, ведёт интригу против России в Швеции и Турции и, обвиняя своих противников в агрессии, как это впоследствии повторил Гитлер, развязывает тяжкую для народов кровопролитную Семилетнюю войну.

Медленно, но настойчиво шли тогда русские войска на запад, взяли Мемель, вошли в Тильзит, овладели Инстербургом и двинулись на Кенигсберг. Если с автомагистрали Инстербург — Кенигсберг (по которой прошли теперь войска 3-го Белорусского фронта) свернуть влево, можно у города Велау найти деревушку Гросс-Егерсдорф, где в 1757 году русские войска столкнулись с прусскими. Плечом к плечу, локоть к локтю стояли русские ряды, отражая атаки пруссаков. Облака дыма висели над полем сражения, кавалерия, рубя, врывалась в густые, плотные боевые порядки войск. Шеренги вражеской пехоты накатывались на

русские каре. Отразив натиск, русские полки сами перешли в атаку. "Неприятели дрогнули, — пишет современник и участник этого сражения Болотов, — подались назад, наши сели им на шею и не давали им времени ни минуты… Тогда прежняя прусская храбрость обратилась в трусость, и в сем месте не долго медля обратились они назад и стали искать "спасения — в ре-ти-раде". Победные крики "наши взяли" неслись по фронту".

Фридрих II всё ещё не верил в способность русских войск продолжать наступление, а они после победы при Гросс-Егерсдорфе двинулись дальше на Кёнигсберг.

Кенигсберг был взят, и его ключи отправлены в Санкт-Петербург. Русские войска очистили от прусских войск Восточную Пруссию; она вошла в состав русского государства. Отец полководца Суворова был одним из её губернаторов.

В Семилетней войне русские наголову разбили прусские войска, вошли в Берлин и поставили государство Фридриха II на грань катастрофы. Спаслось прусское государство лишь благодаря Петру III. Этот голштин ский выходец, преклонявшийся перед прусским королём, агент Фридриха II на русском троне, став царём, свёл на-нет победу русских войск.

Прошло ещё полвека…

Восточная Пруссия — снова театр военных действий.

На этот раз Наполеон, разбивший Австрию и Пруссию, сосредоточил здесь свои войска против России. И снова оживают картины прошлого. В позднюю ненастную осень 1806 года начались боевые действия. Сложные манёвры совершает Наполеон, чтобы навязать русским бой в невыгодных условиях. Когда, казалось, русским надо было спешно отступить, командовавший обороной генерал Толстой отдал приказ "стоять и умирать" и отразил атаки французов. Позднее под Пултуском на натиск французов русские ответили контратакой, Ни стойкость русских разбила замыслы Наполеона. Измученная переходами через Мазурские болота, преступно руководимая немецким бароном на русской службе Беннигсеном, русская армия снова вступила тогда в бой с французами у города Прейсиш-Айлау… Мы поднимаемся теперь на высоту у Прейсиш-Айлау, на которой расположено старое городское кладбище. Здесь в сражении 27 января 1807 года был командный пункт Наполеона.

С высоты открывается отличный обзор на широчайшее поле юго-восточнее Прейсиш-Айлау, на деревни Клайн-Заусгартен, Зерпаллен, Моллвиттен.

С этой высоты зимним туманным утром видел Наполеон свои войска перед Прейсиш-Айлау, а сквозь мглу там, на склонах едали, он разглядел очертание русских колонн.

Мгла в тот день, как это часто бывает в Восточной Пруссии, становилась всё плотнее. Балтийские ветры принесли снеговые тучи, и участники свидетельствуют, что с началом сражения завертелась вьюга. Французы появились внезапно из густой пелены снега. Они атаковали русских раз, другой, третий, но были отбиты. Тогда Наполеон ввёл в сражение кавалерию. Знаменитый маршал Мюрат повёл своих всадников. Они прорвались сквозь центр позиции, но в глубине столкнулись с кавалерией русских. На помощь Мюрату двинулся корпус Ожеро, но и он, попав под губительный огонь русских батарей, отхлынул назад. Не мирясь с неудачей, император обрушил на левый фланг русской армии свой самый сильный корпус испытанного маршала Даву (этот корпус наступал тогда с юга, вдоль дороги, по которой мчатся теперь "Т-34", мотопехота, санитарные машины, "виллисы" наших генералов). Корпус Даву, смяв фланг русских, приближался к их центру, и наступил момент, который определяет исход сражения. Надо было принимать решительные меры, но командующий войсками барон Беннигсен исчез с поля сражения, а заменивший его барон Остен-Сакен приказал генералам отступить. Тогда среди войск появился генерал Багратион и повёл их в контратаку. На помощь Багратиону с правого фланга на левый повёл резервы молодой талантливый генерал Каменский; по скату высоты, что сейчас застроена бараками, помчались орудия конной артиллерии Ермолова.

Участникам боёв знакомо это состояние тревожного напряжения, когда в кризисе боя идёт собирание всех сил для отпора врагу, когда солдаты совершают нечеловеческие усилия, сражаются самозабвенно, отрешившись от всего в мире, кроме боя, кроме стремления разбить неприятеля. Как близки нам воины тех далёких времён, воины, пролившие свою кровь на этих же холмах, где теперь снова прогремел и прокатился на запад бой, оставивший на вершинах холмов красные, увенчанные звёздами обелиски на могилах красноармейцев. Как близко и дорого нам ощущение победы, наступающее после таких тяжёлых боёв.

Сражаясь в снежной пелене, русские тогда отбросили Даву и приблизились к кладбищу, где стоял Наполеон. Со старых деревьев на могилы, на голову Наполеона падали ветки, ссечённые русскими ядрами. Но он стоял, не веря своим глазам, не веря, что терпит неудачу. Один из русских батальонов прорвался на кладбище. Батальон пробивался вперёд, пока последний гренадер не был зарублен в ста шагах от Наполеона. Русские наступали и в эту лощину за кладбищем (что сейчас в проталинах и воронках от авиабомб, обнажив (их чёрные

корневища деревьев); адъютанты старались нести Наполеона, чтобы спасти его от русских штыков, но наступившая зимняя ночь развела противников, Наполеону пришлось тогда отдать приказ ловить своих солдат, бежавших от русского наступления в Торн, в Познань и даже в Берлин. Дыхание военной истории ощутимо повсюду на этой земле. Вот Фридлянд — город на реке Алле. Сюда вернувшийся после сражения Беннигсен привёл войска. Он обрек их на поражение, поставив на позиции тылом к реке Алле. Наполеон, увидев русских, не поверил своим глазам: так немыслимо для боя стояли они. Убедившись в гибельном положении русской армии, Наполеон начал наступление. Вот через эту мутную быстротекущую речку под ядрами французских батарей плыли русские солдаты. но илистому дну тащили они свои пушки и с ними поднимались на крутой, обрывистый берег, ныне усаженный дотами. По кривым и узким улицам отходили с боем русские полки. Здесь, прикрывая их отход, Багратион собрал московский гренадерский полк и, обнажив шпагу, повёл солдат в контратаку. Багратиону доложили, что обозы на мосту задерживают переправу и нужно сбросить их, чтобы скорее отойти. "На то мы и арьергард, чтоб не оставить неприятелю ни ломаного колеса", — ответил Багратион…

Всё это не только исторические сравнения и литературные ассоциации — это прежде всего боевой опыт, который пришёл к нам из далека минувших войн. И в дни Великой Отечественной войны в полевой устав Красной Армии — важнейший документ руководства боем — было записано, что нам нужны такие арьергарды, какими были арьергарды Багратиона.

В Отечественной войне 1812 года русские разгромили великую армию Наполеона. А в январе 1813 года по этим же путям Восточной Пруссии, из Вильно в Германию, пошли правофланговые полки армии Кутузова, и после ночного штурма снова пал Кенигсберг.

* * *

Прошло ещё столетие…

Над миром забушевал пожар первой мировой войны, зажжённый империалистами, прежде всего германскими.

Восточная Пруссия снова стала театром военных действий.

1-я (Неманская) русская армия двигалась к Гумбиннену. Поспешно шло развёртывание армии, плохо работал тыл. С первого дня преступно осуществлялось управление армией её командующим генерал-адъютантом бароном Ренненкампфом. И

всё же вначале была одержана победа. Её одержали русские войска, солдаты и лучшая часть офицеров и генералов. Смелыми действиями они отбросили германские дивизии. Самоуверенность немцев сменилась паникой — 8-я немецкая армия генерала Притвица стала поспешно отступать к Висле. К вечеру 20 августа 1914 года в германском генштабе стало известно о поражении их 8-й армии у Гумбиннена и о движении 1-й русской армии на запад. В тот же час пришло донесение, что 2-я русская армия генерала Самсонова (Наревская) перешла южную границу Восточной Пруссии и движется на север. Восточной Пруссии грозило окружение, армии Притвица — катастрофа.

Мольтке-младший указывал Притвицу, что он открыл дорогу в Германию, что армия Самсонова грозит Берлину. Мольтке требовал остановить русских, но получил ответ, что сил двухсоттысячной 8-й армии мало, чтобы задержать русских. Первая в мировой войне победа русских при Гумбиннене и движение русских к южной границе Восточной Пруссии имели огромное значение. Эти события потрясли Германию и отозвались на берегах Марны у Парижа.

Прусское юнкерство не могло смириться с потерей своей вотчины — Восточной Пруссии, опасалось оно и угрозы, созданной Берлину. Притвиц был отстранён. Из Франции, где назревал решающий успех германских войск, подходивших к Парижу, были отозваны на восток два пехотных корпуса и одна кавалерийская дивизия. Это помогло французам уйти от катастрофы.

Немцы пожертвовали интересами своих союзников австрийцев. Они лишили их поддержки, и те были раз-I биты русскими в Галиции. Но всё это не спасло бы положения немцев в Восточной Пруссии. Возможности победы русских уже определились, но наряду с ними сложились причины поражения, и вместо победы русской армии разыгралась её незабываемая драма…

* * *

Советская Армия помнит и свято хранит героические традиции прошлого России. Она восприняла боевой опыт русской армии. Но мы никогда не забываем, что победы дались таким полководцам, как Суворов, Кутузов, Багратион, Брусилов, в борьбе не только с внешним врагом, но и в столкновениях с царями или их ставленниками, губившими русскую армию

своими бездарными, порой предательскими действиями, обрекавшими страну и армию на борьбу с врагом в тяжких, неравных условиях. Так было в сражениях в Восточной Пруссии в Семилетней войне, так было в войне с Наполеоном, так повторилось в 1914

Изучая действия Ренненкампфа и Самсонова, с болью и досадой мы видим, как эти генералы и царская ставка вели войска России к поражению. Все знали, что от армейских штабов до ставки, до царских дворцов в Петербурге плетутся нити интриг. Это знали офицеры и даже солдаты армии, это знали и немцы. Читая документы кровавой эпопеи, мы проникаемся ненавистью к виновникам гибели русских солдат.

Сейчас наша армия прошла по тем же дорогам, по городам, полям сражений, где в 1914 году шли первая и вторая русские армии, и картина их действий становится ещё ясней.

Жаркими летними днями, в духоте и пыли шли солдаты 2-й армии Самсонова, и командующий Северозападным фронтом генерал Жилинский торопил и подстёгивал Самсонова. Ренненкампф доносил ставке, что немцы, преследуемые 1-й армией, бегут; командованию казалось, что Самсонов не успеет перехватить немцев, А на самом деле Ренненкампф после гумбинненского успеха остановил 1-ю армию и дал немцам время спокойно отойти и привести в порядок свою 8-ю армию. Мало того: Ренненкампф повернул часть сил 1-й армии к Кенигсбергу. Он не только не шёл на сближение с Самсоновым, но от него отдалялся. Между армиями ширился разрыв.

Гинденбург и Людендорф, назначенные руководить 8-й армией, констатируя своё проигрышное положение, видели спасение в действиях отдельных царских генералов и в общей неповоротливости русского командования. Мало того, радиостанции русских штабов передавали все приказы и донесения, не шифруя их. Гинденбург и Людендорф читали их одновременно с адресатами. Оперативные карты русских были открыты. Немцы увидели, что между русскими армиями большой разрыв, что их фланги обнажены. Потом стало известно, что Ренненкампф полностью утерял соприкосновение с 8-й немецкой армией, что Жилинский, командующий фронтом, толкает армию Самсонова на север, а командарм, растянув войска на непомерно широком фронте, теряет управление ими. Войска были лишены подвоза, не имели днёвок, измучены, шли без хлеба и без снарядов.

В таких условиях Гинденбургу и Людендорфу не трудно было принять решение прикрыться небольшой частью сил от Ренненкампфа, а главными силами обрушиться на армию

Самсонова.

* * *

Наши войска проезжают теперь по этим дорогам, по городам и деревням. Здесь накапливались массы немецких войск, здесь они выходили на фланги армии Самсонова.

Это видно сейчас, это было бы видно Самсонову и тогда, имей он хорошую разведку. Генерал шёл, как слепой, и вёл свою армию на гибель. Штаб фронта продолжал его дезориентировать, торопя и указывая, что немцы уходят из-под удара. Пройдены Найденбург, район Танненберга, взят Хохенштайн. 15-й корпус 2-й армии в упорном бою разбил 20-й немецкий корпус и преследовал противника. 13-й корпус успешно двигался вперёд, но эти успехи вели к поражению, ибо фланги 15-го и 13-го центральных корпусов всё более оголялись. Им бы давно пора остановиться, а они всё наступают. Фланговые корпуса армии уже оттеснены. Центральным теперь надо не только остановиться, но отходить назад, а Самсонов, потеряв общую ориентировку, стремится на север, под удары противника с фланга.

Теперь, как никогда раньше, необходимо наступать Ренненкампфу. Положение немцев выигрышное, но опасное, движение 1-й армии Ренненкампфа может не только спасти 2-ю армию Самсонова, но раздавить 8-ю немецкую армию, которая, повернувшись на юго-восток, против 2-й армии, подставила свой тыл и фланги ударам 1-й армии.

Людендорф позднее в своих воспоминаниях писал, что "огромная армия Ренненкампфа висела, как грозная туча, на северо-востоке. Ему стоило только двинуться, и мы были бы разбиты". Но туча не разразилась грозой. Барон Ренненкампф, генерал-адъютант царя Николая II, отличившийся при подавлении рабочих в 1905 году, предательски бездействовал в борьбе против немцев. Германские корпуса безнаказанно обошли центральные корпуса армии Самсонова и вышли им в тыл.

Можно многое рассказать о героизме солдат и офицеров, обречённых на борьбу в гибельных условиях, об отдельных солдатах и отрядах, вырвавшихся из окружения, — они неповинны в поражении.

Сам незадачливый Самсонов, допустивший возможность поражения, пытался спасти свои войска, поднимал в атаки солдат, но, оценив обстановку, поняв свою вину, скрылся в лесу у Виленберга и застрелился.

В поражении 2-й армии виновны не только отдельные

генералы. В этом сказалась не только их личная вражда и частый в прошлом разнобой в действиях честолюбивых военачальников, для которых личная слава дороже общей победы. Здесь был нарушен важнейший закон ведения операций — закон взаимодействия всех сил на театре военных действий. По этому закону все силы, выполняя свою задачу, действуют прежде всего в обеспечении успеха той части войск, которая выполняет основную задачу, действуют в общих интересах высшего соединения: полк в интересах выполнения задачи дивизии, дивизия в интересах корпуса, корпус в интересах армии, армия в интересах фронта, фронт выполняет стратегические задачи ставки.

Самсонов в этой операции выполнял главную задачу, и Ренненкампф обязан был ему всемерно помогать. Если он отказывался, его должны были заставить командующий фронтом генерал Жилинский и ставка. Но в том-то и дело, что разнобой был и там. Царское правительство и его генералы, весь государственный аппарат не были способны руководить армиями и государством в большой войне. Одним из важнейших следствий этого было отсутствие взаимодействия армий, плохое снабжение войск, а в критический момент операции не оказалось хозяина на театре военных действий.

* * *

Восточная Пруссия в первой мировой войне уцелела. Осиное гнездо пруссачества, вотчина помещиков и кулаков, питомник генералитета германской армии снова стал одним из важнейших центров подготовки новой мировой войны, пропаганды захватнических идей.

Именно пресловутый Людендорф, проиграв войну 1914–1918 годов, уже в 1919 году выдвинул план крестового похода против большевиков. Предлагая организовать нападение армий всех стран Антанты на Советскую Россию, он хотел быть начальником штаба этих армий.

Именно Людендорф одним из первых выступил с идеей тотальной войны и, выражая интересы прусской военщины, вступил в связь с фашистами. Он поддерживал их, когда эта кучка подлецов ещё только мечтала о власти в Германии.

Сейчас мы в их стране и видим, как стремилось пруссачество к новой мировой войне. Мы видим их города, помещичьи имения, заходим в домашние и городские библиотеки, богатые мишурой и блеском, убогие количеством и содержанием книг. Большинство книг посвящено поучениям Фридриха II, сомнительным "победам"

в войне 1914–1918 годов, бредням фашистских заправил и прежде всего самого маниака Гитлера, возвестившего немцам, что они "начинают своё наступление там, где были остановлены много веков тому назад". Портреты Фридриха, Гинденбурга, Гитлера висят рядом, их книги стоят вместе, их идея "Дранг нах Остен" пришла от тевтонов к эсэсовцам, и Восточная Пруссия являлась её важнейшей базой, Танненберг — важнейшим центром её пропаганды.

Немцы помнили разгром тевтонов при Танненберге и сражение с армией Самсонова назвали "битвой при Танненберге", символизируя этим реванш за 1410 год. Людендорф писал, что, предлагая это название Гинденбургу, он делал "приятное немецкому сердцу". Район Танненберга стал заповедником хищников, рассадником идей нападения на другие страны. Он покрыт могилами немцев, убитых в 1914 году, заставлен монументами, кричащими о доблести немецкой армии. Десятилетиями издавались и переиздавались фотоиллюстрации "Штаб Гинденбурга наблюдает за действиями войск". Мы видим на этом фото немецких генералов на склоне высоты у стереотрубы; мы нашли это место на поле боя, отмеченное памятником с выспренней надписью.

Но мы знаем, что до последнего момента борьбы и Гинденбург и его штаб сомневались в победе над обречённой армией Самсонова. Людендорф тогда доносил, что "дурной исход ещё не исключён". Но в одно фото мы верим: оно изображает тысячи раненых русских солдат, свезённых немцами на площадь города и брошенных на голые камни.

Севернее Танненберга, у города Хохенштайна, выстроили небывалых размеров каменное круглое здание, предназначенное быть усыпальницей немецких генералов. Немцы видели в этом стиле "колоссаль", и кажущейся простоте стен выражение мощи и строгости, а получилась не то огромных размеров тюрьма со сторожевыми башнями и камерами-нишами, не то сарай с башнями для силоса и нишами-стойлами. Огнеупорный кирпич плохой отделки придал этому строению красно-серый грязный цвет.

Сюда свозили со всей Германии мощи старых генералов и укладывали в ниши.

Здесь на церемониях похорон сошлись фельдмаршал Гинденбург и одержимый ефрейтор Гитлер. И когда фельдмаршал умер, его похоронили с невиданной помпезностью, ему поставили памятник, тоже "колоссаль", а Гитлер предстал перед немцами, потом в кино и на фото перед всем миром как прямой наследник танненбергской (весьма сомнительной) славы фельдмаршала

Гинденбурга.

Здесь сошлись немецкие генералы и фашистские проходимцы. Здесь проповедывали планы покорения СССР и всего мира. Здесь фашисты вызывали к действию силы тотальной войны, которая привела Германию к поражению, какого она ещё не знала в своей истории.

* * *

В Восточной Пруссии переплелись не только хищнические идеи тевтонов Фридриха II, кайзера Гогенцоллерна и Гитлера, но и причудливо переслоились системы укреплений: замки времён средневековья, крепости эпохи Семилетней войны, 70-80-х годов прошлого века, укреплённые районы истекших десятилетий и железобетонная и полевая оборона последних трёх лет.

Мы прошли городами Кульм, Торн, Марненбург, Мариенвердер и десятками других городов в центральной и приграничной части Восточной Пруссии. Они построены на высотах, осели, как осьминоги, как пауки, на берегах рек, на скрещениях дорог.

Штурм этих городов труден. Города, как правило, командуют над окружающей местностью. Трудно разрушать строения каменной кладки, особенно старинные. Для этого нужна не полевая артиллерия, а батареи большой мощности. Необходима специальная подготовка к штурму, а это ведёт к потере времени и темпа наступления.

Можно в борьбе за город сжигать дома, можно их совсем разрушить, но это требует затраты средств, времени и иногда не даёт больших успехов. Сгоревшие строения обороняющиеся могут вновь приспособить к обороне, обрушившиеся стены зданий покрывают собой потолки подвалов, усиливают их перекрытие и делают подвалы ещё неуязвимей.

В городе нужно в ближнем бою овладеть каждым домом, улицей, кварталом. Это трудно и кровопролитно. Но ещё трудней овладевать крепостями. Они построены 60–70 лет тому назад и состоят из цитаделей и фортов. Цитадели сохранились не всюду, а форты в большинстве уцелели. Цитадели обнесены высокими, прочными стенами, высящимися часто по берегу рек, рвов или каналов. Вокруг теснятся каменные дома разросшихся городов, и в этом нагромождении каменных зданий, в узких кривых улицах трудно наступать. Форты цепью опоясывают цитадель, город. Форт, по нашим современным понятиям, — слепое сооружение, но овладеть им трудно и сейчас. Перед внешним фасом каждого

форта отрыт выложенный камнем ров. Ширина его 20–30 метров, глубина 8-12 метров. Если стать на край рва, впечатление будет такое, точно стоишь у окна в третьем этаже дома и надо перешагнуть через улицу на третий этаж противоположного дома. Этот ров немыслимо преодолеть танкам, в него нет расчёта спускаться атакующей пехоте.

Форт трудно разрушать: его стены и перекрытия сооружены из кирпича, но покрыты слоем земли толщиной в 5-б метров, скреплённой корнями давно выросших деревьев. В убежищах форта хранятся сотни тысяч снарядов, там могут располагаться целые подразделения войск.

Мы стоим на гласисе[1] форта "Кёниг Вильгельм", где находился наблюдательный пункт немецкого офицера, и отсюда стараемся оценить возможности обороны местности перед фортом. Глаз напрасно ищет скрытые подступы к форту. Их нет. Далеко впереди пространство, десятилетия тому назад расчищенное для обстрела и вновь очищенное в наши дни. Форт так и строился на командных высотах, чтобы впереди лежащая местность вся простреливалась. Сейчас на скатах валов, на гласисах, на вынесенных вперёд площадках, за рвами, недоступными для танков, установлены крупнокалиберные пулемёты и противотанковые орудия. В глубине форта на площадках, некогда подготовленных для орудий крепостной артиллерии, стоят тяжёлые миномёты реактивного действия.

Форт и ныне — отличное противотанковое сооружение. Лучше всего в него врываться с тыла, преодолев железные высокие решётки времён 80-х годов, которыми форт обнесён, и колючую проволоку на железных кольях, поставленных ещё в 1914 году. Но, ворвавшись в форт, приходится вести бой в тесноте — на площадках для орудий, во рвах, на верхних этажах казарм, в кромешной тьме глубоких подземелий.

Чтобы обойти форты для атаки с тыла, чтобы потом прорваться к городу, к цитадели, нужно ослепить их дымом, подавить огнём и атаковать между фортами. Но пространство между фортами находится под огнём, а этом пространстве сооружены мощные доты, установлены минные поля и заграждения из колючей роволоки. Впереди же, между фортами, сплошные противотанковые рвы. Они сливаются со старинными рвами фортов и образуют сплошной ров вокруг крепости. Позади фортов предусмотрительно проложены скрытые от внешнего наблюдения кольцевые дороги. По этим отличным дорогам курсируют танки и самоходные орудия, усиливая неподвижные средства обороны крепости, создавая бронированный огневой кулак на опасных направлениях.

Менялись эпохи военного искусства, менялось вооружение, и ныне немцы, модернизируя старые форты, сохранив их названия — "Фридрих дер Гроссе", "Кёниг Вильгельм" и другие, стремились укрепить свою оборону.

Крепости и сильно укреплённые города можно и нужно обходить, но это не всегда выгодно, потому что они, располагаясь на узлах дорог, у переправ через реки, сковывают наш манёвр. Это не всегда выгодно и потому, что в Восточной Пруссии исключительная густота городов, деревень, поместий и хуторов. Находясь на выгодных для обороны высотах, они своим взаиморасположением дают возможность создавать огневые мешки и наносить фланговые удары. Обходя крупные города и крепости, войска натыкаются на сеть этих укреплённых населённых пунктов. Усилия войск распыляются на множество боёв за мелкие объекты.

Дома в приграничных районах Восточной Пруссии, стены домов, окна и особенно подвалы строились с расчётом быстрого приспособления их для обороны. Тысячи военных поселенцев, расположившись у границы Восточной Пруссии, готовили свои хозяйства к обороне. Укрепления городов, крепостей, деревень, имений, сочетаясь с укреплениями долговременной полевой обороны, создали в Восточной Пруссии мощную преграду, на непреодолимость которой надеялись немцы.

Правда, у немцев не оказалось сверхъестественных укреплений, не было валов многометровой высоты, подобных китайской стене. Это была выдумка Геббельса, рассчитанная на испуг военных дилетантов. Но мы встретили мощнейшие фортификационные сооружения и главное — сильную долговременную и полевую оборону.

Каждый элемент этой полевой обороны преодолим в отдельности. Колючую проволоку легко растоптать танком, разорвать снарядами, гранатами, разрезать ножницами сапёров. Мины можно подорвать или обезвредить. Противотанковый ров танкисты заваливают фашинами, засыпают, подрывают его стенки фугасами, через ров быстро перекидывают разборные мостики. Дот разрушают артиллерийским огнём, ослепляют дымом, его подрывают сапёры, блокируют и захватывают штурмовые группы. У немцев становилось всё меньше и меньше смельчаков, готовых сидеть в доте, подверженном блокировке, окружению.

Но действительная сила обороны противника — в сочетании и системе всех её средств. Трудно достичь колючей проволоки и броситься на штурм траншей, потому что они прикрыты минными полями. Трудно разминировать эти поля, потому что они прикрыты огнём из траншей. Трудно штурмом преодолеть

траншеи, форсировать противотанковый ров, ибо подступы к ним обстреливаются из дотов. Трудно блокировать дот, ибо его прикрывают огнём из траншей. Приходится иногда все средства обороны преодолевать одновременно. А это вдвойне трудно, потому что эти статичные средства усилены подвижными танками, самоходными орудиями. Надо их уничтожить и потом, пройдя вперёд, расширить прорыв фланговыми ударами в глубине, чтобы достичь свободы манёвра. Но путь к расширению прорыва и манёвру преграждает отсечная позиция. Представим себе, что наступление идёт строго с востока на запад и ему преграждает путь позиция противника, лежащая с севера на юг. Прорвав её, атакующий попадёт под огонь и контратаки из глубины с фронта и с фланга. Стремясь повернуться в сторону, чтобы расширить прорыв, ликвидировать опасность удара с фланга и получить свободу манёвра, атакующий натыкается на отсечную позицию, которая идёт с востока на запад перпендикулярно или под некоторым углом к основной позиции.

Сила обороны противника — во множественности её объектов и исключительной глубине их расположения. Работа по уничтожению и преодолению объектов обороны прежде всего очень трудоёмкая. Она требует огромной затраты времени и, что самое главное, больших жертв. Этим, собственно, оборона и стремится достичь своих главных целей, определённых природой войны, записанных во всех уставах: обескровить противника, задержать его или остановить.

Укрепления Восточной Пруссии сильнее большинства укреплений, преодоленных Красной Армией в ходе Великой Отечественной войны.

* * *

Мы стоим на мосту в городе Дойтш-Айлау. Вокруг города и на улицах масса укреплений, но наше внимание привлекает прежде всего маленький мост на перешейке двух больших озёр посреди города. Мост подготовлен к взрыву не только фугасом, но и авиабомбой в одну тонну. Если бы немцы успели его взорвать, Дойтш-Айлау стал бы недоступен для атаки танкового соединения, которое здесь наступало. Через озёра, покрытые тонким льдом, танкисты не смогли бы пройти, им пришлось бы обходить десятки километров вправо и влево, но там сплошные леса и болота. Если бы танковое соединение совершило ещё более широкий манёвр в обход этих препятствий, оно подставило бы фланг под удар со стороны привислинских крепостей. Так

взрыв маленького моста на этой местности может повести к крупной неудаче наступления.

Мы движемся на север. На пути у города Мюлен протекает речушка. Дорога к ней идёт между двух высот. Всё это кажется незначительным условием для обороны и не бросается в глаза. Но подойдите ближе — широкая пойма реки заболочена, берега реки укреплены. Такие никому неизвестные речушки могут иногда задержать танкистов дольше, чем крупнейшие водные преграды. Через такую болотистую долину не пойдут танки и особенно автомашины. По ней не поплывут паромы, как они плыли через Днепр, Вислу, Неман и Одер. Надо строить мост длиной более километра или любой ценой захватить мост на шоссе, не дав немцам его уничтожить. Но если перейти на противоположный берег и всмотреться в хутор, расположенный неподалёку на высоте у дороги, можно заметить маленький сарайчик. Сломайте запор, распахните ворота — и на вас глянет стальная амбразура огромного артиллерийского дота. Зайдите внутрь. Приборов наблюдения нет, но откройте затвор орудия, посмотрите через канал ствола, и вы увидите, что под огнём этого орудия находится долина реки, а главное — узкое длинное дефиле между высотами. Сюда же в дот тянутся провода фугаса, заложенного под мостом. Наступающие танки могут подойти к мосту через дефиле, но мост взлетит на воздух перед головным танком. Орудие подожжёт задний танк, и все они окажутся в западне. Если танки не пойдут колонной и выбросят вперёд разведку, она будет остановлена, и нужно будет либо вести затяжной бой на укреплённом рубеже этой речушки, который тянется на десятки километров по фронту, либо совершать новый обходный манёвр, теряя время и рискуя на новом направлении встретить новые сложные препятствия.

Сила сопротивления этих оборонительных сооружений — прежде всего в их сочетании с естественными препятствиями местности, они как бы "вписаны" в местность. На западном направлении, в которое входит Восточная Пруссия, находится свыше трёх тысяч озёр. Есть озёра размером более квадратного километра. Много озёр с зеркалом в 20–30 квадратных километров. Это естественные препятствия, имеющие огромное значение в системе обороны. Вспомните знаменитые Мазурские болота и озёра, которые разобщали усилия целых армий, наступавших на Восточную Пруссию. Озёра, соединённые многочисленными реками и каналами, — это укрепления и естественные преграды, которыми Восточная Пруссия прикрыта с юга со стороны Польши.

Угрозы с юга всегда опасался германский генеральный штаб.

Ещё до первой мировой войны немцы укрепляли южную часть Восточной Пруссии. Немецкие генштабисты проводили здесь манёвры, на которых разыгрывали тактику обороны Восточной Пруссии одновременно с востока и с юга. После первой мировой войны, когда образовался Данцигский коридор, были выстроены укрепления в Западной Пруссии фронтом на запад против Данцигского коридора. Во все времена укреплялся север Восточной Пруссии — Поморье. Так, укреплённая со всех сторон Восточная Пруссия закрывала собой Померанию и, нависая над Польшей, прикрывала Берлинское направление. Мосты на Висле соединяли Восточную Пруссию с Померанией, некоторые из них были построены давно, некоторые строились до последнего момента, пока наши танкисты не прогнали немецких сапёров. Наконец, нижнее течение Вислы от Данцигской бухты до Бромберга было прикрыто ожерельем крепостей и тет-де-понов[2], что превращало нижнее течение Вислы в исключительно сильный рубеж обороны.

Но все эти сооружения имели не только оборонительный характер. Громадные казармы и склады, ремонтные заводы и мастерские рассчитаны на размещение, снаряжение и питание войсковых масс, неизмеримо больших, чем это требовалось для обороны Восточной Пруссии. Железные дороги, особенно приграничные станции, их рельсовая сеть также показывают на подготовку сосредоточения здесь крупнейших войсковых масс. Автострада и сеть шоссе подготовлены были для манёвра этих войск, сеть аэродромов — для базирования масс авиации; порты в южном бассейне Балтийского моря готовились к обеспечению наступления морем. Так в новых условиях Восточная Пруссия стала стратегическим плацдармом, ещё более важным, чем раньше, плацдармом, от которого шли пути на восток — на Вильно — Минск, через "Смоленские ворота" к Москве, на север — через Прибалтику к Ленинграду, на юг — на Варшаву.

Так под розовыми идиллическими крышами из черепицы с гнёздами аистов наверху плодились хищники, так жили они на каменных кладках средневековья, на железобетоне укреплений, на тупых традициях, культивировавшихся со времён средневековья до наших дней.

Немцы подготовились к нападению на Польшу и один из главных ударов нанесли ей из Восточной Пруссии.

По этим же обсаженным деревьями дорогам сосредоточились бронированные массы германской армии, чтобы в июньскую ночь 1941 года с огнём, грохотом, криком двинуться на Москву и Ленинград.

* * *

Немцам казалось, что они достигли своих вожделенных мечтаний. Уже в 1941 году германская печать пророчила Кенигсбергу роль нового центра "Великой Германии", которая будет простираться до Волги. Отсюда, из Восточной Пруссии, началась колонизация Польши. Отсюда пошли колонизаторы, собравшиеся осесть на землях СССР. Сюда, в Восточную Пруссию, согнали немцы пленных со всего мира. В первые же годы войны Германия стала страной рабовладельчества, Восточная Пруссия — важнейшим центром работорговли.

Перед нами проходят длинной чередой невольники помещичьих имений и пленники крупнейшего лагеря в районе Танненберга.

Полон горечи рассказ французского лейтенанта Пьера Бешар. Как он попал в плен? В его взводе были танки Рено, двигавшиеся со скоростью 8 километров в час. Всем танкистам было ясно, что на этих танках невозможно воевать, но генералы, предавшие Францию, напоминали, что этот танк в 1918 году победил германскую армию. Потом они обещали танкистам новые танки, действительно построили их тысячи, но до самой войны эти танки стояли без башен. Наконец, появились быстроходные машины "Сомуа", но их гусеницы рвались после каждых 20 километров марша. Зловещее слово "предательство" пронеслось среди танкистов Франции. Под бомбами Бешар отходил из-под Седана, потом с укреплений Мажино. Он блуждал по Лотарингии, бежал в Вогезы, там был схвачен и очутился в лагере у Танненберга. Сюда же попал сержант Жозеф Жермез, служивший в танковом полку у города Камбрэ. Не думали французы из Камбрэ, откуда началось в первой мировой войне первое в истории победоносное наступление танковых войск союзников, что через четверть века французские танкисты окажутся за колючей проволокой у Танненберга.

Английский солдат Томас Джордж пять суток дрался в окружении у Дюнкерка, был схвачен, и 28 суток его вели через всю Германию в Восточную Пруссию. Английский штурман А. Люкас сражался в Тобруке и у Бенгази. Он был взят в плен в море при высадке на берег в Греции. Из Италии пригнали его в Германию. В пути он пробовал бежать, был схвачен и в наказание сослан в лагерь, где содержались русские военнопленные. Содрогаясь, вспоминает Люкас этот подземный лагерь.

Тысячи, десятки тысяч французов, англичан, поляков сидели в казематах крепостей у Вислы. Часть из них была расстреляна. Уцелевших пригнали к Танненбергу. Самое тягостное

воспоминание этих пленников связано с началом войны против СССР. Мимо лагеря у Танненберга мчались немецкие машины с надписью: "Париж — Москва — Лондон". Немцы торжественно отмечали первые свои победы, заявляли, что Россия будет покорена в один месяц. "Нам казалось, что боши будут господами мира, — признаётся бывший учитель, сержант Эрмо Роне. По их требованию, кроме двух миллионов пленных, из Франции пригнали в Германию ещё миллион французских юношей. Казалось, нас ждало вечное порабощение".

Скорбна повесть девушек из нашей страны, которые сами себя называли невольницами. Они говорят о том, как преследовали их агенты врага, как они прятались от них в сараях, в погребах, в лесах, как немцы взяли заложниками их матерей, отцов и пригрозили смертью. Тогда пришлось итти в Германию. Долгие недели девушек везли в запертых вагонах для скота, пригнали в Данциг, потом в Восточную Пруссию на продажу в рабство.

На рынке разлучали сестёр, подруг, землячек, чтобы одиночками было труднее сопротивляться. Немцы на рынке спорили: каждый хотел получить самых молоденьких, даже подростков, — они слабосильней, но их легче заставить покориться; старшие сильней, опытней, но строптивей. Чтобы не было спора, девушек разыгрывали в беспроигрышной лотерее, по 10 марок за билет. Билет № 8 пал на документы пятнадцатилетней русской девочки Оли Онуфриевой. Довольный немец оглядел свой "выигрыш", взял документы Оли и поехал в фаэтоне. Оля бежала за ним 12 километров по раскалённому асфальту усовершенствованной немецкой дороги.

Невольницам не разрешали встречаться, запретили разговаривать. За стеной сарая у соседа-кулака умирал на соломе пленный красноармеец. Он попросил девушек спеть ему любимую песню. Девушки тихо пели, слезы катились из глаз, но немец-хозяин услышал песню и прогнал девушек из сарая.

Никогда не забудут девушки, как погиб пленный красноармеец Николай (фамилия его осталась неизвестна). Суд приговорил его к пожизненной каторге за незначительную провинность. Хозяин-немец, помещик, остался недоволен решением суда, обжаловал его в Берлин. Николая приговорили к смерти и на скотном дворе отрубили ему голову.

Перед нами в бараке военнопленных сидят только что освобождённые русские врачи — Пушкарёв, Гордеев, Ржаницин, фельдшеры — Пенкин, Ракитин и многие другие. Взрослые мужчины, три года тому назад сильные, жизнерадостные, плачут. Человеческое сознание не вмещает того, что они рассказывают о

лагере военнопленных у Танненберга, что пережили за долгие месяцы и годы. Разыгрывая комедию, немцы заставляли советских врачей лечить пленных красноармейцев, но пленным не давали есть. Им бросали дохлых лошадей и потешались над тем, как люди, обезумев от голода, ели падаль. Тысячи пленных умерли от голода, оставшимся в живых выдавали ничтожную порцию еды, за которой выстраивались очереди. Пленным не давали пить. Но среди двора была огромная лужа, края её были пристреляны пулемётчиками со сторожевых вышек. Люди ради глотка воды забывали о смерти и тут же падали в лужу, скошенные пулемётными очередями.

Не погибших от голода добивали холодом. Бараки зимой не отапливались, пленные спали, согревая друг друга телами, ночью многие умирали, у живых не было сил подняться, они лежали рядом с трупами.

Десятки тысяч пленных после нескольких месяцев работы в шахтах возвращались в лагерь умирать от туберкулёза; их звали страшным словом "доходяги" — эти люди доходили до смерти на своих ногах.

Германия стала каторгой для народов. Восточная Пруссия — одним из самых мрачных застенков. Как нельзя лучше это подтверждает лагерь для военнопленных у Танненберга, расположенный рядом с каменным зданием могилы Гинденбурга. Сюда немцы сгоняли по 50-60-80 тысяч поляков, французов, англичан, русских. Каждая партия пленных, подходя к Танненбергу, считала, что мрачное красно-серое здание и есть тюрьма для военнопленных, но их размещали рядом, в 800 метрах, за колючей проволокой. Люди, согнанные сюда со всей Европы, видели сквозь колючую ограду мрачное кирпичное здание, в котором стоял огромный памятник Гинденбургу, стоял точно каменный сторож концентрационного лагеря: "Восточная Пруссия".

* * *

Вскоре после начала войны с Советским Союзом в имения, хутора и города Восточной Пруссии всё чаще стали прибывать извещения "В России отдал жизнь за фюрера муж, сын, брат". Всё чаще слышали невольницы вопли плачущих немок. Потом пронеслось над миром огненное, страшное для немцев слово "Сталинград".

— И мы поняли, — говорит пленный француз Этьен, — что нас освободят русские. У нас не было радио и карты СССР, но

известия о каждом городе, освобождённом русскими, проникали через колючую проволоку в лагерь, и французы, знавшие географию СССР и способные объяснить, где находятся освобождённые города, становились самыми почётными людьми среди пленных. Ноты товарища Молотова об ответственности немцев за содеянные злодеяния, как единогласно показывают пленные, послужили грозным предостережением палачам. Сообщения Чрезвычайной комиссии о зверствах немцев попадали в лагерь через новых пленных, их носили на груди, передавали из уст в уста, переписывали от руки и ночью листки вывешивали на стенах бараков. По тому, как остервенело срывали немцы эти листки, как лютовали в поисках тех, кто их расклеивал, видно было, что палачи не только ненавидят советских людей, но и боятся их.

После Сталинграда, после ноты товарища Молотова в лагере стали давать брюквенный суп и 250 граммов эрзац-хлеба. Начали отапливать бараки, но это был организованный голод и нормированное тепло, при которых у людей едва теплилась жизнь. Много месяцев спустя лагерь обходил неизвестный немецкий генерал-врач. Сопровождавший его лагерный доктор Губерт сказал пленному доктору Пушкарёву:

— Ведь, правда, мы о вас хорошо заботимся?..

В имениях и хуторах немки прятали газеты от невольниц, прогоняли их от радиоприёмников. Невольницы, видя, с какой тревогой немки читали газеты, как они приникали к радиоприёмнику, понимали, что победа Красной Армии недалека.

Грозный вал наступления катился всё ближе и ближе к границам Германии и раньше всего достиг границы Восточной Пруссии. Пруссаки всё ещё не верили, что советские войска придут в их звериное логово, они надеялись на свою армию, на укрепления, на секретное оружие, обещанное Геббельсом. Немцы шопотом передавали друг другу, что после "фау" (фергельтунг — возмездие) № 1 последует "фау" № 2, 3, 4, 5, б и эта пол-дюжина "возмездий" обрушится не только на Лондон, но и на Москву. Говорили, что вступает в строй оружие, убивающее человека без выстрела на расстоянии. Говорили, что Гитлер нарочно пустил войска союзников во Францию, чтобы там их уничтожить и потом обрушиться на большевиков. Слухи о попытках изобрести новое средство уничтожения успокаивали немцев, вселяли надежду, что Красная Армия никогда не вступит в Германию.

На худой конец был детально, с немецкой аккуратностью, рассчитан план, как эвакуироваться из Восточной Пруссии, как уйти от гибели. Всем немцам было приказано подготовиться к отправке, они заготовили себе длинные фургоны, на каждый из

них повесили опознавательную бирку с обозначением района, откуда следует фургон, и указанием фамилии его хозяина. Предполагалось, что все эти фургоны будут построены в колонны и, как на параде, в строю, каждый на своём месте, согласно бирке, последует в глубь Германии. А пока немки укладывали чемоданы, упаковывали варенье, чтобы банки не разбились, и продолжали верить в свою безопасность. Когда немцам предложили сдать русских невольниц, чтобы увести их в глубь Германии, помещики отказались выполнить это требование. Они не хотели расставаться с даровой силой и обещали, что управятся с невольницами сами. Каждую невольницу предупредили, что при попытке к бегству она будет расстреляна, что специальные отряды хозяев будут оставаться в населённых пунктах до последней возможности и каждая русская девушка, которая останется в деревне ждать прихода своих, будет расстреляна. Немцы готовились к эвакуации. Эсэсовцы запугивали их, с одной стороны, зверствами русских, с другой угрозами расправиться, если какой-либо из немцев не пожелает уйти вместе с отступающей армией.

Грозные силы войны стучались теперь в ворота Восточной Пруссии, где вынашивались идеи тотальной, истребительной войны, идеи порабощения народов и господства немецкой расы. Наша армия, выполняя стратегические задания Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, готовилась осуществить чаяния передового человечества, она несла расплату немецким извергам и освобождение невольникам фашизма. Пути Великой Отечественной войны, ставшие, как ни в одной войне раньше, путями истории, пересекли Восточную Пруссию.

Могучие вооружённые силы Советского государства сосредоточились к январю 1945 года у границ Германии. Гитлеровское командование не предвидело размаха их действий, не знало, когда они начнутся, но понимало, что наступление советских войск неизбежно, и готовилось его отразить.

Восточная Пруссия в стратегических планах гитлеровского командования занимала своё особое и своеобразное место. Анализ расположения немецких войск перед советским фронтом показывает, что крупнейшие группировки немецких дивизий находились на крайних флангах и на восточно-прусском плацдарме находилось около 40 пехотных дивизий. Сосредоточивая мощную группировку против правого крыла нашей армии, немцы рассчитывали остановить её на укреплениях Восточной Пруссии, тем самым прикрыть Померанию и обезопасить здесь пути к Берлину. Одновременно немцы предполагали, что смогут с восточно-прусского плацдарма,

выгодно нависающего над Польшей, наносить удары на юг во фланг нашим войскам, наступающим из района Варшавы на Берлин. Немцы считали, что чем глубже будут устремляться наши войска от Варшавы на Берлинском направлении, тем уязвимее будет их правый фланг для ударов из Восточной Пруссии.

Советской Армии в операции на восточно-прусском плацдарме необходимо было обеспечить успех удара от Варшавы на Берлин, не допустить переброски ни одной немецкой дивизии из Восточной Пруссии к Берлину; одновременно, уничтожив всю восточно-прусскую группировку немцев, занять Восточную Пруссию и прорваться в Померанию.

Войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии Черняховского должны были атаковать немецкие позиции в Восточной Пруссии с востока. На важнейшем направлении удар наносило соединение генерал-полковника Крылова. Его успех должны были развить танкисты генерала Бурдейного и Буткова и пехота генерала Галицкого.

Предстояло фронтальным наступлением прорвать немецкие укрепления. Долгие недели перед наступлением все — от командующего фронтом до рядового бойца готовились к прорыву. Днём и ночью, боем и наблюдением они изучали позицию врага, рекогносцировали местность. Было установлено, что на фронте шириной в 9 километров оборонялись три пехотных дивизии, что давало ещё невиданную в обороне противника плотность — 3 километра на дивизию! Обычно дивизия обороняла фронт в 10–12 километров, а при истощении резервов — 20 километров и больше. Истощение резервов привело к тому, что немцы в обороне занимали только первую полосу траншей, а последующие хоть и были подготовлены к обороне, но пустовали. На них немцы отходили из передовых траншей. Это положение давало возможность нашим танкистам после прорыва первой полосы обороны достичь последующих полос раньше немецкой пехоты, что сразу вело к взлому всей обороны и к свободе манёвра. Теперь же против соединения генерал-полковника Крылова были плотно заняты полосы обороны на десятки километров в глубину. Только в тактической глубине было засечено 70 орудий на километр фронта.

Войска понимали, что они идут на трудные бои. Возможности широкого манёвра в первые дни были исключены. Решить успех должен был штурм. В сознании всех бойцов горела мысль, что они будут истреблять врага в самом его осином гнезде, что их действия будут поддержаны всей силой могучей техники, что они участники последних, решающих боёв.

Офицеры и генералы глубоко прониклись сознанием, что они

осуществляют идею Верховного Главнокомандования, обеспечивают выполнение главной стратегической задачи, которая решается на Берлинском направлении. Все средства для взлома и сокрушения мощной обороны врага в Восточной Пруссии были подготовлены.

* * *

Утро 13 января было позднее. После долгой ночи медленно светало. Тысячи орудий ударили раскалённым дробящим металлом по укреплениям врага. Дым артиллерийской стрельбы поплыл над передним краем.

Вскоре капризные ветры Балтийского моря пригнали туман. Сливаясь с дымом, он становился всё плотнее, опускался всё ниже и вскоре закрыл землю. Генерал-полковник Крылов находился в 800 метрах от переднего края противника, в расположении батальона своей пехоты. Он видел, как она рядом с танками быстро и решительно поднялась в атаку и скрылась в тумане. Оттуда из мглы доносилась непрерывная стрельба пулемётов и автоматов и глухие мягкие удары танковых пушек, звук которых скрадывали башни. Потом по радио в блиндаж генерала начали поступать донесения наших танкистов: "видимость 500 метров", "видимость 300 метров", "видимость 200 метров" и, наконец, "ведём огонь в упор".

В тумане невозможны были действия нашей авиации. Она не могла появиться над полем боя и оказать помощь бросившейся в атаку пехоте. Все задачи разрушения укреплений, подавления и уничтожения техники и живой силы врага легли на артиллерию. Она вела массированный огонь по пристрелянным заранее объектам, но видимость всё ухудшалась, и артиллерия лишилась наблюдения.

Наступление развернулось в невыгодных для 3-го Белорусского фронта условиях. Прервать начавшееся наступление обычно трудно, но возможно. Сейчас нельзя было этого делать, потому что далеко от Восточной Пруссии, на юге Польши, у Сандомира, уже сражались войска маршала Конева. Со дня на день должны были перейти в наступление войска маршалов Рокоссовского и Жукова, гигантское стратегическое наступление развёртывалось на всём советско-германском фронте от Балтики до Будапешта, и войска генерала армии Черняховского даже в ухудшившихся условиях выполняли свой долг.

В первые же дни сказалась мощность немецких укреплений и особенно их массовость. Борьба за траншеи, за группы дотов, за

населённые пункты, имения, хутора, отдельные дома и каменные сараи потребовала своеобразной тактики. Надо было децентрализовать силы, что усложняло управление ими, и без того трудное в сплошном тумане. Штабы дивизий максимально при близились к войскам. Решающую роль стали играть мелкие комбинированные штурмовые группы. В тумане наши бойцы и офицеры стремительно сближались с врагом, прорывались через пристрелянные рубежи, и на гигантском поле сражения шумел кровавый рукопашный бой.

В первый день войска овладели только тремя траншеями, продвинулись всего на полтора километра. Во второй день войска усилили натиск; но и немцы ввели в бой танки и десятки раз бросались в контратаки. Их удары отразили полки наших тяжёлых танков, самоходных орудий и бригады истребительной противотанковой артиллерии. Наша пехота, прикрытая ими, не только не дрогнула, не остановилась, а продолжала наступление; она продвинулась на два с половиной километра. Третий день продолжалось наступление при непрерывных контратаках врага, четвёртый день продолжался героический шгурм; войска генерал-полковника Крылова преодолели 10, 20, 30, 41-ю траншею. Первая половина укреплений была прорвана, наступление продолжалось. В прорыве современной обороны важен не только самый факт продвижения вперёд, но и темп, которым оно совершается, темп, определяющий характер и успех операции. Либо это быстро совершённый прорыв с выходом в глубину обороны противника подвижных соединений, прежде всего танковых, которые не дают отходящему противнику возможности закрепиться на последующих рубежах, громят подходящие резервы, гонят войска противника к катастрофе, либо это медленнное прогрызание, трудное, кровопролитное, при котором выгоды остаются на стороне обороняющегося противника. Он последовательно отходит на заранее подготовленный рубеж, перед каждым из них наступающий должен начинать всё сначала, к противнику подходят резервы, он ими контратакует, останавливает наступающего, и возникает опасность "затухания" наступательной операции. Прорыв с "прогрызанием", как он ни труден, бывает неизбежен; важно, чтобы он совершился возможно быстрее.

Чтобы этого добиться, в наступление было двинуго танковое соединение генерала Бурдейного, но противник ещё имел танки и артиллерию, и наши танкисты несли потери. За пять дней боёв было пройдено 20 километров.

В другой операции эти 20 километров означали бы прорыв всей тактической глубины обороны и выход на оперативный

простор. Но в том-то и дело, что здесь, на Кёнигсбергском направлении, за тактической зоной не было оперативного простора. Преодолев одну полосу сопротивления, пройдя 41 траншею, надо было начинать всё сначала. Укрепления тянулись до Кёнигсберга и далее до Вислы, а в районе Кенигсберга ещё усиливались.

В глубоком раздумье сидел над картой генерал армии Черняховский, его военное чутьё и опыт подсказывали, что в сражении кажущаяся иногда безвыходность положения обманчива. Если наступление не дало решительных результатов там, где их ожидали, это ещё не значит, что затраченные усилия пропали даром. Тяжкие удары войск 3-го Белорусского фронта не могли не потрясти даже такую оборону, как немецкая оборона в Восточной Пруссии. Эти удары вели к успеху, но для его развития надо было найти новые пути. Действительно, соединение генерал-полковника Крылова, вклинившись на 20 километров в расположение противника, обнажило его фланг севернее полосы своего наступления. Генерал, командовавший соединением правее войск Крылова, доложил, что сопротивление противника слабеет. Напрашивалось решение развивать наступление на новом направлении. Это означало сильное изменение плана операции. Танковые соединения Буткова и Бурдейного должны были теперь наступать не на запад, а сначала на север, нанести удар по обнажившемуся флангу и уже в глубине обороны противника поворачивать на направление главного удара, вдоль Кенигсбергского шоссе. Сумеют ли танкисты в этой крайне насыщенной обороне добыть себе свободу манёвра, или им придётся так же шаг за шагом преодолевать укрепления?

Танкисты должны были решить успех, и командующий фронтом, сам в недавнем прошлом танкист, поставил им трудную, ответственную задачу. Соединение генерала Буткова развернулось и смело устремилось на север. Танкисты ударом во фланг смяли немецкие войска и, не задерживаясь, резко повернули на юго-запад. Они обошли сильнейшие очаги немецкой обороны, прорвались в первый же день наступления на 40 километров в глубину, форсировали реку Инстер и вышли западнее Инстербурга. В ту же ночь генерал Бурдейный вывел свои танки из боевых порядков пехоты, оторвался от противника и, совершив тяжёлый ночной марш, устремился за соединением Буткова. Вот где сказался неоценимый опыт Великой Отечественной войны. Более трёх лет генералы Бутков и Бурдейный водили свои соединения в рейды по глубоким тылам против ника. Много раз они с боем входили в прорыв и вели тяжёлые бои в глубине немецкой обороны. Борьба, когда вокруг,

всюду и всегда враг, стала привычной стихией для наших танковых соединений. В Восточной Пруссии, где на каждом километре препятствие, где реки и каналы задерживали движение, где, используя сеть дорог, враг мог появиться отовсюду, наши танкисты доказали, что танковый удар и манёвр возможны в самых сложных условиях. Бои пехоты ещё шли под Гумбинненом, а танкисты были уже западнее Инстербурга. Танкисты перерезали дорогу на Кенигсберг и нанесли удары, от которых затрещала немецкая оборона. Пал Гумбиннен, вслед за ним Инстербург. Танкисты добыли и вернули наступлению необходимый темп и сокрушительный характер боёв на окружение и уничтожение. Развивая успех, танковые соединения Буткова и Бурдейного вместе с подошедшей (пехотой устремились дальше и обошли Кенигсберг с северо-запада и юго-запада. Как ни велик был успех 3-го Белорусского фронта, он ещё не означал победы в Восточной Пруссии Крепость Кенигсберг и укреплённый район вокруг неё могли ещё долго сопротивляться, получая подкрепления из Померании по автостраде Эльбинг Кенигсберг, из Данцига по косе и морем. Вся территория в Восточной Пруссии южнее Кенигсберга и до Вислы, особенно в районе Мазурских озёр и привислинских крепостей была сильно укреплена. Восточно-прусская группировка могла уйти за Вислу и там, опираясь на цепь крепостей, на такую преграду, как Висла, организовать вместе с частями, подошедшими из Померании, новый мощный рубеж обороны.

* * *

Вслед за войсками 3-го Белорусского фронта с плацдармов на реке Нарев севернее Варшавы, в направлении Пшасныш — Цеханув и Млава перешли в наступление войска 2-го Белорусского фронта. Здесь, как и на участке 3-го Белорусского фронта, враг оказывал упорное сопротивление. На каждом километре шла ожесточённая борьба.

Пленный командир роты 129-й пехотной дивизии, лейтенант Людвиг Ендрасцек показал, какой огромный урон советские артиллеристы нанесли живой силе и технике немцев. Они уничтожили большую часть его роты, разбили радиостанцию, порвали телефонную связь, были убиты все посыльные, которых он направлял к командиру батальона. Едва стал утихать артиллерийский огонь, как появились цепи красноармейцев. Лейтенант бежал от них во вторую траншею и там оказывал сопротивление, пока не был взят в плен.

252-ю пехотную дивизию поддерживал 57-й миномётный полк резерва главного командования. Нам хорошо знаком шум и визг его шестиствольных миномётов, которые способны одновременно дать массу огня. Командир батареи этого полка Эрнст Гилебрандт показал, что полк, находясь в укрытии в лесу, вёл непрерывный огонь, пока в просеку леса не ворвались наши "Т-34" с десантом пехоты. Врач батальона капитан Гинкель показал, что батальон долго сопротивлялся, ибо солдаты знали, что при отходе они будут расстреляны эсэсовцами. Но сопротивление не помогло: половина солдат была ранена, много было убито осколками артиллерийско-миномётных снарядов. А на второй день семьдесят процентов из уцелевших получили пулевые ранения. Таково цифровое выражение результатов первых дней наступления. Капитан 5-й лёгкой пехотной дивизии Эрвин Блохинг был в крепости и признаётся, что содрогнулся от артиллерийского огня, но потом огонь стих, и стало известно, что русские обошли крепость. Блохинг бежал двое суток на запад, но обогнать русских не мог. На третьи сутки он лёг спать, но говорит, что содрогнулся второй раз — на этот раз от криков "ура". Капитан едва успел одеть очки, как увидел перед собой русского автоматчика.

Так, разрушая укрепления врага артиллерией, уничтожая его в ближнем бою огнём автоматов, громя артиллерийские позиции танками, обходя сильно укреплённые объекты, войска маршала Рокоссовского прорвали немецкую оборону. В прорыв были введены танковые соединения генералов Панова, Фирсовича, Попова и Вольского. Были взяты Пшасныш, Цеханув, Млава и Млавский укреплённый район. Отсюда часть сил маршала Рокоссовского продолжала наступление на запад, крупные силы устремились на северо-запад и потом всё круче на север, к южной границе Восточной Пруссии.

Они стремительно двигались на север теми же полями, которыми тридцать лет тому назад шла армия Самсонова

История вообще, и военная в особенности, не терпит упрощённых сравнений. Ни один современный бой не похож на другой. Тем более каждая операция прошлых войн, имея некоторые черты, приложимые к современным операциям, имеет ещё больше черт, отличающих её от современной операции. Действия войск маршала Рокоссовского развернулись на Танненберг, но они несравнимы с действиями войск армии Самсонова, потому что проводились в исторически иной обстановке, во исполнение совершенно иного, чем в 1914 году, стратегического плана. С точки зрения оперативной, действия этих войск несравнимы потому, что тогда вся территория от

Варшавы до южной границы Восточной Пруссии находилась у России. Ныне, чтобы достичь южной границы Восточной Пруссии, надо было выиграть крупнейшие сражения на реке Нарев, севернее Варшавы, на Мазовецкой равнине.

Разгромив войска противника на Мазовецкой равнине, овладев Млавой, войска 2-го Белорусского фронта обеспечили себе подход к южной границе Восточной Пруссии. Но это было только началом борьбы за решение поставленных задач. От Мазурских озёр и болот до Вислы, вдоль всей границы, на пути войск 2-го Белорусского фронта были сильнейшие укрепления на местности, которая считалась недоступной для действий крупных танковых масс. У немецкого командования был, несомненно, детально разработанный план обороны Восточной Пруссии, ибо, как писал немецкий военный историк Тренер: "Едва ли нашёлся хотя бы один офицер генерального штаба, который в мирное время не занимался бы подробно проблемой военной обороны Восточной Пруссии".

Но, подходя к границе Восточной Пруссии, войска Рокоссовского уже выиграли темп операции. Танковые и механизированные соединения стали обгонять свои пехотные части, устремляясь всё быстрее вперёд. Они оказались на фланге всей восточно-прусской группировки противника и угрожали её тылам. Мы теперь точно знаем, что все штабы немецких корпусов, противостоявших войскам 2-го Белорусского фронта, бежали уже на третий день наступления. На четвёртый день бежал штаб немецкой армии. Стремительность, направленность, внезапность ударов принесли успех. Наши танкисты захватывали сильнейшие укрепления, не дав противнику занять их своими резервами, они захватывали мосты, не дав возможности противнику их взорвать. Танкисты генерала Фирсовича совершали ночные марши при свете прожекторов. Это вводило немцев в заблуждение, а танкисты, освещая их позиции, сближались и били по врагу. Они подошли к обводу мариенбургских укреплений, не встретив сопротивления, поймали полицейского и заставили его указать проход через укрепления.

Части 2-го Белорусского фронта ворвались в Алленштейн. Захватив железнодорожную станцию, они заставили немецкого диспетчера продолжать приём поездов и приняли из Кенигсберга 22 эшелона с немцами, спешившими укрыться в безопасное место от наступления 3-го Белорусского фронта.

Рокоссовский выбил из рук немецкого командования в Восточной Пруссии управление войсками. Лётчик сбитого немецкого разведывательного самолёта показал, что он был послан командованием искать свои войска. Через час был сбит

второй разведывательный самолёт, летевший с заданием — установить, где проходит передний край своей же обороны. Немецкие генералы уже не знали, где их войска, где линия боёв. Всё перемешалось. На фронте только одного соединения были взяты пленные четырнадцати разных дивизий. Некоторое время ещё действовал немецкий план обороны Восточной Пруссии с юга. Наши лётчики донесли, что колонны глубиной в 50 километров движутся из центра Восточной Пруссии на юг. Это были резервы, ещё не подвергшиеся нашим ударам. Но было уже поздно. Пыталась атаковать наши части танковая дивизия "Великая Германия", но во встречном бою наши новейшие танки "ИС" подожгли и подбили 38 "тигров" и "пантер" и отбросили немецких танкистов на север. Переброска немецких резервов на юг лишь облегчила продвижение войск 3-го Белорусского фронта и не остановила войска 2-го Белорусского фронта. Крупные силы маршала Рокоссовского уже развернулись на Мазовецкой равнине, обошли залитые в 1914 году кровью русских солдат и проклятые ими Мазурские болота и неудержимо двигались на Оберландскую возвышенность, на север — к берегам Балтики.

* * *

Мощное танковое соединение генерала Вольского подходило к Найденбургу. Может быть, танкисты тогда и не вспоминали, что в Найденбурге некогда был штаб 2-й армии Самсонова, что впереди исторический Танненберг. Руководившие боями генералы Вольский и Гришин отдали по радио танкистам лаконичный приказ: "Овладеть Найденбургом, Танненбергом, Остероде".

Там, где некогда армия Самсонова дралась и погибала без патронов, без хлеба, теперь наносило сокрушительный удар немцам могучее соединение лучших в мире танков, самоходных орудий, гвардейских миномётов. По тем полям, где увязали в песке русские солдаты, промчалась на бронетранспортёрах, на автомашинах мотопехота. Там, где войска Самсонова шли без конных обозов, теперь действовали машины, моторы которых, вместе взятые, обладали мощностью в полмиллиона лошадиных сил. Ими управляли советские бойцы. Там, где когда-то царским войскам нехватало снарядов, одно только советское стрелковое соединение за короткое время обрушило на голову врага столько снарядов, что если бы их погрузить на автомашины, колонна машин была бы длиной в 400 километров. Это наступала Советская Армия.

Немцы не выдержали удара взаимодействующих в одном соединении сильнейших боевых средств, и потому бои были скоротечные. Найденбург пытался сопротивляться нашей атаке с юга, но был обойдён с востока, с запада и атакован с севера. Бой ещё шёл на улицах Найденбурга, а генерал Сахно уже выбросил сильный передовой отряд на Танненберг. В ночь, совершив марш, танкисты передового отряда завязали бой. Непроницаемый туман скрыл сближение, и бой стал ближним, в упор. Через час после начала боя полковник Омелистый передал в штаб генералу Сидоровичу боевое донесение о том, что "части, преодолевая упорное сопротивление противника, в 7.00 — 21.1.45 г. подошли к Танненбергу. Ударом с юго-востока, с северо-востока и с юга, сломив сопротивление противника, нанеся ему большие потери, в 8.00 овладели Танненбергом". На этом историческом поле танкисты завоевали своим бригадам имя "Танненбергских".

* * *

Вот они, холмистые поля у Танненберга. В утренней дымке выступают тёмные пятна лесов, скрывающих многочисленные озёра и болота. В прогалинах между лесами видна чешуя черепичных крыш. Серое небо бесформенными тучами низко висит над чёрными скелетами придорожных деревьев. Мы идём по улице этой старой небольшой деревни, под именем которой дважды вошли в историю кровавые сражения. Сколько раз в Военной академии мы видели её на картах, сколько раз в тихих аудиториях на лекциях профессоров и на экзаменах незримо и беззвучно двигались вокруг неё войска Ныне въявь и в третий раз поля Танненберга стали ареной исторических боёв.

Сейчас над каменными зданиями деревни воцарилась мертвенная тишина. Ночной бой прокатился далеко на запад. Ещё свежи следы атаки наших танков на Развороченной земле, разбитой технике врага, раздробленных повозках его обозов. Над всем этим низко стелется дым догорающих домов. Деревни и поля вокруг стали огромным кладбищем. Трупы немецких офицеров и солдат раскиданы по улицам и холмам. Они лежат у памятника немцам, убитым в 1914 году, ими полно кладбище на окраине деревни. Кладбище находится на высоте, служившей немцам опорным пунктом, и потому подверглось артиллерийской обработке. Общая солдатская могила времён 1914 года разрыта, разворочена снарядом, и кости, черепа, истлевшие солдатские ботинки валяются на дне огромной ямы. Здесь же лежат укрывавшиеся от обстрела и убитые сегодня ночью фашистские

солдаты. Безусые арийцы в мундирах с орлом к свастикой на груди напрасно искали спасения от смерти в могиле, среди костей своих отцов. В страхе прижимаясь к ним, глядя в чёрные пустые глазницы черепов, прокляли они тот день, когда началась война.

Недалеко от Танненберга, на высоте, обсаженной декоративными кустами, стоит камень с надписью, извещающей, что здесь в августе 1914 года находился командный пункт Гинденбурга и Людендорфа. Это они вкупе с фашистами раздували новую войну, это они оставили своим ученикам, генералам и молодому поколению немцев, призыв к наступлению на славян, это они мечтали о тотальной истребительной войне, о новой славе Танненберга. Они получили войну на истребление и пришли к бесславию. У Танненберга, среди безмолвия могил, шевелятся страницы древней истории и встают картины битв первой мировой войны. На этом широчайшем поле уже раскрыты страницы ещё неписаной истории, свершившейся в наши дни. Немцы мечтали о победах, но сюда, в Восточную Пруссию, не они вернулись с победой, а пришли наши армии.

Судьбе войны было угодно, чтобы именно там, где тридцать лет назад не сошлись, а разомкнулись усилия русских армий, атаковавших Восточную Пруссию с востока и юга, ныне сомкнулись гибельные для врага, направленные единой волей Верховного Главнокомандования действия фронтов Советской Армии.

В день, когда войска 3-го Белорусского фронта овладели Инстербургом и прорвались глубоко с востока к Кенигсбергу, войска 2-го Белорусского фронта овладели городом Алленштейном и устремились к Эльбингу. Захвачены были основные узлы коммуникации. Парализован был манёвр врага. Сжимались стальные тиски охвата восточно-прусской группировки. Возможность окружения всей Восточной Пруссии стала реально близкой. В эти же дни к Берлину и к Померании, обходя Нижнюю Вислу, неудержимо шли войска 1-го Белорусского фронта, надёжно прикрытые от ударов из Восточной Пруссии.

* * *

Молнией пронеслась над Восточной Пруссией весть о том, что русские прорвались. Гаулейтеры приказали немцам подготовиться к эвакуации. Приказано было уходить всем. Фашистская пропаганда расписывала ужасы, ждущие немцев,

которые останутся с русскими, распространяла дикие слухи о зверствах большевиков. Гаулейтеры предупредили, что сигнал к выезду будет дан по радио. Там, где не было радиоприёмников, установили связь с помощью велосипедистов и конников. Немцы уложили вещи в фургоны и не отходили от радио. Весть о приближении русских проникла в лагерь военнопленных. Она принесла звериный страх тюремщикам, радость и тревогу заключённым. Пленные ждали освобождения и боялись смерти накануне приближавшегося часа спасения.

Им было известно, что перед приходом наших войск охрана лагеря или отходящие части СС всегда расстреливают пленных на месте или угоняют в глубь Германии, а это тоже означало смерть. Измождённые люди знали, что у них нехватит сил дойти, что их добьют по дороге или они умрут на морозе. Пленные вспоминали страшные картины расстрелов в Славуте, в Сувалках, в Умани, в Белостоке. Вспоминали, как тысячные колонны пленных, угнанные из лагеря, не доходили до другого, а исчезали навеки в придорожном лесу. Нервы людей были напряжены до предела.

Проходил день за днём, близилась к концу неделя. Немки и немцы неотступно дежурили у радио в ожидании команды бежать за Вислу, но радио молчало. Пленные в лагере не знали, что творится на фронте, ждали свободы или смерти.

И вдруг пленные, пригнанные рыть траншеи, услышали отдалённый гул. В воздухе было тихо. Но гулом была полна земля. Он нарастал с каждым часом, как нарастает отдалённый гул океанского шквала, и на ли люди приникали ухом и всем телом к земле, спрашивая у неё, откуда идёт этот гул, далеко ли от них бушует сражение. Весть об этом разнеслась по лагерю, и, таясь от охраны, поодиночке и группами пленные спускались в траншеи; они искали участки, где яснее звучал гул борьбы, гул освобождения. К вечеру едва уловимый слухом, как вздохи отдалённой бури, возник в воздухе шум артиллерийской канонады. Он то усиливался, то пропадал, и сердца людей то бились в радостной тревоге, то замирали в тоске. Люди вытягивали шеи, поднимались тайком на чердаки барачсв и в самозабвении прислушивались. Вскоре пленные увидали, как высоко-высоко в поднебесье пронеслись строи наших тяжёлых бомбардировщиков. Они быстро исчезли, а к вечеру вдалеке по горизонту поднялось зарево пожаров.

Среди ночи охранники лагеря подняли всех военнопленных. Криком, ударами прикладов, штыками они выгнали их из бараков, построили в колонны, чтобы гнать на запад, за Вислу. "Всё… конец… не дождались свободы". Над лагерем носился ветер, он гудел в колючей проволоке, сметал с крыш падающий

снег. Впереди ждала гибель от штыка конвоира и смерть в снегу придорожной канавы.

И вдруг, как молнии сквозь пелену снегопада, во тьме пронеслись зарницы разрывов. Сыграла "катюша". Грохот стрельбы стал слышен совсем близко, рядом, но не там, на востоке, откуда все ждали, а на юго-западе, позади лагеря. Это танкисты 2-го Белорусского фронта, совершая ночные марши, с боями прорываясь к морю, окружали Восточную Пруссию. В панике заметались охранники. Стреляя, загнали они всех пленных обратно в бараки и в страхе бежали из лагеря. Вместе с ними мимо лагеря бежали с фронта немецкие части.

В ту же ночь страшный взрыв потряс окрестность Тяжёлые обломки камней падали, проламывая крыши бараков. Взорванный немцами, взлетел на иоздух памятник Гинденбургу. Каменный страж концентрационного лагеря и всей тюрьмы "Восточная Пруссия" рассыпался и валялся в прахе.

* * *

Далеко в поле, за лагерем, появился огромный танк. Чей это танк — никто не знал. Никто из пленных никогда не видел такой грозной машины с непомерно длинным орудием; он мало походил на танки, которые красноармейцы знали в 1941–1942 годах. Но вот танк развернулся, и тысячи пленных увидели в утреннем свете на башне советскую звезду.

Люди рванулись к колючей проволоке, они кидали поверх неё шинели, чтобы перелезть. Стена была высока, но порыв людей необъятен, — подбегали всё новые сотни и тысячи, толпа прорвала колючую стену и кинулась навстречу танку. Пленные кричали, кидали в воздух рваные шапки, больные ползли по снегу, обнимались, плакали. Тысячи измождённых людей окружили танк. Экипаж вынесли на руках.

— Это был наш тяжёлый танк "Иосиф Сталин", — рассказывает освобождённый из лагеря доктор Воробьёв, — он пришёл к нам в 21-ю годовщину смерти Владимира Ильича Ленина. И вспомнил я, — продолжает старый врач, — как в 1941 году при отступлении с границы под Волковыском на реке Зельвянка из горящего танка, охваченный пламенем, выбросился комиссар бригады Чубаров. Спасти его уже не бьио возможности, и, умирая, он говорил: "Доктор, это горит Чубаров, но знамя Ленина — Сталина никогда не сгорит…"

Рассказывая, плачет доктор Воробьёв… Плакали тогда тысячи пленных, прослезился, глядя на них, и молодой командир танка.

Став на башню могучей машины, в ответ на просьбы сказать что-нибудь, он крикнул: "Нам некогда, товарищи, нас ждут другие, такие же, как вы", — и умчался на север, к морю. Лагерь у Танненберга покидали десятки тысяч пленных: русские, французы, англичане, поляки, чехи, американцы, сербы. Они покидали лагерь холода, голода, смерти. Они проходили, стуча колодками деревянных башмаков по каменным плитам взорванного памятника Гинденбургу.

* * *

В немецких городах, деревнях, имениях, хуторах не дождались радиосигнала гаулейтера об эвакуации. Радио молчало, а советские танки грохотали под окнами. Дикая паника — "спасайся, кто может" — обуяла немцев. Они видели, как горят их дома, как бегут с фронта немецкие части. Немецкие солдаты мародёрствовали, сбрасывали одежду, переодевались в штатское. В истерике немка спрашивала у русской девушки Веры Воробьёвой: "Где же немецкий бог?" и, отчаявшись в его помощи, на коленях молила невольницу заступиться за неё. На улицах смешались фургоны беженцев всех районов и деревень, оказались ненужными аккуратно написанные бирки па фургонах. Обозы беженцев запрудили дороги. Спасаясь от наступающих русских, четыре немецких "тигра" пошли напролом, давя на дороге колонны фургонов. Обезумев от страха, бежали немцы через залив на косу; лёд не выдержал и тысячи немцев погрузились на дно.

* * *

В дни, когда танкисты генерала Вольского и, пехотинцы генералов Федюнинского и Гусева стремились с юга на север к Эльбингу, к Данцигской бухте, туда же с востока бежали немецкие дивизии. Было ясно, что восточно-прусская группировка противника терпит поражение, что Восточная Пруссия будет занята нашими войсками, но немецкое командование всё ещё пыталось уйти от катастрофы, сохранить за собой полосу вдоль моря, по которой проходит автострада Кенигсберг — Эльбинг. Здесь окончательно решалось: либо войска 2-го Белорусского фронта выйдут к морю, отсекут пути из Восточной Пруссии, либо немцам удастся удержать сообщение с Померанией и Данцигом, откуда уже торопились резервы Гитлера, отряды морской пехоты,

и тогда борьба примет затяжной характер.

Более недели танкисты генералов Вольского, Сахно, Малахова, полковника Михайлова не досыпали и не отдыхали. Почти все эти дни частый гость балтийских просторов — пурга заметала дороги. По сугробам шли только танки, автотранспорт отставал, горючее, снаряды подвозили, пробиваясь через снежные заносы, порой продвигаясь по 5–6 километров в час. На пути к морю перед танкистами вставали не только враги, но и природа и собственная нечеловеческая усталость. Всё преодолевая, охваченные неудержимым порывом — вперёд, к морю, танкисты с боями перехватывали одну колонну немцев за другой.

Среди немецких колонн шли угоняемые за Вислу тысячные колонны пленных французов и англичан. Они стали свидетелями этого невиданного боевого марша…

— Нас гнали из Вормдитта, — рассказывает пленный француз, — когда появились ваши танки. При виде их конвоиры разбежались. Танки устремились на нас.

Мы боялись, что советские танкисты примут нас за немцев. По колонне стали искать знающих русский язык. Знавшие хоть несколько русских слов бежали навстречу танкам, но они стали развёртываться в боевой порядок. Я был восхищён действиями головного взвода… Мой друг, прячась в канаву, сказал, что "они отлично действуют, но для нас это может плохо кончиться". Тогда мы стали кричать: "Гитлер капут!" Но танкисты продолжали приближаться. Тогда все мы закричали: "Вив Сталин!"

На снежном поле тысячи людей кричали во всю силу лёгких, искали спасения в имени товарища Сталина.

— К этому времени ваши пехотинцы с танкового десанта уже подбежали к нам… Видно было, что они не спали много дней, — лица их были черны от усталости, — говорит английский офицер. — Пехотинцы стали проверять состав колонны. Все мы, не только англичане, французы, сербы, но и голландцы, бельгийцы, итальянцы говорили одно слово: "союзник". Подъехал в русский майор и позаботился о нас, послал в тыл, на юг, потому что ожидалась контратака немецких танков. Мы шли всё дальше в тыл, но долго не встречали

вашей пехоты. Ваши танкисты — герои. Воевать в снежной метели гораздо труднее, чем в песчаных бурях африканской пустыни. Но так невозможно воевать. Английский офицер не понял, что нормой тактического поведения наших танкистов давно стало то, что считалось невозможным. Он не понял, что, действуя так, наши танкисты отрезали немецким дивизиям путь за Вислу и спасли жизнь тысячам пленных, отставшим от новых правил войны и не понявшим темпа и характера нашей борьбы.

Спустя десять суток после первых ударов на реке Нарев войска Рокоссовского прорвались к берегу Балтийского моря. Советские танкисты ворвались первыми в логово фашистского зверя и изнутри заперли Восточную Пруссию.

Немцы теперь уже не могли проскочить раньше нас за Вислу и стремились пробиться силой. Они свели вместе четыре пехотные дивизии, одну танковую, назвали эту группу первым эшелоном прорыва, подготовили к удару последующие эшелоны и перешли в наступление на запад, на Эльбинг. Соединение генерала Вольского в это время штурмовало Эльбинг, наступая фронтом на запад. Немцы грозили, ударив в тыл танкистам, прорваться к гарнизону Эльбинга. Танкисты приняли бой с перевёрнутым фронтом. Часть их, руководимая генералами Заевым, Малаховым, полковником Поколовым., штурмовала Эльбинг, другая часть под руководством генералов Синенко, Сахно сражалась фронтом на восток. Танковое соединение одновременно стало и молотом и наковальней. День за днём шла ожесточённая борьба. Пятнадцать суток танкисты ни на один день не выходили из боя. Усилились метель и мороз. Люди цепенели от холода и усталости. А немецкие полки вал за валом накатывались на танковый барьер. Ночами и в метель они проникали в глубину наших боевых порядков, добираясь иногда до штабов. Казалось, вот-вот прорвутся немцы и уйдут в Померанию. Но день за днём их цепи разбивались о наш стальной волнорез.

Войска 2-го Белорусского фронта отбрасывали противника на восток, войска 3-го Белорусского фронта наносили ему удары с востока. Те, кто спаслись под Кенигсбергом, были уничтожены перед Эльбингом. Об этом дают показания пленные. Врач батальона Карл Хайнц Кюн рассказал:

— В батальоне было 200 солдат. Под Кенигсбергом 15 убито, 25 ранено, пропало без вести 15. Под Эльбингом было убито 30, ранено 25, пропало без вести 25. В пути от Кенигсберга до Эльбинга убито 15, брошено раненых 9. Батальон, как боевая единица, перестал существовать; уцелевшие 40 солдат и офицеров сделали попытку прорваться мелкими группами и одиночками за Вислу, они бежали ночами через леса и овраги, обходя населённые пункты.

Немцы бросили вперёд из Данцига отряды морской пехоты, составленные из моряков, спасённых с потопленных судов. Но войска генерала Федюнинского были уже и на западном берегу. Первый же отряд "утопленников" был разбит. Командовавший отрядом капитан был уже в плену. Он свидетельствует, что на его участке из Восточной Пруссии выходили одиночки в таком

деморализованном состоянии, что, опасаясь распространения паники, их спешно отсылали в тыл.

Нашими войсками взяты в плен не только бежавшие одиночки, но и сопротивлявшиеся полки. На пехоту генерала Федюнинского и танкистов генерала Фирсовича натолкнулась немецкая пехотная дивизия и была разбита. Командир 391-го полка этой дивизии Ганс Клаузен сидит на допросе перед генералом Федюнинским. Допрос идёт в кабинете прусского помещика. На Ганса Клаузена смотрят с портретов Фридрих II, Гинденбург и Гитлер.

Пленный полковник ещё полон самоуверенности. Он заявляет, что попал в плен случайно, что его полк ещё боеспособен и прорвётся на Эльбинг. Генерал Федюнинский приказывает построить весь немецкий 391-й полк, включая артиллерию и обозы, и предлагает командиру полка самому вести своих людей в тыловой лагерь для пленных. Немецкий полковник никнет головой и отказывается предстать перед строем своего

полка.

Вражеские дивизии первого эшелона прорыва были уничтожены. Войска 3-го Белорусского фронта приступили к уничтожению немецкой группировки юго-западнее Кенигсберга.

Войска 2-го Белорусского фронта, частью сил завершив окружение и обеспечив пресечение попыток противника прорваться за Вислу, одновременно крупными силами форсировали Вислу, вошли в Померанию и снова прорвались к морю у Кезлин, завершив окружение новой крупной группировки противника у Данцига. Этими действиями было одновременно ещё надёжней обеспечено окружение восточно-прусской группировки. Прорваться ей было уже некуда. Удрав из "кёнигсбергского котла", она попала бы в "данцигский". Некоторое время эти "котлы" благодаря косе ещё сообщались между собой, но вскоре сокрушительным ударом войска 2-го Белорусского фронта овладели Данцигом. Теперь между кёнигсбергской группировкой противника и ближайшей территорией, ещё занятой немецкими войсками за Одером, оказалось пространство в сотни километров.

* * *

Опыт Великой Отечественной войны учит, что операция уничтожения окружённого врага требует искусства и больших усилий. Перед маршалом Василевским, руководившим

операциями в Восточной Пруссии, задача была тем более трудной потому, что окружённая группировка насчитывала десятки дивизий, опиралась на города и укрепления, на крепость Кенигсберг.

Полное уничтожение окружённой восточно-прусской группировки было завершено в три этапа.

Сначала были отсечены все войска, находившиеся юго-западнее Кенигсберга, и прижаты к заливу Фриш-Гаф. Опираясь концами в залив, шаг за шагом сжималась огненная подкова наших войск. На каждом шагу немцы отчаянно сопротивлялись. Они пытались увезти через залив свои штабы и офицерский состав и, чтобы выиграть время, гнали солдат в контратаки.

Это были дни полной распутицы. Наши войска наступали по глубокой грязи, форсировали болота, разлившиеся реки и приблизились к заливу. Наша артиллерия и авиация создали на берегу кромешный ад. Спасая свои шкуры, немецкие офицеры ночью взорвали прибрежную дамбу. Воды залива затопили местность, ещё занятую немецкими войсками. Тысячи немцев, особенно раненых, утонули, тысячи добрались до наших войск и подняли руки. Наши танки, обойдя район затопления, прорвались к берегу, били отсюда по баржам и пароходам, на которых немцы пытались перебраться на косу и в Кенигсберг; баржи и пароходы горели. В грандиозном побоище на берегу залива за период с 13 по 29 марта было убито 80 тысяч и взято в плен свыше 50 тысяч немцев, захвачено 605 танков и самоходных орудий и свыше 3 500 полевых орудий.

* * *

Последовал второй этап уничтожения противника в Восточной Пруссии. Войска 3-го Белорусского фронта перегруппировались для штурма Кенигсберга. У гарнизона крепости было достаточно времени, чтобы подготовиться к обороне. К сильнейшим крепостным сооружениям до последнего дня прибавлялись новые. Их строили десятки тысяч пленных, сапёры и фольксштурмисты. Фашисты заявили населению, что сделают укрепления неприступными. Гаулейтер Восточной Пруссии пресловутый Эрих Кох приказал построить новый аэродром в черте самого города. Сильнейшие укрепления, сотни орудий, а главное — гарнизон численностью более ста тысяч солдат и двух тысяч офицеров (неизмеримо более сильный, чем сопротивлявшиеся гарнизоны Торна, Грауденца, Познани и других крепостей) давали возможность немцам надолго затянуть

борьбу.

Всесторонняя подготовка наших войск предшествовала штурму крепости Кенигсберг. Укрепления вокруг были разведаны с воздуха, изучены по планам, путём наблюдения и по опросам жителей и пленных.

Войска использовали для тренировки уже захваченные противотанковые рвы, доты и траншеи. Был построен точный макет Кенигсберга, и командиры, от генералов до лейтенантов, изучали улицы, площади, форты, все крупные объекты штурма. Войска осваивали тактику уличных боёв. Они были разделены на штурмовые батальоны, роты, группы, в которые входили пехота, танки, артиллерия, сапёры. Это была предельно конкретная детализация плана боя.

Одновременно шла грандиозная подготовка сокрушения в целом всей обороны Кенигсберга ударами артиллерии и авиации. Тысячи орудий и тысячи самолётов сосредоточились под Кенигсбергом. Войска ждали ясной погоды. Наконец, она установилась. Солнце и ветер просушили землю, прогнали тучи, очистили землю и воздух для небывалой в природе страшной грозы.

Солнечным весенним утром гроза над Кенигсбергом разразилась и сотрясала непрерывно три дня и три ночи землю и небо.

По приказу маршала Василевского войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. Ударом с северо-запада войска генерала Людникова отсекли Кенигсберг от Земландского полуострова и порта Пиллау, связывавших кёнигсбергский гарнизон с внешним миром.

Одновременно соединения генерала Галицкого и генерала Белобородова пошли на штурм Кенигсберга с юга и северо-запада. В стремительном наступлении войска ворвались в город. Танкисты рассекали оборону немцев вдоль улиц и площадей. Пехота и артиллерия, уничтожая немцев, очищали улицу за улицей, квартал за кварталом. Штурмовые батальоны пробивались в глубь города, смело оставляли за собой ещё сопротивлявшиеся форты и сильные очаги обороны, которыми овладевали последующие эшелоны. На третьи сутки генерал Галицкий и генерал Белобородов по телефону договорились прекратить артиллерийско-миномётный огонь, потому что их войска, наступавшие с юга и севера, сблизились настолько, что могли поражать друг друга. Последние очаги немецкой обороны были взяты в рукопашном бою.

Историки подробно расскажут о классическом штурме Кенигсберга. Они оценят решающую роль нашей артиллерии и

авиации, в чьём ударе проявилась космическая сила, не передаваемая обычными терминами.

Мы знаем разрушение городов и капитуляцию немецких гарнизонов, когда неделями длилась борьба и день за днём в бою разрушались дома, уничтожался враг.

У Кенигсберга невиданная даже в условиях современной войны разрушительная сила тысяч орудий, тысяч самолётов была собрана воедино и обрушилась на немцев в сжатые до предела сроки, и потому её действие было подобно стихии, напоминало землетрясение.

Воздействие этих сил было невыносимо для врага: всё гибнет, рушится, спасения нет ни в щелях, ни в подвалах, ни в железобетонных бункерах. Немцев обуяло безумие. Многие сошли с ума в буквальном смысле этого понятия. В этом горящем пекле, в дыму, в пыли, в раскалённой духоте, у дьявольских костров горящих зданий наши бойцы атаковали немцев, и они "тали сдаваться в плен тысячами.

Весь Кенигсберг был объят пламенем. Днём горы дымных облаков, толкаемые взрывами с земли, громоздились к небу, скрывали солнце, ночью пламя озаряло небосклон…

За несколько часов до истечения срока ультиматума, предъявленного маршалом Василевским гарнизону Кенигсберга, комендант крепости генерал Ляш через военные радиостанции искал связи с нами, чтобы просить пощады, и, наконец, передал по широковещательной станции Кенигсберга, что он сдаётся.

И вот они предстали на допросе: дравшийся против нас с первого дня войны, увешанный железными крестами командир дивизии генерал-майор Хенле, инспектор всех оборонительных работ в Восточной Пруссии генерал-лейтенант Микош (инженер-сапёр по образованию, он командовал танковой дивизией и потому полагал, что сочетание знаний сапёра и танкиста поможет ему построить оборону, не доступную не только для пехоты, но и для танков) и, наконец, сам комендант Кенигсберга генерал Ляш. Его судьба закономерна и отражает судьбу Восточной Пруссии.

Безусым лейтенантом тридцать с лишним лет назад участвовал Отто Ляш в составе 1-й кавалерийской дивизии в битве у Танненберга. Все три десятилетия готовился Ляш к новой войне. Он достиг поста командующего восточно-прусским военным округом. Он жил здесь же, в прусском городке Морунгене. Свою семью, свою вотчину он собирался защищать, как только мог. Ляш воевал под Ленинградом, успел бежать из-под Львова и был назначен как испытанный в боях командир, отлично знающий восточно-прусский театр военных действий, комендантом Кенигсберга.

Генерал-майор Хенле показывает, что фронт его дивизии был прорван северо-восточнее Кенигсберга. Неудачу обороны он объясняет тем, что опоздал контратаковать русских. Генерал-лейтенант Микош винит во всём гаулейтеров, которые вторгались в его функции. Генерал Ляш подтверждает, что в первый же день боя была прервана связь между Кенигсбергом и Земландским полуостровом, где находился штаб армии, которому Ляш подчинён. Связь прервалась между дивизиями в Кенигсберге, и он не мог руководить боем.

Убоги объяснения пленных генералов, не понявших природы и меры вещей! Прижатые военными аргументами советского генерала, ведущего допрос, они соглашаются, что контратаки не спасли бы дивизию Хенле, что укреплений у Микош было достаточно, что, если бы у генерала Ляш и была связь со штабом армии, ничто бы не изменилось, войска Земландского полуострова бессильны были хоть чем-нибудь помочь Кенигсбергу. И под конец они согласились, что удара Красной Армии нельзя было предотвратить, против него нельзя было устоять. Они теперь согласны, что Восточная Пруссия и вся Германия были в этой войне обречены на поражение.

* * *

Снова гудел воздух и дрожала земля. Войска 3-го Белорусского фронта шли вперёд. Наступая, они очищали от немцев Земландский полуостров, сбросили последних немецких солдат в Балтийское море, сверкавшее под солнцем весны 1945 года.

Утихла земля, на которой в 1410, 1757, 1807, 1813, 1914, 1945 годах грохотали сражения, оцределявшие пути истории. Отныне и навеки Восточная Пруссия перестала быть плацдармом наступления на Восток, где живёт и трудится великий, могучий советский народ.

Кенигсберг.

Советские танкисты в Берлинском сражении

"..Водрузить знамя победы над Берлином" (Сталин).

Это был призыв, поднявший весь советский народ на новые подвиги.

Это был приказ Красной Армии, определивший её дальнейшие действия.

Это была стратегическая цель, достижение которой означало победу над Германией и конец войны.

До Берлина было ещё далеко.

Советская Армия своей центральной группировкой остановилась в Польше на Висле, захватив плацдармы на её западном берегу у Сандомира и Варшавы, а севернее только перешла границу Восточной Пруссии.

Перед нею лежала вся территория фашистской Германии — от Балтики до Карпат, от Гумбиннена до Берлина и дальше на запад. На этом огромном театре военных действий, определяемом стратегическим понятием "Берлинское направление", нашим войскам предстояло особенно напрячь все свои силы, чтобы сыграть решающую роль в окончательном разгроме фашистской Германии.

На этом направлении к Берлину лежали пути через Восточную Пруссию Померанию, через Варшаву — Познань — Кюстрин, через Краков — Бреслау Дрезден.

Все они вели к Берлину, и сразу по всем путям предстояло итти, ибо таков масштаб современной стратегии, такова особенность современной войны, в которой оперативно-стратегические задачи решаются одновременно на гигантском пространстве несколькими фронтами. Таково было решение Верховного Главнокомандования. Грандиозная задача была поставлена перед нашей армией. Она была очень трудной, но глубокая уверенность в её успешном решении царила в армии и в советском народе. Эта уверенность покоилась на опыте минувших победоносных сражений, ознаменовавших весь боевой путь от Москвы и Сталинграда — сюда, к Берлинскому направлению.

Только что отгремело невиданное по масштабам советское наступление 1944 года, когда Красная Армия нанесла врагу десять последовательных сокрушительных ударов.

В результате кампании 1944 года часть армий Гитлера была отрезана и зажата в Прибалтике, а другие — отброшены за границу Восточной Пруссии и за Вислу, прижаты в Венгрии, к

Будапешту. Но волны победного наступления утихали, на всём протяжении фронта умолкли громы сражений, и только на левом фланге продолжались напряжённые бои у Будапешта. Мало того: одно соединение 3-го Белорусского фронта при контрударе противника у Гумбиннена отошло по приказу командования на более выгодный рубеж.

Такое положение дало повод гитлеровской пропаганде затрубить на весь мир, что советская армия уже неспособна вести наступательные операции одновременно на всём фронте. Ещё летом 1944 года немцы были вынуждены признать, что они отступают, потому что не в силах удержать натиск наших войск по всему фронту: удары русских на разных направлениях вынуждают их рассредоточивать силы, а последовательность ударов заставляет перебрасывать резервы с одного направления на другое; резервы часто опаздывают, и, пользуясь этим, русские развивают успех. Но, увидев, что наша армия неделю за неделей стоит неподвижно, наступая только в Венгрии, немцы посчитали её обессилевшей, неспособной успешно продолжать наступление на всём фронте.

Гитлеровцы заявляли, что теперь, в 1945 году, русская армия попала в такое же положение, в каком была германская армия под Москвой, когда она растянула свои коммуникации, разбросала силы на непомерно широком фронте и не смогла развивать наступление на Москву. Они утверждали, что добились стратегического преимущества, потому что сократили свой фронт, укрепили его и могут действовать по внутренним операционным направлениям.

Немецкий генералитет понимал, какая грозная опасность таилась в нашем наступлении на Будапешт — Вену, ибо таким образом наша армия охватывала Германию с юга, выходила на её южный стратегический фланг и в тыл, одновременно угрожая всей промышленности Венгрии, Австрии, Чехословакии, снабжавшей армии Гитлера, и сокрушала его союзницу-фашистскую Венгрию. Надеясь, что Красная Армия не сможет продолжать наступление на всём фронте, германское командование сняло танковые дивизии даже из районов Восточной Пруссии, Варшавы, Кракова и сосредоточило их у Будапешта для защиты своей "южной крепости".

Германское командование рассчитывало не только на мнимую неспособность советских войск продолжать решительное наступление, но и на свои возможности затянуть борьбу. У Германии были ещё большие силы. Миллионы немецких солдат и офицеров, взятых нами в плен в 1945 году, — самое убедительное свидетельство-того, что людские ресурсы у Гитлера ещё

оставались.

Войска Германии опирались на исключительно мощные укрепления. Миллионы пленных и согнанных со всей Европы людей, массы немецкого населения, мобилизованные фашистами, развивали, усиливали эти укрепления от Вислы до Шпрее.

Сразу за Вислой, на глубину 500 километров, тянулись рубежи стратегической обороны. Она строилась на берегах Вислы, Варты, Одера, Нейсе и других многочисленных рек, озёр и каналов. Её устоями были такие города, как Кенигсберг, Торн, Варшава, Лодзь, Радом, Ченстохова, Краков, Кюстрин, Франкфурт, Познань, Шнейдемюль, Бреслау, десятки крепостей, сплошные укреплённые районы.

Каждый город, крепость, укреплённый район сам по себе мог быть объектом большой операции. Перед нашими войсками, против их флангов на Берлинском направлении стояли твердыни Восточной Пруссии и тянущиеся сплошь на десятки километров города и заводы Силезии. Такие укрепления, как восточнопрусские и знаменитый "Восточный вал" на бывшей границе Польши и Германии, строились десятилетиями. Путь к Берлину преграждала одна из крупнейших в Европе водных преград — река Одер. На ней был создан по новейшим способам фортификации одерский укреплённый рубеж.

Гитлер рассчитывал также на новые технические средства истребления, которыми вооружалась или готовилась вооружиться германская армия к концу войны: на "фау", уже применённые против Англии; на "фаустпатрон" — очень сильное средство, опасное для танков, особенно в ближнем бою, очень выгодное для обороняющихся в населённых пунктах, в лесах, в дефиле; на реактивный самолёт; на новый танк весом свыше ста тонн; на новые пушки.

Используя всё это, фашисты собирались остановить нашу армию на своих укреплениях, обескровить её, истощить. Гитлеровцы включали в свои планы мобилизацию всех сил нацизма не только в Германии, но и вне её.

Для разгрома фашистской Германии нужны были быстрые действия, чтобы не оставить ей ни одного шанса на какой бы то ни было успех.

Последняя битва — битва за Берлин — завязывалась на Висле. Между аванпостами Красной Армии и Берлином было укреплённое пространство среднеевропейской равнины, и всюду наши войска ждали напряжённые бои.

Успех предстоявшей исторической битвы решали прежде всего манёвр и удар на уничтожение, глубина, размах и особенно темп наступления.

* * *

В то время когда фашистская печать кричала о слабости Советской Армии и неприступности Германии, могучая социалистическая держава посылала всё новые и новые силы не только в Венгрию, но и на Вислу и к Восточной Пруссии. Советские войска готовились к штурму фашистского логова. Верховное Главнокомандование рассчитало время, вынудило немцев перебросить резервы на юг, к Будапешту и, сокрушая их там, одновременно готовило удар на Берлин. Готовился удар наверняка. Потому и нужна была оперативная пауза.

Полнокровные пехотные дивизии, корпуса, армии готовились к атакам. Мощные артиллерийские соединения прибыли для сокрушения немецких укреплений. Многочисленная авиация базировалась на аэродромах. Могучие танковые соединения расположились в глубине фронта.

Танковые соединения должны были пройти тактическую глубину обороны противника, если это нужно, прорваться через неё, обрушиться на резервы врага, рассечь систему его обороны на всю глубину, не позволить немцам занять подготовленные ими в тылу укреплённые рубежи и отсидеться на них.

Танкисты должны были первыми пройти по германо-польской равнине, ворваться в логово зверя и лишить Гитлера его последних шансов: резервов, пространства, укреплений, времени.

Они, танкисты, должны были снова на этом последнем этапе войны придать наступлению нашей армии стремительный темп, глубину и размах и манёвренный характер борьбы на уничтожение живой силы гитлеровской армии.

* * *

Долгий и тяжёлый путь прошли танковые соединения, которым довелось участвовать в решающих сражениях на Берлинском направлении.

Этими соединениями руководили испытанные генералы, водившие танкистов в самые ответственные битвы Великой Отечественной войны.

Здесь был генерал Катуков; в начале войны, в боях у Тулы, он нанёс тяжёлые удары пресловутому Гуде-риану. Позже, на Курской дуге, соединение Катукова приняло на себя первый опасный натиск немецких танковых дивизий, прорвавшихся на Белгородском направлении, и отразило их атаки. За великой Курской битвой последовали стремительные манёвры и удары

танкового соединения Катукова на Казатин, рассекшие важнейшие коммуникации противника на Украине, на Жмеринку, где разыгралась тягчайшая битва, затем за Днестр, к подножью Карпат, на реку Сан и за Вислу.

Здесь был генерал Лелюшенко, тогда же, в 1941 году, отводивший свой танковый корпус от границы, прикрывая пехоту и нанося контрудары врагу. Он водил в бой мощные соединения при разгроме немцев под Москвой, при разгроме врага в задонских степях, у Сталинграда. Танковое соединение Лелюшенко отрезало немецкие войска у Каменец-Подольска, с этим же соединением он ворвался во Львов.

На полях Подмосковья видели в боях также генерала Богданова, тогда полковника. Его видели потом и в битве на Курской дуге. Слава Богданова поднялась, когда он, командуя соединением, громившим немцев на Украине, первым вырвался на границу нашей родины, Затем Богданов повёл своих танкистов в бои за освобождение Польши. Он прибыл в Люблин с передовым отрядом, был ранен, но снова вернулся в строй и теперь стоял со своими танкистами на Берлинском направлении.

Слава о генерале, ныне маршале танковых войск, Рыбалко пронеслась, когда его соединение окружило и разгромило крупную группировку итало-немецких войск на Дону под Россошью; она укрепилась в те напряжённые дни начала 1943 года, когда на только что освобождённый Харьков обрушили контрудар немецкие танковые дивизии СС. В кризисе борьбы сказалась воля генерала Рыбалко, его мужество и разум. "Танковое соединение, которое блестяще наступает и стойко обороняется", — говорили о соединении Рыбалко. Танкисты Рыбалко вывели за собой пехоту в боях под Орлом. Они первыми форсировали Днепр у Киева. Они отрезали Киев и взяли Фастов, отбивали контратаки немецких дивизий, перехватывали коммуникации противника на Украине. В 1944 году соединения Рыбалко рассекли львовскую группировку немцев, ворвались в Перемышль, прошли с победоносными боями по львовской равнине, пробились к Висле и, форсировав её, захватили плацдарм у Сандомира.

Вместе с Катуковым, Богдановым, Рыбалко, Лелюшенко были здесь их лучшие сподвижники — генералы Шалин, Радзиевский, Бахметьев, Упман, Бабаджанян, Дрёмов, Кривошеий, Сухов, Новиков, Митрофанов, Якубовский, Белов, Кириченко. На флангах готовились действовать генерал-полковник Вольский, окружавший немцев под Сталинградом, генерал Полубояров, ударом на Кантемировку и Донбасс развивавший успех Сталинградской битвы, Бурдейный, Бутков, Фирсович, Панов и

много других. Испытанная плеяда генералов-танкистов, бесстрашных, опытных, прошедших сталинскую школу военного искусства, ждала приказа, готовая вести свои соединения в глубину Берлинского направления. В ходе минувших сражений эти соединения уже показали себя хозяевами полей сражений, надёжным средством Ставки и фронтов в решении оперативно-стратегических задач.

Теперь каждый танкист понимал, что перед ним, перед его частью, соединением на этом последнем этапе войны будут поставлены новые, ещё более трудные задачи, о выполнении которых могли только мечтать полководцы и теоретики военного искусства в прежних войнах.

Разведывательные сводки говорили, что противник снимает с Берлинского направления танковые дивизии СС "Викинг", "Мёртвая голова", ряд линейных дивизий и перебрасывает их в Будапешт. Но там, несмотря на тяжёлые бои, Красная Армия успешно продвигалась вперёд.

Танкистов воодушевляло сознание, что снова побеждают силы Советского государства, достаточные, чтобы вести борьбу в далёкой Венгрии и одновременно обеспечившие подавляющий перевес на Берлинском направлении. Их воодушевляло сознание, что снова побеждает сталинский принцип подготовки резервов к решающим боям.

Они видели, что действия их снова будут развиваться на основе сталинской науки об использовании в операции всех родов войск, науки о широком взаимодействии фронтов. Они знали, что Сталин обеспечивает все условия для гигантского наступления на Берлин.

* * *

Танковые соединения генералов Катукова, Богданова, Рыбалко, Вольского, Полубоярова и других были сосредоточены в глубине фронтов, далеко от переднего края. Непроницаемая тайна должна была скрыть их расположение. Тем настойчивее немецкое командование искало советских танкистов. Разведывательная авиация противника проносилась над фронтовыми тылами, залетала в глубь нашей территории. В тёмные ночи с немецких самолётов прыгали разведчики-парашютисты, имея задание найти танки, выяснить их расположение. Ту же цель преследовала пробиравшаяся в наш тыл шпионская агентура. Сидя над штабными картами, немецкие генералы искали ответа на вопрос, где находятся танковые

соединения Красной Армии, строили предположения, куда они могут нацелить свои удары. Этот особый интерес немцев к нашим танковым соединениям вполне объясним. Зная, на каком направлении сосредоточены танки, можно попытаться определить, где намечается главный удар, ибо без участия танковых соединений немыслимо современное наступление.

Советские танковые части, расположившись глубоко в тылу, скрывали своё огромное хозяйство в глухих деревнях и лесах. Если бы даже противник и раскрыл дислокацию наших танковых сил, ему трудно было бы разгадать, где именно они нанесут свои удары. Используя свою подвижность, танки смогли бы появиться на избранном направлении, совершив манёвр издалека. Тем более трудно было определить немцам, куда направят танкисты свой удар, когда прорвутся в глубину обороны. Далеко за линией фронтов, в глуши танкисты неустанно учились. Учились все — от солдата до генерала. Молодые водители танков совершенствовались в вождении ночью, мотопехота осваивала штурм населённых пунктов, тренировалась в совершении стремительных маршей, башенные стрелки повышали искусство стрельбы, сапёры готовились к быстрому форсированию рек. Экипажи учились правильной эксплоатации танков. В частях ширилось движение "За продление жизни танка".

Лучшие водители танков доказали, что работу машин, их моторов можно продлить вдвое против нормы и больше. Это означало, что танки оставались в строю, сохранялась сила соединения, увеличивался срок его беспрерывного действия, обеспечивалась дальнобойность удара, глубина наступления. Незаметные труженики, герои-ремонтники учились быстро восстанавливать машины на поле боя, что тоже сохраняло боеспособность танковых частей. Важную роль сыграло всё это в прежних операциях, а особенно в последнем глубоком наступлении на Берлин.

Офицеры учились вождению своих частей и подразделений, взаимодействию друг с другом, с пехотой, артиллерией, авиацией. Они собирались на совместные занятия, обсуждали на объединённых совещаниях вопросы взаимодействия.

Командиры соединений тщательно и строго разбирали опыт минувших боёв, указывая своим подчинённым на ошибки и на лучшие образцы действий, когда враг расплачивался кровью. Эти разборы явились замечательной школой офицера-танкиста, передовой опыт становился всеобщим достоянием.

С предельным напряжением работали штабы. Они изучали возможные операционные направления на театре военных действий, где предстояло вести войска, пазоабатывали планы

операций, устанавливали боевые порядки, в которых пойдут войска, рассчитывали запасы снарядов, горючего, моточасов, планы эвакуации. Сухая плановая таблица боя скрывала в своих цифрах динамику напряжённой и кровавой борьбы.

Войска снова отрабатывали ввод в прорыв, стремительное наступление в глубине, управление в ходе боя. Испытанное правило — учить войска тому, что потребует от них бой, — стало неизменной традицией Красной Армии. Настойчивая, кропотливая огромная работа, без которой невозможен успех, кипела в танковых соединениях, ждавших приказа наступать на Берлин.

Наконец, готовы были войска, готово оружие.

Определены действия Красной Армии, её танковых соединений:

3-й Белорусский фронт прорывает оборону врага в Восточной Пруссии и овладевает Кенигсбергом.

2-й Белорусский фронт прорывает оборону севернее Варшавы, у Пултуска, и развивает успех на Млаву, Мариенбург, Эльбинг к Балтийскому морю. Этим обеспечивается с севера движение войск 1-го Белорусского фронта, а вся восточно-прусская группировка противника отрезается, и её уничтожают 2-й и 3-й Белорусские фронты.

3-й Белорусский фронт прорывает оборону и развивает успех на Варшаву, Лодзь, Познань и далее на реку Одер.

1-й Украинский фронт прорывает оборону на сандомирском плацдарме, развивает успех на Ченстохова — Бреслау, овладевает Силезским промышленным районом и выходит на Одер.

Танковым соединениям в этом плане отводится ведущая роль. Соединения генералов Бурдейного и Буткова должны развить успех пехоты в наступлении на Кенигсберг. Соединения генерал-полковника Вольского стремительно прорываются к морю у Эльбинга, чтобы трезать Восточную Пруссию: иначе противник отойдёт в Померанию, за рубеж Вислы или же из Померании нанесёт контрудар, который может нарушить план наступления. Генералы Богданов и Катуков получают самую глубокую цель на главном направлении: Варшава — Познань — река Одер. Им задают наиболее высокий темп движения, каким когда-либо ходили танки. Если они его не достигнут, то противник в глубине обороны займёт неприступные рубежи, и наступление захлебнётся.

Соединения генерала Лелюшенко также наступают к Одеру, громят сильную группировку противника, скрепляя взаимодействие 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Танкисты генерала Рыбалко упреждают противника и громят его

на реках Ниде, Варте, Одере, отрезают крупнейшую силезскую группировку, обеспечивают наступление левого фланга на Берлинском направлении.

В холодные зимние ночи танковые соединения поднялись из районов дислокации и двинулись в исходный район для наступления. Танки шли без света, радиостанции молчали, приказы отдавались только устно: в лесах, на привалах было запрещено разжигать костры, на переправах и в сборном районе танкистов встречали офицеры службы регулирования и разводили по местам.

* * *

Туманный январский рассвет вставал над землёй.

В Восточной Пруссии разразилась гроза. Войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии Черняховского начали наступление на Кенигсберг.

Южнее, с берегов Нарева, маршал Рокоссовский повёл войска 2-го Белорусского фронта на Млаву, Мариенбург, Эльбинг к Балтике.

Рассекая фронтальным ударом немецкую оборону, двигались на Варшаву Познань войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова.

На завислинском плацдарме у Сандомира в наступление на Краков, Бреслау перешли войска 1-го Украинского фронта маршала Конева,

На Берлинском направлении сразу разгорелось великое сражение.

Неотрывно следили командиры танковых соединений с наблюдательных пунктов за боем пехоты. Передовые танковые отряды двигались в её боевых порядках, главные силы были также подтянуты, — все ждали первых признаков прорыва обороны, чтобы немедленно ринуться вперёд.

С предельным напряжением следят всегда командующие фронтами и командующие танковыми соединениями за боем пехоты в тактической зоне обороны. В условиях, когда враг упорно сопротивляется, всегда возникает желание бросить в бой такую могучую силу, как танковое соединение, которое быстро прорвёт оборону. Чем скорей оно выйдет в глубину, тем лучше для самих танкистов при столкновении с противником, не успевшим изготовиться в глубине, тем лучше для успеха всего фронта. Дорог каждый час.

Но преждевременный ввод танков в прорыв ведёт к большим

потерям ещё в зоне обороны, ослабляет силы танковых соединений, необходимые для выполнения главной задачи в глубине. А когда танковые соединения остаются один на один с противником, тогда особенно дорог бывает каждый танк.

Решение, когда ввести танковые соединения в прорыв, требует от командования большого искусства, расчёта и воли. От этого зависит дальнейшее развитие операции.

Прорыв совершается на главном направлении и нескольких вспомогательных. Танковые соединения нацеливаются на главное направление, но бывает, что именно на вспомогательном обозначается успех и танкисты должны быть готовы устремиться в прсрыв на новом участке, что требует от них исключительной быстроты и чёткости.

Принято решение. Танковые соединения устремляются в "коридор" прорыва. Все силы врага тоже обращены к этому коридору. Враг стремится его закрыть. Он контратакует, его авиация бомбит густые боевые порядки танкового соединения, движущиеся в узком коридоре. Их обстреливает артиллерия. Враг пытается создать тупик для танков и этим сорвать всю операцию. Танки всё же прорываются вперёд. Но враг снова пытается закрыть коридор, отсечь танки от тылов и от пехоты, оставить их без горючего, без поддержки и уничтожить в глубине своей обороны. Почти во всех решающих битвах Великой Отечественной войны, несмотря на отчаянное сопротивление гитлеровцев, наши танковые соединения входили в прорыв, смело двигались в глубину расположения противника и вырывались на оперативный простор. Оперативный простор не означал пустоты пространства. Он означал свободу манёвра, простор для столкновения с оперативными резервами противника.

В разных условиях по-разному складывалась обстановка. Медленно, шаг за шагом, двигалась через наиболее прочную на всём фронте оборону Восточной Пруссии пехота 3-го Белорусского фронта. Стояла пасмурная погода, и авиация не могла подняться в воздух, чтобы дополнить артиллерийские удары бомбовыми. Вся тяжесть борьбы при прорыве обороны легла на пехоту, артиллерию и танки.

Танковые соединения почти повсюду входили в глубину не через завершённый прорыв, а вместе с пехотой "дорывали" оборону врага.

После упорных боёв на 2-м Белорусском фронте танковые соединения генералов Вольского, Фирсовича, Панова довершили прорыв обороны и устремились вперёд, отрезая Восточную Пруссию от Германии.

На 1-м Украинском фронте сила артиллерийского удара была

такова, что противник не смог её выдержать и начал откатываться. Тут же двинулись вперёд наши танки, ведя за собой пехоту.

Тупики ждут танкистов 1-го Украинского фронта на реках, на минных полях, у населённых пунктов. Они возникают при контратаках противника, которыми немцы пытаются остановить советские танки. Ударами танковых соединений Рыбалко и Лелюшенко разбиты брошенные в контратаки 16-я и 17-я танковые, 20-я моторизованная дивизии немцев. Соединения Рыбалко, набирая темп, неудержимо движутся на запад, овладевают городами Пиотрокув, Ченстохова, врезаются в Германию, резко поворачивают на юг и отрезают силезскую группировку противника.

Генерал Лелюшенко, повернув на северо-запад, сближается с танковыми частями, идущими на левом фланге 1-го Белорусского фронта. Танки Лелюшенко выходят на тылы кельце-радомской группировки противника. Под удар попала отходившая на запад вражеская пехота. Одновременно удар приходится по штабу 4-й немецкой армии. Дальнейшее продвижение Лелюшенко смыкает оперативные усилия 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. В результате один за другим освобождаются от немцев населённые пункты Польши, и наши войска занимают Лодзь.

В центре сокрушительные артиллерийские удары — 250 орудий на километр фронта — потрясли немецкую оборону у Варшавы. Генерала Катукова тревожило, что его танки сразу после прорыва первого рубежа обороны натолкнутся на новый рубеж на реке Пилица и попадут в тупик. Поэтому, как только был прорван первый рубеж, передовой отряд Катукова немедленно двинулся к Пилице. Мосты на ней оказались взорванными, но сапёры подорвали лёд. Танки вброд форсировали реку, преодолели второй рубеж обороны и вышли из казавшегося безвыходным тупика. Они двигались, рассекая лодзинскую группировку немцев и оставляя далеко за собой Варшаву.

С невиданной стремительностью прорываются в глубину танковые соединения генерал-полковника Богданова. Пехоте генерала Берзарина удалось проделать для них чистый сквозной проход, и результат сразу сказался: главные силы Богданова в первый же день углубились в расположение врага на 60 километров, а его передовой отряд — на 90 километров.

Так две сильнейшие танковые группы Богданова и Катукова обошли и отрезали Варшаву. Её штурмовала пехота, и войска 1-го Белорусского фронта быстро освободили от врага столицу Польши.

Что испытывали немецкие войска? Что могли подумать их генералы? Что могло сделать командование германской армии, чтобы остановить Красную Армию и спасти положение? Главные немецкие силы разбиты при Висле. Советские танки продолжают безудержно итти вперёд. Расчёт на последовательный отход от рубежа к рубежу не удался. Пытаясь всё же остановить танковые соединения, немцы бросали войска в контратаки, но для них оставались неожиданными манёвры наступающих. Генерал Рыбалко, двигаясь на запад, вдруг в течение нескольких часов повернул свои соединения на юг, и когда немецкие части начали контратаку в лоб, то они наткнулись на заслон, а колонны Рыбалко действовали уже на юге…

Неизвестными оставались всё время направления наших танковых соединений. Масса танков двигалась не одним сплошным потоком. Десятки соединений шли разными маршрутами, взаимодействуя друг с другом. Шли врозь, но вместе били, снова расходились на разные объекты и снова координировали удары. Происходило то, что определяется одним словом — маневрирование. И это означало неотразимую для врага опасность. Это было взаимодействием не только внутри фронтов, но и между фронтами. Танковые соединения явились стальным костяком многофронтовой операции. Они были авангардом Красной Армии и смело отрывались от пехотных соединений на 50-100 километров. Так, смыкая усилия 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, танкисты отрезали Лодзь; так войска Богданова, взяв Быгдощ, соединили 1-й Белорусский со 2-м Белорусским фронтом, чьи танковые соединения отрезали рядом лежащий город Торунь.

Происходил разгром немецких оперативных резервов по всему фронту: восточно-прусская группировка отрезана, варшавская и лодзинская рассечены и разбиты, кельце-радомская отрезана, силезская отрезана и уничтожается. Все эти группировки не только невозможно было бросить в контратаки, их даже нельзя было вывести из окружения и спасти. Штабы 4-й и 9-й армий, штабы войск, оборонявших Восточную Пруссию, оказались под ударами танковых соединений. Управление было потеряно. Кое-где уцелевшие штабы спасались бегством, но в своём беге на запад они не смогли обогнать стремившиеся вперёд советские танки. Можно было бросить из центра Германии свежие резервы и посадить их на подготовленные рубежи в глубине обороны, и эти резервы выдвигались вперёд. Более 20 дивизий и 200 отрядов фольксштурма появились только перед 1-м Белорусским фронтом из Германии, с Западного фронта, из Прибалтики. Но они всюду опаздывали, им не давали времени

собраться: русские танки выходили на немецкие рубежи раньше, чем немецкие резервы. Высланные гитлеровцами части гибли на марше. Советские танкисты встречали их порой при высадке из эшелонов, и уже не было возможности у противника образовать новый фронт. Надвигалась катастрофа, которую немцы пытались предотвратить. Но наши танковые соединения не оставили врагу самого необходимого в таких случаях условия: не оставили ему времени.

На пятые сутки наступления танкисты генерала Богданова прорвались на глубину почти 300 километров, на сотни километров углубились другие соединения, перейдя границу Германии. Передовые отряды врывались в города ночью и овладевали ими внезапно: в городе продолжал гореть свет, потому что на электростанции не знали, что русские уже здесь, и лишь под утро электростанция прекращала работу. Танки врывались в города днём, когда немки стояли в очередях у магазинов, толпились у трамваев. Танки появлялись вечерами у подъездов кинотеатров, и зрители только после окончания сеанса узнавали о падении своего города. Командир бригады полковник Юревич, захватив город, вошёл с автоматчиками в дом генерала, строившего все укрепления Восточной Пруссии, когда тот мирно пил чай в кругу семьи…

Танковые соединения перенесли войну на территорию Германии, бурей проходили по её полям и дорогам, сёлам и городам. "Внимание, танки!" — в ужасе завопили теперь сами гитлеровцы.

Повинуясь воле Верховного Главнокомандующего, танковые соединения разрезали на части огромный театр военных действий. Они наступали одновременно на запад, на север, на юг, на юго-восток и северо-восток. Но это был единый план разгрома фашистской Германии, начертанный гениальным полководцем.

* * *

Были пройдены сотни километров, разгромлены десятки немецких дивизий. Борьба перенеслась в Померанию, от немцев уже очищалась вся Польша; Красная Армия сражалась на территории Германии.

На отдельных направлениях борьба стала затягиваться, она велась за каждый населённый пункт. Это снижало темп наступления, меняло его характер, вело при относительно малом успехе к большим потерям от фауст-патронов и артиллерии, особенно в населённых пунктах. Движение задерживалось при

форсировании многочисленных рек, на которых были взорваны мосты. Надо было наводить мосты или переправляться вброд, а это очень трудоёмкая и опасная работа. Непомерно растянулись коммуникации танковых соединений. Банды фашистов, разбежавшиеся по лесам, и остатки разбитых вражеских дивизий порою перехватывали пути, затрудняя движение тылов.

К тому же фронт действий танковых соединений в глубине обороны слишком расширился, необходимость окружать вражеские группировки растягивала его, множественность объектов атаки рассредоточивала силы. Вырвавшиеся вперёд танковые соединения должны были действовать на многих направлениях без пехоты, и это удлиняло их фронт. Танкисты генерала Рыбалко дрались на фронте протяжением более 100 километров. Соединения генерала Вольского сражались до подхода пехоты с перевёрнутым фронтом, наступая на запад, к Зльбингу, и отражая с востока яростные контратаки прорывавшегося из Восточной Пруссии противника.

Этой закономерности пространственных норм подчиняются не только отдельные соединения, но и целые фронты. В ходе наступления меняются их расположения, в интересах достижения успеха меняются направления их действий. Так, 2-й Белорусский фронт перенёс удары в Померанию и снова повернул на север и северо-запад, окружая новую группировку противника и отклонившись от правого фланга 1-го Белорусского фронта. Казалось, скоро наступит момент затухания операции, * * *

Не пора ли было остановиться? Но впереди Одер — последняя широкая водная преграда на пути к Берлину. Необходимы были плацдармы на его западном берегу для удара на Берлин. Впереди был Одерский укреплённый район и на фланге укреплённый район Померании — мощнейшие рубежи обороны противника. Если остановиться перед ними, не взять их с хода, то в следующей операции надо будет прорывать их, и тогда отдадут свои жизни много бойцов и офицеров Красной Армии. Борьба за Берлин станет затяжной. Но при достижении Одера глубина операции станет чрезмерной. Коммуникации растянутся ещё больше. Фланги будут обнажены. К этому времени стало известно, что германское командование снимает все новые танковые и пехотные дивизии с Западного фронта и перебрасывает их на советско-германский фронт. Сильная группировка противника могла быть создана в Померании. Если войска 1-го Белорусского фронта форсируют Одер, противник ударом во фланг, вдоль Одера, будет стремиться отсечь наши части на западном берегу от тех, что на восточном, и сорвать операцию.

И здесь снова сказалось огромное значение танковых соединений — не только подвижного и могучего средства наступления, но и средства надёжной обороны.

Анализ обстановки, расчёт расстояний и времени показывали, что танковые соединения, предприняв новые усилия, смогут быстро выйти на Одер, захватить плацдармы и после этого, образовав новую группировку сил, отразить контрудар противника с любого фланга.

Танкисты 1-го Белорусского фронта устремились к Одеру. Они обошли и отрезали Познань.

Дважды Герой Советского Союза полковник Гусаковский, вырвавшись на 50 километров перед войсками Катукова, проник в Мезеритцкий укреплённый район на направлении, которое противник так и не успел занять. Танкисты двигались зимней ночью (через пустые траншеи, вдоль минных полей, мимо безмолвных дотов, где в каждом были готовы места гарнизону в 100–120 солдат, орудия, лифты, канализация, освещение, через полосу надолб "зубы дракона", не потеряв ни одного танка, ни одного бойца, в той самой зоне, где затаились сотни тысяч смертей. Спохватившись, немцы бросились в контратаку, но за Гусаковским устремились другие части и соединения генерала Катукова. Танкисты генерала Богданова обошли и отрезали Шнейдемюль и прорвались через Померанский укреплённый район. Обойдя с севера и с юга Кюстрин, танкисты вырвались на Одер. Теперь все силы врага были направлены к тому, чтобы не пустить русских за Одер.

Испытанные в форсировании Днепра и Днестра, Прута, Буга, Сана, Вислы, десятков больших и сотен малых водных рубежей, танкисты решительно преодолели Одер и захватили плацдарм на его западном берегу. Танкисты первыми вышли на подступы к Берлину и вывели за собой пехоту.

В Померании, на фланге 1-го Белорусского фронта, сосредоточилась группировка противника. Но было уже поздно. Танковые соединения фронта сдали плацдарм своей пехоте, вернулись на восточный берег, быстрым манёвром передвинулись к правому флангу и прикрыли его от опасности из Померании. Затем совместными действиями войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов разгромили врага в Померании и очистили её до берега Балтики.

В это же время 1-й Украинский фронт прошёл с боями Польшу, вторгся в Германию, овладел силезским промышленным районом, вышел на реку Нейсе, с берегов которой позднее танкисты Рыбалко и Лелюшенко издалека ринулись на Берлин.

* * *

Величайшее сражение на Берлинском направлении, между Вислой и Одером, между Балтикой и Карпатами, затихало. Враг ещё пытался сбросить наши войска с заодерских плацдармов, но безуспешно. В этом сражении, вернее, в ряде сражений, связанных единым стратегическим планом и замыслом, главные силы Красной Армии прорвались через территорию, именуемую географами "полосой больших долин", к Берлину. Была взломана на фронте более 700 километров шириною и на глубине от Вислы до Одера оборона, укреплявшаяся годами и десятилетиями. Весь гигантский театр военных действий был рассечён, его целостность нарушена, его устои — города и крепости — блокированы, коммуникации разрезаны, укреплённые районы прорваны, водные рубежи форсированы. Главный успех в этой Висло-Одерской операции заключался в том, что оказались разбитыми и уничтоженными основные силы германской армии восточнее Одера. Только в Восточной Пруссии было окружено и полностью уничтожено около 40 дивизий противника. Дважды (были окружены и оба раза уничтожены группировки противника в Померании, очищенной теперь от немецких войск. Провалом окончились попытки врага нанести контрудары, чтобы уйти от катастрофического поражения. Был преодолен последний укреплённый рубеж — река Одер, прикрывавший Берлин, захвачены и удержаны плацдармы на западном берегу Одера. Было сорвано наступление противника на западе против союзников, что создало для них выгодные условия для продвижения на восток к Эльбе, к Берлину.

Висло-Одерская операция стала важнейшей частью и основой исторической битвы за Берлин В этой операции доблестно выполнили свою ведущую роль танковые соединения Красной Армии.

* * *

Остановить Красную Армию на границах "райха" фашистам не удалось. Но всё же Гитлер и его генералы продолжали безумное сопротивление. Против советских войск был создан сплошной жёсткий фронт гитлеровских армий, а плацдармы Красной Армии за Одером прочно блокированы. На всём протяжении от Одера до Берлина и IB самом Берлине население, согнанное фашистами, лихорадочно строило новые укрепления. Реки, каналы, цепи озёр, леса с завалами на просеках и дорогах

казались непреодолимыми. Главным препятствием была масса населённых пунктов, сплошь подготовленных для длительной обороны. Берлин был прикрыт мощными оборонительными поясами. Опираясь на местность, трудно доступную для танков, и на города, немцы усилили свою оборону чрезвычайно большим количеством противотанковых средств. Все зенитные орудия вокруг Берлина были поставлены для стрельбы прямой наводкой по танкам.

Были мобилизованы все силы фашизма внутри страны, гестапо, части СС, личная охрана Гитлера. Организации "Гитлерюгенд" были сведены в батальоны истребителей танков. Поголовная мобилизация всего мужского населения дала сотни отрядов фольксштурма. Фашисты ещё намеревались спастись или же сопротивляться с отчаянием обречённых под лозунгом: после нас русским останутся развалины. Это их не спасло бы, но грозило нашей армии большими потерями. Наконец, Гитлер провёл ещё более действенную меру: с Западного фронта были сняты все возможные силы и переброшены на восток. В то время как на западе город за городом, порою даже по телефону, сдавался союзникам и те почти беспрепятственно шли к Эльбе, к Берлину, десятки немецких дивизий готовились оказать Красной Армии ожесточённое сопротивление.

Советские войска только что закончили Висло-Одерскую операцию. Почти три месяца они не выходили из боёв. Но ни один офицер, ни один боец не хотел думать об отдыхе. Впереди был Берлин. Водрузить знамя победы над Берлином! Эти слова реяли в весеннем воздухе, были у всех на устах. От Москвы, от предгорий Кавказа, с берегов Волги у Сталинграда, от твердынь Ленинграда пришли сюда герои-воины, и ни один из них не хотел отказаться от чести быть первым в Берлине. Войска выстрадали возможность сражаться за взятие Берлина, и никто не хотел уступить другим славу победителей Берлина. Войска рвались вперёд, готовые драться за полную победу.

Могучая советская родина, страна социализма, снова пришла на помощь своей армии. Тысячи километров отделяли армию от страны. На этом гигантском пространстве были взорваны отступавшим врагом мосты, изуродованы пути. Казалось, что великий фактор стратегии — пространство, на который при неудачах, особенно в войнах против России, всегда ссылались битые полководцы и гениальный Наполеон и бездарный Гитлер — отразится и на действиях Красной Армии под Берлином.

Но Красная Армия, руководимая Сталиным, показала, что для неё расстояние от Москвы до Берлина короче, чем для германской армии было расстояние от Берлина до Москвы.

В решающем сражении за взятие Берлина наша армия была оснащена лучше, чем в какой-либо другой операции за всё время войны. Страна помогла своим войскам провести эту историческую операцию на высшей технической основе. Десятки тысяч орудий, тысячи танков, тысячи самолётов, неисчислимое количество снарядов и патронов и хмогучие людские резервы поступили в распоряжение фронтов.

Снова победила сталинская теория подготовки и сохранения резервов для решающего удара. Победила гениальная сталинская стратегия, обеспечившая Красной Армии перевес сил и сковавшая силы врага. Великое Советское государство занесло свой меч, чтобы рассечь голову фашистскому чудовищу.

* * *

В штабе 1-го Белорусского фронта были собраны командующие армиями, корпусами. Они ждали приказа наступать на Берлин. Каждый генерал нетерпеливо ожидал решения, определяющего место его соединения в великой атаке.

Танкисты генерала Катукова получили задание — совместно с армией генерала Чуйкова наступать строго на запад, вдоль магистрального шоссе КюстринЗееловМюнхенберг и далее, на юго-западную часть Берлина. Им предстояло наступать в лоб, Правее, северней, на участке действий пехоты генералов Берзарина и Кузнецова, на северо-западную окраину Берлина должны были двинуться танкисты генерала Богданова.

С величайшим напряжением и подъёмом шла подготовка к штурму Берлина. Готовились все: танкисты, мотопехота, артиллерия, сапёры танковых соединений.

Сотни городов, тысячи населённых пунктов очистили танкисты от противника, не заходя в них, но отрезав занимавших их немцев и обеспечив действия пехоте. Немало городов, сёл и местечек было взято стремительным внезапным налётом, коротким героическим штурмом. Но никогда не было перед танкистами такого поля сражения, такого объекта атаки, как Берлин.

Над планом Берлина склонялись генералы и офицеры… Пригороды, площади, надземные железнодорожные сооружения, метро — всё это были объекты, требовавшие специфической оценки, новых тактических решений и методов атаки.

В центре плана города, занумерованные, обведённые чёрной тушью, значились рейхстаг и имперская канцелярия, куда нацеливались острия ударов всех соединений фронта.

Короткие дни, оставшиеся до штурма, были полны напряжённой учёбы. Настойчиво обучалось прибывшее пополнение. Повсюду ещё раз отрабатывали тактику уличных боёв, формировали штурмовые группы, осваивали новые способы борьбы против фауст-патронов. Танкисты особенно внимательно отработали взаимодействие с пехотой, роль которой в уличных боях неизмеримо возросла. Собравшись в штабах над картами, планом и макетом Берлина, генералы на командных играх продумывали динамику штурма фашистской столицы.

* * *

В предутренний час 16 апреля 1945 года под громы и молнии канонады танковые соединения переходили на плацдарм. На плацдарме было невероятно тесно.

Массы пехоты и танков, непосредственно её поддерживающих, батареи, дивизионы, полки, дивизии, корпуса артиллерии, всё увеличивающейся в калибрах, стояли от переднего края плацдарма до берега Одера.

Чётко, как на параде, проходили танкисты через Одер. Дежурные телефонисты докладывали минута в минуту о прохождении колоннами контрольных пунктов и регулирующих рубежей. Сотнями, тысячами машин выдвигались на последний рубеж перед атакой зрелые, опытные соединения. Ими руководили штабы, носители большой военной культуры, их вели испытанные, одарённые командиры. За рычагами танков сидели водители, подминавшие гусеницами снег и пыль, камни и грязь, проходившие вброд через реки, поднимавшиеся на хребты гор.

* * *

В семь утра перешла в наступление пехота генерала Чуйкова, и через десять минут тронулся за ней передовой отряд танков генерала Катукова. До полудня пехота прорвалась за передний край, углубилась в тактическую зону обороны, но пробить её не смогла. Ни доблесть наших пехотинцев, ни артиллерийские и бомбовые удары не приносили вначале решающего успеха. В бой вступили танковые соединения. Двигаясь в боевых порядках пехоты, они вместе с нею достигли рубежа высот у города Зеелова. Дальше продвинуться не удалось. Сплошные противотанковые рвы преграждали путь к высотам, с высот била артиллерия.

Немцам больше некуда было отступать. Свои оперативные резервы они держали сразу за линией обороны (если можно так сказать в данном случае, ибо зона обороны была сплошной до самого Берлина). Поэтому тут же начались вражеские контратаки. Немцы хотели контратаками сорвать темп нашего наступления, вырвать инициативу, выиграть время, вызвать замешательство в наступающих войсках, нанести им потери. Весь день шли упорные бои. Войска получили приказ продолжать наступление ночью. С этого момента и до последнего часа, когда пал Берлин, наши войска ни днём, ни ночью не выходили из боёв.

Ночью танкисты и пехота установили ещё более тесное взаимодействие и продолжали атаки. Танки обходили город Зеелов, пехота ворвалась на его улицы. Сразу за Зееловом разгорелись бои на направлении города Мюнхенберг. Он так же, как и Зеелов, запирал шоссе на Берлин. Местность вокруг ограничивала манёвр танков, а по обеим сторонам шоссе стояли полки вражеских зенитных орудий. Танкисты добивались прорыва, используя образовавшуюся трещину между 303-й немецкой пехотной дивизией и мотодивизией СС "Нидерланды". Сюда, совершая перегруппировки внутри танкового соединения, устремлялись все его части. Это был крайне трудный манёвр среди насыщенных боевых порядков своих войск. Он вызывал потерю времени, но обеспечивал продвижение. На шоссе появились из резерва противника 18-я мотодивизия и танково-истребительная бригада "Дора". На очередном рубеже возобновилась тяжёлая борьба. "Прогрызая" рубеж за рубежом, прорывая образующиеся тупики, наша пехота, артиллерия, танки, авиация продолжали наступление.

Нервы Гитлера не выдержали. Резервы берлинского гарнизона он бросил вперёд, к Одеру. Эти резервы замедляли наступление наших войск, но их сокрушали, перемалывали, уничтожали советские пехотинцы, артиллеристы, танкисты, лётчики.

Много кровопролитных боёв вели танкисты генерала Катукова, но и на их боевом счету мало было таких напряжённых. Все танковые части генерала Катукова дрались в боевых порядках пехоты Чуйкова.

Неуклонно продолжалось движение. Всё ближе Берлин. В ходе наступления складывалась новая обстановка. Она была чревата опасностью и в то же время таила большие возможности.

Несмотря на отчаянное сопротивление, неприятель, находившийся против центра 1-го Белорусского фронта, вынужден был всё дальше отходить от Одера. Но южнее Берлина, против левого крыла фронта, сильная группировка немцев

удерживалась в районе Франкфурта-на-Одере.

Она отступала на запад гораздо медленнее. В результате дальнейшее продвижение наших центральных соединений делало их уязвимыми слева. Оттуда, с юга, последовали контратаки во фланг армии Чуйкова и танковых соединений Катукова. Двигаясь на запад, наши войска поворачивали часть сил на юг для отражения контратак. Но эта же обстановка создавала опасности для франкфуртской группировки немцев: чем дольше она упорствовала, тем дальше обходили её с севера войска центра, двигавшиеся на Берлин. Фронт гитлеровских войск рассекался у Берлина, и эта группировка противника уже была лишена возможности отойти к Берлину и участвовать в уличных боях. Это же послужило началом её полного окружения, которое осуществилось, когда перешли в наступление танковые соединения 1-го Украинского фронта, отрезавшие франкфуртскую группировку противника с юга и с запада. Вместе с пехотой генерала Чуйкова, в локтевом взаимодействии с ней танкисты Катукова с боями вышли на юго-западную окраину Берлина.

* * *

И те же дни севернее шоссе Кюстрин-Берлин вместе с пехотой генерала Берзарина двинулись в наступление танковые соединения генерала Богданова. Они также день за днём вели тяжёлую борьбу. Малейшей трещины в обороне врага бывало достаточно, чтобы бригада пробивалась ещё глубже. Вслед за ней в сложный лабиринт укреплений, руководя каждой бригадой, командир соединения Богданов и его штаб вводили все части. На глубине 30 километров шла непрерывная жестокая борьба. Многие бойцы, офицеры, генералы пали смертью храбрых в боях на пути к Берлину и среди них-Герой Советского Союза генерал Бабаян, генерал Ноздрунов, Герой Советского Союза подполковник Василий Макаров. Тяжело ранен был Герой Советского Союза генерал Теляков,

На пути танковых соединений Богданова, северо-западнее Берлина, находились города Вернойхен, Бернау, Альтлансберг, превращённые немцами в мощные узлы противовоздушной обороны Берлина. Теперь все дальнобойные зенитные орудия, способные своими снарядами пробить насквозь броню любого танка, повернули стволы против танков Богданова. Бетонированные огневые позиции зенитных батарей были неприступны. Бывалые танкисты пошли в атаку на эти города

ночью, обходя зенитные батареи с флангов и с тыла. Они прорвались через лесной массив, через реки и множество каналов. Общими усилиями пехоты, артиллерии, танков и авиации был прорван внешний обвод берлинской обороны. Танкисты генерала Богданова, пройдя за пять дней 80 километров и захватив более 100 населённых пунктов, добились северо-восточнее Берлина свободы манёвра и получили приказ — немедленно ворваться в Берлин.

Танкисты увидели Берлин ранним апрельским утром. Он дымился под ударами нашей авиации разноцветными дымами. Ничто уже не могло остановить советских воинов.

Механизированное соединение Героя Советского Союза генерала Кривошеина, имея в голове бригаду Героя Советского Союза полковника Вайнруба, сломив в пригороде сопротивление противника, ворвалось в северо-западную часть Берлина, в район Вейсензее. Командующий артиллерией соединения генерал-лейтенант Пласков приказал открыть огонь изо всех орудий по центру Берлина

В те же дни 2-й Белорусский фронт, надёжно прикрывший с севера действия 1-го Белорусского фронта, ворвавшегося в Берлин, стремительно прорывался к Зльбе.

Вскоре новый приказ повернул танковые войска генерала Богданова на смелый манёвр в обход Берлина с северо-запада и запада, чтобы соединиться с танковыми соединениями 1-го Украинского фронта. Исполняя план и указания Верховного Главнокомандующего, фронты объединяли усилия для окружения и сокрушения Берлина.

* * *

Далеко на юго-восток от Кюстрина и Берлина, в районе городка Бунцлау (где жил свои последние дни и скончался великий русский полководец Кутузов) были сосредоточены прославленные соединения генерал-полковника Рыбалко.

На этом же направлении находились танкисты генерал-полковника Лелюшевко. Танковые соединения были расположены очень далеко от Берлина; это скрывало их предназначение.

1-й Украинский фронт перешёл в наступление, и на всём его протяжении завязались ожесточённые бои. Юго-восточнее Берлина река Одер сильно отклоняется на восток, и её давно форсировали войска 1-го Украинского фронта. Но кроме Одера им преграждали путь на запад река Нейсе и река Шпрее, протекающая южнее Берлина, параллельно линии фронта. Бои

грохотали на берегах рек и в междуречье. Противник понимал значение этих последних водных рубежей и бросал в контратаки оперативные резервы. На смену 21-й немецкой танковой дивизии, разгромленной вместе с её штабами и тылами, вступили в бой 10-я танковая дивизия, 275-я пехотная дивизия, танковая дивизия СС, охрана фюрера, "Богемия" и батальоны фольксштурма. Трое суток танкисты, форсировав реку Нейсе, действуя вместе со своей пехотой, громили противника. Лесами прошли они к Шпрее, преодолели её по дну методом слепого вождения и вырвались на западный берег.

Войска 1-го Украинского фронта вышли на оперативный простор. Путь на запад, к Эльбе, был открыт. Крупные силы маршала Конева, рассекая Германию, двинулись навстречу союзникам. В тот же момент, во исполнение директивы Ставки, маршал Конев отдал приказ танковым соединениям Рыбалко — повернуть круто на север и наступать через города Барут и Цоссен к Берлину.

Левее, на внешнем фланге танковой группировки, прикрывая её с запада, двинулись к юго-западной окраине Берлина, к Потсдаму и Бранденбургу, колонны танков Лелюшенко. Приказ маршала Конева требовал: на главном направлении обходить города, танковым кулаком пробиваться вперёд и с юга ворваться в Берлин.

До Берлина оставалось более 200 километров. Танковым соединениям 1-го Украинского фронта предстояло преодолеть в два раза большее расстояние, чем танкистам 1-го Белорусского фронта. Они шли с обнажёнными флангами. Но на их стороне была оперативная внезапность. Используя эти условия, танковые соединения 1-го Украинского фронта стремительно ринулись на север, чтобы ворваться в Берлин с юга, соединиться с танкистами генерала Богданова западнее Берлина, отрезать Берлин с запада. Одновременно они рассекали тылы противника, упорствовавшего у Котбуса и Франкфурта; сближаясь с танкистами генерала Катукова, они отрезали большую франкфуртскую немецкую группировку. Всё это вело к полному окружению Берлина.

Блестяще венчая свои действия в последних сражениях войны, соединения генерала Рыбалко прорвались к Цоссену.

Южнее Цоссена, в глухой, малонаселённой местности, на унылой песчаной земле, среди редких сосен, был расположен в военном лагере штаб верховного командования германской армии. Лагерь входил в систему укреплённого берлинского рубежа, был прикрыт дотами, минными полями, противотанковыми рвами. Танкисты обошли его и, так же как сотни раз врывались они в расположение штабов тактической

зоны противника, — так за десять дней до конца войны ворвались в главный штаб верховного командования германской армии.

В лагере были маленькие зелёные коттеджи, но под ними, за стальными бронеплитами, запиравшими люки, глубоко в земле находились кабинеты главного штаба. Танкисты увидели провода телефонов, словно паутиной покрывшие лагерь и протянувшиеся во все стороны, и огромную подземную радиостанцию. Отсюда Кейтель и Йодль передавали германской армии приказы Гитлера.

История зло посмеялась над фашистскими стратегами, пугавшими весь мир криком: "Внимание, танки!" Эти стратеги сами разбежались, когда появились советские танкисты, и панический крик: "Внимание, советские танки!" раздался в тиши кабинетов немецкого верховного командования.

Но бежать было некуда. Тысячи боевых машин, сокрушая всё на своём пути, неудержимо мчались с юга к Берлину. Каждый танкист вёл в уме и сердце счёт оставшимся до Берлина километрам. Достигнута была круговая берлинская автострада, достигнуты пригороды. Танкисты генералов Сухова, Новикова, Митрофанова, руководимые генералом Рыбалко, с хода ворвались в столицу Германии.

Танковые соединения генерала Лелюшенко, двигаясь на северо-запад, прорвались на юго-западную окраину Берлина и в город Потсдам. Туда же, в Потсдам, с севера пробились танки генерала Богданова. Было замкнуто внешнее кольцо окружения. Логово фашистского зверя оказалось обложенным стальным кольцом танков с севера, с запада, с юга и востока. Вместе с танками на улицы Берлина врывалась наша пехота, поддерживающие её танки, артиллерия; их движение обеспечивали тысячи советских самолётов.

Страшное удушье охватывало окружённый берлинский гарнизон. Позднее, на допросе, командовавший обороной Берлина генерал Вейдлинг говорил, что он окончательно понял безнадёжность сопротивления в тот час, когда узнал, что танковые соединения Красной Армии окружили Берлин. Вейдлингу стало ясно, что безнадёжно не только оборонять Берлин, но даже пытаться вырваться из него.

* * *

Советские войска окружили Берлин. Но перед танковыми войсками стояла ещё более трудная задача: вместе с пехотой и артиллерией, которым в штурме отводилась главная роль, пробиться на улицы, достигнуть центра города, рейхстага и

имперской канцелярии, в подземельях которой засел Гитлер, и уничтожить логово фашистского зверя.

Теперь танкисты увидели Берлин вблизи. На их пути встали неисчислимые препятствия: река Шпрее, каналы Ландвер, Тельтов, Дамме, Гогенцоллерн… И река и каналы имели более 50 метров ширины, 2–3 метра глубины, были одеты в бетонные берега высотою более 2 метров. Это были крайне тяжёлые для танков препятствия. Трудность и опасность форсирования особенно увеличились, потому что с противоположного берега били из-за каменных зданий пулемёты, миномёты, артиллерия.

Линия железной дороги опоясывала Берлин. Её насыпи, станции, виадуки, надземные сооружения представляли собой сплошное кольцо противотанковой обороны.

Перед танкистами и пехотой возникли лабиринты улиц, застроенных сплошными громадами домов и преграждённых баррикадами. Баррикады являлись одной из важнейших основ тактики уличной борьбы. Они строились вышиной в 2–3 метра, достигали в ширину более 4–5 метров и состояли из каменных, параллельно возведённых стен. Пространство между ними засыпалось камнями, железом, песком. Баррикады заваливались трамвайными вагонами, автомашинами, фонарными столбами.

Впереди и позади этих сооружений часто находились волчьи ямы, прикрытые асфальтом, и мины. Баррикады делались глухие или с "воротами", роль которых играли трамвайные вагоны на рельсах, проложенных параллельно баррикаде. Отходя, противник закатывал вагоны, груженные камнем, в проём баррикады и наглухо его заваливал. В баррикадах устраивались бойницы, а по обеим сторонам имелись огневые точки в стенах домов. Очень трудно преодолеть такую баррикаду на танке, к ней опасно было приблизиться пехоте, её нелегко было разбить из танковых орудий.

Гитлеровцы приспособили целые кварталы к круговой обороне, а проходы между ними преградили баррикадами. Отдельные толстостенные дома превратились в крепости. Их трудно было штурмовать и не всегда было выгодно сжигать, потому что они долго горели, пожары охватывали улицы, движение по ним прекращалось или затруднялось.

В центре перекрёстков и площадей наступающих поджидали закопанные по самые башни тяжёлые танки — "тигры" и "пантеры", причём башни их были обложены каменными плитами. На углах улиц и площадей притаились бетонированные артиллерийские огневые точки. В парках стояли готовые к наземной стрельбе зенитные орудия.

Силы берлинской обороны были в значительной части

разбиты вне города, и это облегчало уличную борьбу, но всё же гарнизон Берлина был очень многочисленным. Более 70 частей разных родов оружия действовали только против танковых соединений Богданова и Катукова. Среди них имелись батальоны фольксштурма, разные боевые группы — остатки дравшихся за городом дивизий: 25-й мотодивизии, 309-й пехотной, 11-мотодивизии СС "Нордланд", танко-истребительной бригады "Гитлерюгенд". Тут же находились бригады штурмовых орудий, 43-й, 56-й, 132-й артиллерийские полки и полки "Алярм", роты истребителей танков, зенитные полки. Были вооружены и дрались команды по откапы-ванию засыпанных после бомбардировки, школа голубеводства, роты радиоперехвата, аэродромная команда Темпельгофа, батальоны — строительные, железнодорожные, связи, автомобильные. Вместе с ними дрались отборные части СС Лейбштандарт "Адольф Гитлер", Берлинская артиллерийская школа, полк охраны берлинских тюрем, 60-й крепостной полк, батальоны моряков и другие.

Немецкие пленные офицеры показали, что в уличных боях действовало более 50 тысяч вооружённых фаустпатронами, и каждый имел приказ уничтожить не менее одного русского танка.

Перед танками и пехотой возникли каменные огневые тупики, сплетение оборонительных рубежей. Танки теряли в городе своё важнейшее качество манёвренность. Огонь танков был ограничен на улицах невозможностью стрелять по верхним этажам, когда танк становился близко к дому, ибо орудие танка имеет предел возвышения. Но оно же имеет предел склонения и не может поражать близко, рядом с собой. Это образует "мёртвое" (необстреливаемое) пространство " вокруг танка, что делает его особенно уязвимым в ближнем бою.

В то же время требовалось вести огонь в нескольких измерениях: по фронту, по высоте — от первого до высшего этажа и крыши и ещё вниз — в полуподвал, подвал, спуск в метро. Противник вёл огонь со всех этажей, балконов, с крыш, из подвалов, из каждой подворотни.

Мотопехота, действовавшая с танками, должна была штурмовать каждый дом, и атаки домов отвлекали массу пехоты. Бой был очень трудным. Противник контратаковал даже после того, как улицы были пройдены. Его автоматчики, фаустники и снайперы, переодетые в штатское и женское платье, пробирались в тыл, контратаковали из метро, обстреливали с флангов, рвали связь. Захваченный в бою перекрёсток улиц или площадь ещё долго обстреливались миномётным огнём издалека, ибо корректировщики сидели тут же в домах, и их крайне трудно было обнаружить и уничтожить. Ворвавшись на улицу, танки

двигались, вели напряжённый огонь по стенам домов. Точно огромная стальная швабра обдирала со стен зданий карнизы, балконы, углы. Но это поднимало сплошную душную и тяжёлую завесу известковой пыли и дыма и ослепляло танки. В этой мгле танк натыкался на препятствия, получал удары фауст-патронов. Прижимаясь к стенам, пехота продвигалась перебежками от подворотни к подворотне, от подъезда к подъезду, атаковала, и пыль скрывала её от противника. Но, проскочив через пелену пыли и дыма, пехотинцы снова оказывались под огнём противника без поддержки своих танков, которым пыль мешала стрелять. Тяжело было двигаться танку, потому что его трудно было прикрывать с боков пехоте. Тяжело было двигаться пехоте, потому что в дыму, в пыли и на препятствиях отставали танки. Пожары преграждали путь танкам, бушующее пламя порой отрезало им выход из улиц.

* * *

Бои е черте города, на реке Шпрее и каналах развернулись в сотнях пунктов. Танкисты генерала Бабаджаняна пробились к Шпрее, навели паром, начали переправу. Но огнём тяжёлых снарядов противника паром был разбит, стал тонуть, и подожжённый танк, пылая, опустился в мутные воды, на чёрное дно реки Шпрее. Садами и дворами, пробивая стены строений, танкисты вырвались на берег Шпрее, нащупали слабо прикрытый противником участок и начали переправу. Вскоре понтонёры навели здесь 60-тонный мост, и танковое соединение Бабаджаняна прорвалось за Шпрее.

Мотопехота генерала Салминова форсировала на широком фронте канал при помощи подручных средств и захватила на противоположном берегу десятки плацдармов. Почти всюду противник перешёл в контратаки, прижимая первые группки героев к гранитной набережной и стремясь отбросить их за канал. В кровопролитных боях мотопехота удержала плацдармы. Кроме того, сапёры соединений приспособили настил на устоях взорванных мостов, разминировали мосты, приготовленные к взрыву, и танкисты Салминова двинулись в глубь Берлина.

За сплошной стеной заводов и домов, над самой водой Тельтов-канала засели на противоположном берегу немецкие автоматчики и фаустники. За бойницами, пробитыми в толщах стен, стояли противотанковые орудия. Канал был неодолим. Генералу Рыбалко пришлось использовать тяжёлую артиллерию. Её сокрушительные удары разбивали стены, которые вместе с

фашистами рушились в грязную воду. Шаг за шагом, отбрасывая противника от Шпрее и каналов, углублялись наши передовые отряды в Берлин, а позади их, споря за очередь на паром, на мост, за право вне очереди броситься в бой, переправлялись всё новые и новые части…

На разных направлениях складывалась различная обстановка для танкистов. Она попрежнему была очень тяжёлой для войск генерала Катукова, наступавших узкой полосой в три-четыре улицы, на участке, наиболее насыщенном силами противника. В тяжких уличных боях героически пали командиры бригад полковники Темник, Гаврилин, Лактионов. Беспримерный путь прошли они через поля сражений Отечественной войны. Им оставалось дойти до победы лишь несколько улиц. Они не щадили себя — прорвались через сильнейшую оборону к центру Берлина. Они внесли в борьбу не только героизм, но весь свой огромный опыт.

На улицах Берлина в этих боях совершенствовалась тактика уличной борьбы. Танковые соединения выработали свой боевой порядок наступления. Два танка шли вдоль домов, но идущий справа вёл огонь налево, идущий слева — направо. Перекрёстный огонь достигал верхних этажей и к тому же прикрывал внутренние борты танков. Третий танк, идя уступом сзади, вёл огонь перед собой, прямо в глубину. Следующий за ним бил в подвалы, и, наконец, последний танк обстреливал крыши. В уличном бою, крайне насыщенном огнём с ближних дистанций и особенно огнём автоматического оружия, пехоте трудно, порою невозможно, двигаться вдоль улиц без танков. Но и танки уязвимы без пехоты. И тем и другим нужны сапёры. Так действовали штурмовые группы — основа тактики уличного боя.

Танк, стреляя, подавлял огневые точки противника в домах, обеспечивал своей пехоте подступы к дому, блокировал дом, прикрывал атаку пехоты. Танк обстреливал баррикаду, подавлял огневые точки вокруг неё и подвозил к ней сапёров, которые под прикрытием танка взрывали проход в баррикаде. Затем мощный танк цепями растаскивал баррикаду.

На пути танкистов генерала Дремова стоял правительственный дом, обращённый в крепость. Снаряды не пробивали стен и стальную броню на окнах. Тогда самоходные орудия тяжёлыми снарядами стали оглушать гарнизон дома, а танки подвезли своих сапёров, которые начали долбить ниши под этим зданием. Выдержали стены и плиты, но не выдержали нервы гитлеровцев. Оглушённые, ежеминутно ожидая взрыва, обезумевшие немцы сдались танкистам.

* * *

Штабы всех танковых соединений находились в боевых порядках передовых частей. Управление соединением в уличном бою, протекавшем в новых для танкистов и крайне тяжёлых условиях, показало, что наши штабные офицеры и здесь нашли путь к победе.

Танковые соединения генерала Катукова непрерывно прорывали жёсткую оборону. Танкисты генерала Богданова манёвром на северо-запад обеспечили себе большую свободу действий. Внезапное появление танков генерала Рыбалко с юга дало им сразу свободу манёвра. Фронт их наступления увеличился. Под ударами танкистов генерала Рыбалко была треть Берлина. Генерал этим полностью воспользовался. Он форсировал канал, и железные потоки танков на широком фронте ворвались на улицы района Штеглиц. Танки маневрировали садами, скверами, по пустырям. Они проносились на полной скорости по улицам, захватывали перекрёстки и площади и удерживали их до подхода главных сил. Танкисты блокировали особенно упорствовавшие в обороне домов гарнизоны и снова рвались вперёд. По приказу генерала подвижные отряды зенитчиков и автоматчиков на бронетранспортёрах курсировали по захваченным районам, очищая их от сохранившихся в тылу фашистов, обеспечивая свои коммуникации и фланги.

Так по-разному, но всюду героически и умело пробивались танкисты всех соединений к центру Берлина. Генерал Шалин через линию фронта выслал офицеров из соединения Катукова на самолёте в штаб генерала Рыбалко. Были установлены сигналы встречи, опознавательные знаки. Танкисты генерала Рыбалко встретились на своём правом фланге, в юго-восточной части Берлина, с танкистами генерала Катукова и на левом фланге, в западной части Берлина, с танкистами генерала Богданова. Берлин был рассечён. Замкнулось второе, внутреннее, кольцо вокруг берлинского гарнизона.

В те же дни в юго-западной части Берлина, в Потсдаме, на острове Ванзее сражались соединения генерала Лелюшенко. Против них развёртывались в районе Бранденбурга части 12-й немецкой армии, чтобы ударить по тылам наших войск, окружавших Берлин с юга и юго-запада. Танкисты Лелюшенко ликвидировали и эту последнюю попытку помочь окружённому Берлину извне. Франкфуртско-котбусская группировка противника старалась прорваться из окружения через Барут, выйдя из лесов на тылы 1-го Украинского фронта, но была разбита при участии танкистов Лелюшенко и Рыбалко.

С каждым шагом, приближавшим наших воинов к центру Берлина, суживался фронт, и характер боёв для всех соединений становился одинаковым. Прекратили действия наша тяжёлая артиллерия и авиация, ибо сблизились армии и дивизии, и в хаосе уличных боёв они могли бы ударить по своим.

Центр Берлина прикрывали части СС. Туда не допускалось немецкое население. В последние дни штурма тяжесть борьбы не уменьшилась. Наши войска сблизились с врагом вплотную. Враг защищался с остервенением. Генерал Богданов приказал поставить дымовые завесы, и целый день в белых волнах дыма сапёры танковых соединений пробивали стены. Бой вёлся за каждую стену, за каждую брешь в ней. Десятые сутки длился неслыханный по ожесточению штурм. Фашистские звери огрызались. Дома, где они сопротивлялись, поджигались с вечера. За ночь они выгорали, и днём наши войска шаг за шагом пробивались к центру. В дыму пожаров, в чудовищной феерии огней, в хаосе и грохоте видно было звёздное наступление Красной Армии, ощутимо было это страшной силы сжатие, раздавившее в конце концов центр Берлина.

* * *

Над Берлином взвилось знамя Победы. У чёрных стен рейхстага и рейхсканцелярии стоят советские танки. Они двинулись сюда с берегов Вислы, разошлись в разные края Европы и на громадном пространстве — от полосы Прибалтийской возвышенности до Чешского Нагорья, от Вислы до Эльбы обеспечили фронтам манёвр на уничтожение врага, придали наступлению Красной Армии размах, глубину, решающий темп и характер борьбы на уничтожение.

Они прошли по германской равнине, прорвались полосою Больших долин к Берлину и вместе с пехотой, артиллерией, авиацией окружили фашистскую столицу.

Они рассекли её, и острия наступления всех родов войск сошлись у рейхстага.

Так же как под Сталинградом и Курском, в Белоруссии и на Украине, и на европейской арене советские танкисты в битве за Берлин показали, что они являются могучим средством осуществления гениальных планов Генералиссимуса товарища Сталина. Вместе со всей Красной Армией, в её авангарде они выполнили приказ великого полководца: "Водрузить знамя победы над Берлином".

Берлин

Содержание

Предисловие
На Бородинском поле (октябрь 1941 года)
Великое сражение под Сталинградом
Удар на Дону
Июльская битва
Советские танкисты в битве за Киев
Маневр и удар танковых соединений
Майор Хохряков в боях
В танковом штабе на Висле
Прорыв к морю
Кантемировцы
Крах Восточной Пруссии
Советские танкисты в Берлинском сражении
Примечания

notes

Примечания

1

Земляная насыпь перед наружным рвом укрепления.

Предмостных укреплений.